В. Ропшинъ.

Во Франціи во время войны.

М. 1916

В. РОПШИНЪ.

Во Франціи во время войны.

Сентябрь 1914 — Іюнь 1915.

М. 1916 г.

ТИПОГР. В. И. ВОРОНОВА, МОСКВА.

Предлагаемыя здѣсь статьи — плодъ наблюденій автора за время войны; многія изъ нихъ были уже напечатаны въ различныхъ органахъ современной прессы. Собранныя теперь вмѣстѣ и расположенныя въ извѣстномъ порядкѣ, статьи эти должны послѣдовательно отразить настроенія союзной намъ страны за время отъ сентября 1914 г. до іюня 1915 г. Авторъ надѣется, что его книжка будетъ не безъинтересна для русскаго читателя въ переживаемый теперь моментъ.

ОДНИ И ДРУГІЕ.

Сегодня ночью я уѣзжаю въ Парижъ. Ко мнѣ приходитъ прощаться мой пріятель рыбакъ Дюпюи. У него сожженное солнцемъ лицо, изсохшая шея и большія, жесткія, рабочія руки. Онъ и весь изсохшій и жесткій, точно старый карабельный канатъ. Онъ разсматриваетъ карту Европы и мозолистымъ пальцемъ неумѣло ищетъ Компьень.

— Они въ Компьенѣ? Вы говорите, въ Компьенѣ?.. Это ничего... Они не войдутъ... Развѣ это возможно? Вѣдь это позоръ!.. О, разбойники... Мы не хотѣли войны... Но они пришли... Ихъ много, такъ много, какъ анчоусовъ въ морѣ, весной... И теперь они грабятъ, жгутъ, насилуютъ женщинъ... Мы не позволимъ!.. Нѣтъ, они не будутъ въ Парижѣ!..

Что мнѣ сказать? Я молчу. Онъ въ волненьи поворачивается ко мнѣ.

— У меня единственный сынъ въ войскахъ... Онъ ушелъ на четвертый день... Можетъ быть на востокъ... Я не знаю... Я ничего не знаю... Старуха плачетъ цѣлые дни. Не надо плакать... Вѣдь лучше смерть, чѣмъ Вильгельмъ... Я—старикъ. Я очень несчастливъ: я не могу взять ружье... Но каждый, кто можетъ, долженъ

идти. Слышите, каждый!.. Да, каждый!.. Мы боремся за свободу!..

Я жму ему руку. У него старуха-жена, утлая лодка, утлая снасть и убогій, гостепріимно-привѣтливый домъ. Онъ отдалъ сына. Онъ съ радостью отдастъ и жену, и домъ, и себя. Вѣдь—„мы боремся за свободу“!.

Въ Cannes, звеня шпорами, входитъ въ вагонъ драгунъ. Синяя куртка, красные панталоны и за плечами кавалерійскій Лебель. Черное, южное, заросшее волосами лицо. Черные, южные, пронзительные глаза. Такихъ солдатъ рисовалъ Мейссонье. Онъ—оттуда, съ фіолетовыхъ горъ. У него, навѣрное, виноградникъ и, я знаю, онъ отъ зари до зари, не разгибаясь, работаетъ на поляхъ.

— Вы русскій?

— Да, русскій.

— Да здравствуетъ Франція! Да здравствуетъ Россія! Да здравствуетъ Англія! Мы боремся за свободу! Какъ въ 93-мъ году! Не правда ли, товарищъ? Нѣтъ, не товарищъ, неправда ли, братъ?.. Развѣ мы не братья теперь?.. И вы знаете, не надо жалости... Мы будемъ жестоки!

— Жестоки?

— Да... А Лувенъ? Или это можно забыть?.. Мы не сдадимся!.. Нѣтъ... Пусть пруссаки войдутъ въ Парижъ... Пусть наводнятъ уланами Францію... Что бы ни было, мы будемъ стоять до конца. Вы меня слышите: до конца На этотъ разъ, борьба не на жизнь, а на смерть,

до послѣдней копейки, до послѣдняго человѣка!.. Я оставилъ жену, оставилъ троихъ дѣтей... Ну такъ что же? Лучше смерть, лучше голодъ, лучше голая нищета, чѣмъ Вильгельмъ!.. О, это не 70-й, это, я говорю вамъ, 39-й годъ... Да, если надо, мы будемъ жестоки... И знаете что?—онъ наклоняется низко ко мнѣ и говоритъ почти шопотомъ, точно сообщаетъ важный секретъ— Знаете что? Вѣдь это послѣдняя война... Германія будетъ разбита и никогда не будетъ больше войны... Не надо войска... Не надо вооруженій! Люди, всѣ люди, будутъ, какъ братья. Не такъ ли?.. Развѣ за это не стоитъ, не должно отдать свою жизнь? Народъ всталъ, какъ одинъ человѣкъ... Понимаете ли: народъ! Народъ борется за свободу, за справедливость, за миръ... Разбойники, они пришли къ намъ, въ нашъ домъ, въ нашу семью... Они хотятъ разрушить, сжечь, раздавить... Но, вы знаете, въ концѣ концовъ побѣдятъ не они!..

Онъ сжимаетъ свой короткій Лебель и съ любовью долго, разсматриваетъ его.

— Вы видите, онъ бьетъ на 2000 метровъ... Пусть я, умру, но я дорого продамъ свою жизнь...

И я вѣрю: да, онъ дорого продастъ свою жизнь.

Въ Марсели, на раскаленной до бѣла Cannabière, идутъ войска. Всю улицу запрудили густые, синіе, непроницаемые ряды. Это не нѣмецкая тяжелая, точно каменная, пѣхота. Это стройные, легкіе, веселые люди. На штыкахъ и на ранцахъ цвѣты. На пыльныхъ лицахъ улыбки. И когда здѣсь, подъ полуденнымъ солнцемъ,

смотришь на нихъ, то кажется, что вотъ такъ же, съ дѣтской улыбкой, съ алыми розами на штыкахъ, съ трехцвѣтнымъ знаменьемъ во главѣ, они пойдутъ на прусскіе пулеметы. Весь Марсель привѣтствуетъ ихъ. Въ сторонѣ, на углу, большая толпа. Молодой, свѣтловолосый гусаръ показываетъ нѣмецкую каску. Каска остроконечная, черная, съ золотымъ германскимъ орломъ. Странно видѣть германскій орелъ въ Марсели.

Гусаръ смѣется и высоко поднимаетъ каску надъ головой:

— Да, я взялъ его въ плѣнъ... Я его не бралъ... Онъ былъ раненъ и я могъ бы его убить... Но зачѣмъ убивать безъ нужды? Это нѣмцы такъ дѣлаютъ... А развѣ мы нѣмцы?..

Онъ блѣденъ и у него на перевязи рука. Онъ самъ былъ раненъ въ Альзасѣ. Не тѣмъ, не уланомъ, котораго онъ пощадилъ? Я смотрю на него: узкія плечи, впалая грудь и невинные, голубые глаза. Онъ, навѣрное, рабочій. Сынъ Парижа и душныхъ фабричныхъ станковъ.

— Мы боремся за свободу! Мы побѣдимъ! Мы не можемъ не побѣдить! Я раненъ? Вздоръ! Пустяки!.. Не стоитъ и говорить... Взгляните лучше на каску... О, мы еще много принесемъ вамъ такихъ... Да здравствуетъ Франція! Да здравствуетъ свобода и справедливость!..

Онъ, смѣясь, исчезаетъ въ толпѣ. По Cannabière все идутъ и идутъ войска, точно синее море вышло изъ береговъ, точно синія волны затопили Марсель, синія вол-

ны синихъ шинелей, волны вставшаго, какъ одинъ человѣкъ, народа. И во мнѣ крѣпнетъ твердая вѣра: развѣ можно побѣдить возставшій народъ? Развѣ не жива его неумирающая душа?

Передо мною другіе люди. Высокій, тощій, съ острой бородкой старикъ, похожій на Деруледа. Въ петлицѣ орденъ Почетнаго Легіона. Онъ не дѣлаетъ ничего. Онъ—„rentier“, живетъ на свой капиталъ. Война разоряетъ его, нарушаетъ покойную жизнь.

— Вы говорите, мы побѣдимъ... Возможно... Но, во-первыхъ, изъ-за чего, позвольте спросить, война? Изъ-за того, что Австрія угрожала Сербіи? Но какое намъ дѣло до сербовъ? Что такое эти несчастные сербы? И затѣмъ, вы знаете, мы не готовы... Сенаторъ Эмберъ доказалъ... Когда прійдутъ индѣйскія войска, когда казаки будутъ въ Берлинѣ, тогда посмотримъ... А теперь— онъ неопредѣленно машетъ рукой.

— Теперь нѣтъ денегъ, мораторій, нужда...

— Такъ вы надѣетесь на насъ, русскихъ?

— Да, конечно, на васъ...

— А ваша армія?

— Ахъ, знаете... Васъ милліоны... Вы безъ труда раздавите нѣмцевъ... Васъ слишкомъ много. Вы должны побѣдить... Ну, а затѣмъ, слушайте, если даже они войдутъ въ Парижъ,—что же? Это все-таки лучше, чѣмъ, напримѣръ, коммуна... Все-таки они защитятъ...

Я молчу. Онъ, не спѣша, зажигаетъ сигару.

— Наша армія? Вы слышали про случай съ генера-

ломъ X, съ генераломъ У, съ генераломъ N N?. И чего правительство смотритъ?.. Вѣдь нѣмцы здѣсь, подъ Парижемъ... Въ Сенлисѣ и Шантильи... Вѣдь аэропланы бросаютъ бомбы... Ахъ, ужасъ, ужасъ... А XV-й корпусъ? А сраженіе подъ Шарлеруа? А Мюлузъ?.. Вы слышали? Нѣтъ?..

Онъ сыплетъ „послѣдними" новостями. Въ нихъ нѣтъ правды, но есть унизительный страхъ, страхъ богатаго человѣка. Все кончено, все погибло, Погибло потому, что погибъ его банкъ, его лавочка, его „коммерческій домъ".

— Не надо войны... Не надо... О, нѣмцы, они такъ сильны!..

И племянникъ его, безусый, молодой человѣкъ, embusqué, во избѣжаніе военной службы, поступившій въ одну изъ безчисленныхъ канцелярій, вздыхаетъ и шепчетъ:

— Президентъ Вильсонъ предлагаетъ посредничество... Но мы, конечно, не примемъ... Какъ ты думаешь, oncle?

А я снова вижу Марсель. Синія волны синяго моря, темно-синихъ запыленныхъ шинелей. Я вижу загорѣлыя лица, сверкающіе на солнцѣ штыки, алыя розы и веселую, южную, смѣющуюся толпу. Я слышу мужественныя слова. И мнѣ хочется крикнуть, крикнуть такъ, чтобы услышали люди въ сѣрыхъ шинеляхъ, люди сѣвера, люди земли, чтобы услышала вся Россія: „Мы боремся за свободу... Да здравствуетъ великій французскій народъ"!..

ПАРИЖЪ.

Сегодня военный губернаторъ Парижа, командующій Парижской арміей, генералъ Галліени, обратился съ воззваніемъ къ населенію и къ арміи.

„Правительство республики покинуло Парижъ въ цѣляхъ лучшей обороны отечества.

„Я получилъ приказъ защищать Парижъ противъ завоевателя.

„Этотъ приказъ я исполню до конца.“

Пруссаки въ Meaux и въ Senlis, то-есть у стѣнъ Парижа. Завтра, можетъ быть, они будутъ на Champs Elysées. Прусскія пушки разрушатъ Mont Valérien. Прусскій уланъ осквернитъ галлерею Лувра. Прусскій орелъ увѣнчаетъ Arc de Triomphe... „И увидѣлъ я въ видѣньи коней и на нихъ всадниковъ, которые имѣли на себѣ брони огненныя, гіацинтовыя и сѣрыя; головы у коней, какъ головы львовъ, и изо рта ихъ выходилъ огонь, сѣра и дымъ. Отъ сихъ трехъ язвъ, отъ огня, дыма и сѣры, умерла третья часть людей“. Гдѣ прошелъ императоръ Вильгельмъ, тамъ „умерла третья часть людей“. Умретъ и въ Парижѣ. Неужели это не сонъ?

Я люблю Парижъ. Гдѣ бы я ни былъ, что бы ни случалось со мной, я твердо знаю,—есть два прибѣжища, двѣ защиты: Парижъ и Москва. О нихъ я помню, ими

втайнѣ спасаюсь. Въ Москвѣ, я—русскій. Я русскій потому что тамъ Кремль, Иванъ Великій, Успенскій Соборъ, домъ Толстого, домъ Герцена, потому что о Москвѣ писалъ Пушкинъ, потому что на Тверской въ ноябрѣ лежитъ снѣгъ. Въ Парижѣ, я—европеецъ. Я унаслѣдовалъ что-то отъ Дантона и Верніо, отъ коммуны, отъ Флобера, Жореса, Альфреда Мюссе. И когда я вижу узорныя башни Notre Dame, мнѣ кажется, что онѣ не чужія, что я разгадалъ ихъ загадку, понялъ то, что понимаетъ каждый французъ. Въ эти минуты я вѣрю: нѣтъ эллина и нѣтъ іудея, міръ живетъ единою жизнью.

Пруссаки въ Meaux и въ Senlis... Сырая, душная, сентябрьская ночь. Темно и тихо въ Парижѣ. На Champs Elysées нѣтъ огней. По черному небу украдкой бродитъ прожекторъ. Бѣлый, острый, пронзающій мечъ. На бульварахъ затаившаяся толпа. Со стороны St. Denis заглушенно гремятъ орудія. Тяжкій камень ложится на сердцѣ. Точно вовсе не будетъ разсвѣта, точно вѣчно продлятся горестные часы... Жутокъ мракъ и жутки слабые вздохи. Вздохи города, который не спитъ, который ждетъ въ смертельной тоскѣ. Огонь, сѣра и дымъ... Но я не разумомъ знаю, а чувствую всей душой: Великъ Богъ земли русской!..

Днемъ сіяетъ нежаркое солнце, трепещутъ листья каштановъ. Улицы какъ всегда: магазины, трамваи, кафэ и громкій голосъ бѣгущихъ автомобилей. Я хожу по бульварамъ. Я не вѣрю, что пруссаки въ Senlis. Ночью мнѣ снилось. Снилось, что вышла на землю саранча. Ея

нѣтъ. Ея, конечно, не будетъ. Я вижу трудовой, огромный, любимый Парижъ,—Парижъ предмѣстій и фабрикъ. Всѣ брилліанты, цилиндры, модныя шляпы теперь на югѣ, въ Бордо. Тамъ правительство, здѣсь народъ. Тамъ политика, здѣсь война. Тамъ „казаться“, здѣсь „быть“. И я съ улыбкой читаю Hervé.

— Эй вы, веселые люди въ Бордо! Вамъ, должно быть, не скучно!..

Гулко гудитъ военный автомобиль. Запыленный, съ поля сраженія. Мнѣ кажется, что на немъ слѣды пуль, брызги крови, осколки шрапнели. Впереди англійскій значокъ. На рулѣ молодой офицеръ, въ хаки, въ низкой фуражкѣ, стройный, четкій, точно оловянный солдатъ. Англичане дерутся, какъ играютъ въ футболъ,—хладнокровно, не торопясь, не уступая и не забѣгая впередъ. Всегда и вездѣ „All right“... Французы закрываютъ глаза. Они не видятъ, не хотятъ видѣть смерти. Они не ждутъ своей артиллеріи. Они, какъ дѣти, бросаются на штыки. Вотъ слышенъ размѣренный шагъ. Вотъ красныя панталоны. Батальонъ, можетъ быть, полкъ. Эти люди еще не бывали въ бою. Это видно по ихъ шинелямъ, по ихъ блестящимъ винтовкамъ, по спокойнымъ, еще не истомленнымъ глазамъ. Я слышу восторженный крикъ: „Vive la France! Vive l'Anglèterre!..“ И я знаю: нѣтъ, это сонъ. Саранча не будетъ въ Парижѣ.

Въ синемъ небѣ звенятъ желѣзныя крылья. Что это? Прусскій аэропланъ? Или снова мнѣ снится? „И увидѣлъ я звѣзду, падшую съ неба на землю, и данъ былъ ей

ключъ". Ключъ отъ крови. Я поднимаю голову вверхъ. На солнцѣ искрится броня. Кто-то маленькій, быстрый,— звонкая стрекоза,—кружитъ и вьется надъ Etoile. Пройдетъ секунда, можетъ быть, двѣ, и вспыхнетъ алое пламя, задрожатъ разбитыя стекла, содрогнется въ страхѣ земля, разбѣгутся блѣдные люди, и настанетъ мертвый покой. И я думаю: кто, безумецъ, осмѣлился пролить невинную кровь? Кто осмѣлился вылить чашу? Чашу ангела давшаго ключъ? Тяжекъ грѣхъ и велико преступленіе... Звенятъ, жужжатъ желѣзныя крылья. И черезъ часъ, тамъ, въ опустошенномъ Senlis, одинъ изъ „всадниковъ съ львиною головою" разскажетъ, что онъ бросилъ съ неба огонь и что этотъ огонь убилъ ребенка... Его поздравятъ и наградятъ. И будутъ долго говорить о воинской чести. А потомъ снова „потечетъ кровь до уздъ конскихъ". Снова полетитъ саранча. Снова упадетъ небесный огонь. Когда же месть? Когда воздаяніе?

Темнѣетъ вечеръ, опускается ночь. Темно, и сыро, и душно. Бродитъ бѣлый прожекторъ. Гремятъ орудія у Saint Denis. Свинцовый камень лежитъ на сердцѣ. И я вспоминаю: „День сей есть день гнѣва, день скорби и тѣсноты, день ужаса и опустошенія, день тьмы и мрака, день облака и мглы". Но пройдетъ этотъ день. Саранча не будетъ въ Парижѣ. Ибо горе тому, кто неправедно поднялъ мечъ.

НА МАРНѢ.

6-го сентября нов. ст. главнокомандующій французской арміей, генералъ Жоффръ, отдалъ слѣдующій приказъ:

„Я считаю нужнымъ напомнить, что отъ исхода настоящаго боя зависитъ судьба отечества. Теперь не время оглядываться назадъ. Необходимо заставить непріятеля отступить. Та военная часть, которая будетъ не въ силахъ подвигаться впередъ, должна во всякомъ случаѣ удержать за собою позицію. Лучше быть убитымъ на мѣстѣ, чѣмъ отойти. Въ этомъ бою никакое колебаніе недопустимо".

Почти въ тотъ же день, командующій 8-мъ германскимъ корпусомъ, генералъ Тюльфъ фонъ-Тшеппеундъ-Верденбахъ писалъ, обращаясь къ своимъ войскамъ: „Витри-ле-Франсуа, 7-го сентября 10 ч. 50 м. Послѣ тяжелаго и долговременнаго похода мы достигли, наконецъ, намѣченной цѣли. Главныя французскія силы вынуждены принять рѣшительный бой. Завтра вся германская армія, въ томъ числѣ 8-й корпусъ, дастъ сраженіе по всей линіи отъ Парижа до Вердена. Я ожидаю, что во имя благополучія и чести Германіи каждый офицеръ и каждый солдатъ исполнитъ свой долгъ до конца,

до послѣдняго издыханія. Отъ исхода этого боя зависитъ все“.

Изъ этихъ двухъ короткихъ приказовъ видно, какъ высоко оцѣнивалось обѣими сторонами сраженіе на Марнѣ. Сраженіе это окончилось побѣдой французовъ. Германская армія отступила. Я посѣтилъ оставленныя войсками мѣста.

I.

Куломмье и Ля-Фертэ-Гошэ.

Куломмье—небольшой и спокойный городъ, одинъ изъ тѣхъ губернскихъ городовъ Франціи, гдѣ не чувствуется вліянія Парижа, гдѣ тихо на улицахъ, тихо въ уютныхъ домахъ и гдѣ хочется говорить шопотомъ, чтобы не нарушить мирную тишину. Черезъ Куломмье прошли нѣмецкія войска. Они не жгли, не грабили, не разоряли домовъ. Они не вѣрили въ пораженіе и поэтому только „шутили“. Такъ „пошутили“ они съ государственнымъ прокуроромъ. Его привели на площадь передъ мэріей.

— Вотъ здѣсь, у этой стѣны, завтра въ полдень мы разстрѣляемъ васъ, cochon de français... Музыка, играй похоронный маршъ!

Я видѣлъ этого прокурора. Провинціальный, скромный, обыкновенный чиновникъ. Въ глазахъ застывшій испугъ. Онъ говоритъ односложно, старательно выговаривая слова:

— Ихъ было много?

— Да, много.

— Они не жгли?

— Нѣтъ.

— Не грабили?

— Нѣтъ.

— Не разстрѣливали?

— О, нѣтъ.

— Значитъ, городъ не пострадалъ?

Онъ молчитъ.

— Значитъ, слухи объ этихъ жестокостяхъ сильно преувеличены?

Онъ опускаетъ свои испуганные глаза.

— А женщины? Вы забыли про женщинъ...

Да, въ Куломмье оставались женщины, большею частью старухи. Можетъ быть и съ ними нѣмцы только „шутили".

Въ Ля-Фертэ-Гошэ еще много войскъ. Гусары, артиллерія, инженерныя войска. Вся площадь и узкія улицы алѣютъ красными панталонами. Грузно стоятъ грузовые автомобили. На одномъ, сѣромъ, скучномъ, тяжеломъ я читаю: „3-й корпусъ. Ганноверъ". Именно здѣсь, въ Ля-Фортэ-Гошэ, произошло то, что разсказалъ профессоръ Дельбэ.

„Одинъ нѣмецкій генералъ бесѣдовалъ съ моей матерью при обстоятельствахъ болѣе чѣмъ странныхъ. Ля-Фертэ-Гошэ расположена на рѣкѣ Гранъ-Морэнъ. Черезъ Гранъ-Морэнъ есть два общественныхъ моста. Третій, частный, находится въ имѣніи моей матери, которой 70 лѣтъ.

„Когда пришли нѣмцы, они явились въ нашъ домъ. Генералъ,—имя его осталось мнѣ неизвѣстнымъ,—пригласилъ мою мать присутствовать при прохожденіи ввѣренныхъ ему войскъ:— „то будетъ, сударыня, очень интересный и поучительный смотръ“.

„Смотръ“ тянулся съ 11-ти часовъ утра до 6-ти час. вечера. Все это время, генералъ, поигрывая моноклемъ, бесѣдовалъ съ моею матерью. Онъ часто смѣялся довольнымъ и громкимъ смѣхомъ.

„Сударыня, когда вы будете нѣмкой,—ибо вы будете нѣмкой,—вы будете гордиться тѣмъ, что присутствовали на этомъ смотру.—Я велю сдѣлать доску, великолѣпную доску... Я прибью къ вашему дому на память... Французы, сударыня, защищаться не могутъ... Да, я знаю: ваши друзья англичане, ваши друзья русскіе... Англичане? Они хороши на морѣ, но на сушѣ они ничего не стоятъ... Что же касается русскихъ... а! а!.. они даже не понимаютъ, что такое настоящая армія...

— „Но они сдѣлали много успѣховъ за послѣднія десять лѣтъ...

— „Да, конечно, конечно... Но, повѣрьте, у нихъ нѣтъ арміи... Остаются французы... Что же вы хотите? Это— вырождающійся народъ... Съ французами кончено. Я вамъ скажу, какъ мы поступимъ съ вами послѣ войны... Вотъ: мы сохранимъ вашихъ лучшихъ мужчинъ и женимъ ихъ на здоровыхъ нѣмкахъ. У нихъ будутъ здоровыя дѣти... Что же касается остальныхъ, мы сошлемъ ихъ въ Америку.

— „Но, генералъ, вѣдь мы одержали нѣсколько побѣдъ въ эту войну.

— „Ни одной, сударыня, ни одной.

— „Мы взяли нѣмецкое знамя...

— „Вздоръ, сударыня, вздоръ... Вы не одержали ни одной побѣды и вы не одержите ни одной. Черезъ два дня мы будемъ въ Парижѣ.

„Черезъ нѣсколько дней тѣ же войска и тотъ же генералъ возвращались черезъ Ля-Фертэ-Гошэ. Одинъ нѣмецкій солдатъ остановился у нашего дома. Онъ грустно сказалъ: „Нѣтъ Парижа... Нѣтъ“...

„Почти тотчасъ же въ городъ вступили наши драгуны“.

Въ Куломмье и въ Ля-Фертэ-Гошэ нѣмцы не разоряли, не грабили и не жгли. Они только „шутили“. „Шутили“ съ женщинами, съ прокуроромъ, съ г-жей Дельбэ. Но въ другихъ городахъ, въ Эстернэ, въ Монмирайлѣ, въ Феръ-Шампенуазѣ они уже не шутили. Я не знаю, нужно ли пожалѣть объ этомъ. Я не знаю, что лучше: униженіе или напрасная смерть?

II.

Эстернэ.

Подъ Эстернэ происходили ожесточенные и рѣшающіе бои. Я видѣлъ поле сраженія. На возвышенности, у лѣса стояла нѣмецкая артиллерія. Это видно по глубокимъ и правильнымъ колеямъ, по обрывкамъ ременной сбруи, по неубраннымъ лошадинымъ трупамъ. Всюду, сколько хватаетъ глазъ, небольшія, взрытыя ямы—

слѣды французскихъ снарядовъ. Ниже, у дороги на Монмирайль, по всей линіи придорожнаго вала, расположилась пѣхота. Ея передовыя траншеи тянутся дальше, рядами, по открытому полю, къ замку. За обстрѣляннымъ замкомъ—орѣшникъ. За орѣшникомъ деревенская церковь. И сейчасъ же, по ту сторону церковной ограды французскія укрѣпленія. Даже не укрѣпленія. Нѣмецъ роетъ старательно, насыпая высокій холмъ. Французъ не прячется. Его траншеи—канавы. Когда подходишь къ нимъ ближе, то кажется, что это игрушка. Не вѣрится, что именно здѣсь, почти безъ укрытія, часами отстрѣливались солдаты. За церковью снова орѣшникъ, отлогія горы и выше, на сжатыхъ поляхъ, французская артиллерія. Французы обошли нѣмцевъ справа. Нѣмцы бѣжали. Ихъ отступленіемъ закончился бой.

Я смотрю на осеннія, потемнѣвшія отъ дождей поля. Теперь все мирно и тихо. Но на желтыхъ равнинахъ расцвѣли кроваво-алые маки: красныя, прибитыя къ могильнымъ крестамъ, кепи. Ихъ такъ много, что не сочтешь. Поистинѣ земля наполнилась кровью. Поистинѣ „горе четвертое“... „И я много плакалъ о томъ, что никого не нашлось достойнаго раскрыть и читать сію книгу и даже посмотрѣть въ нее“.

Эстернэ бомбардировали французы. На домахъ отчетливые слѣды. Точно кто-то брызнулъ свинцомъ. Кое-гдѣ разрушена крыша. Кое-гдѣ разбита стѣна. Одинъ снарядъ влетѣлъ въ слуховое окно. Онъ, не разорвавшись, упалъ на постель. Я видѣлъ эту постель. Въ комнатѣ

вился пухъ. На чердакѣ дымились стропила. У порога плакала испуганная старуха.

Въ Эстернэ германскія войска не „шутили“. Я зашелъ въ домъ мѣстнаго мирового судьи. Стулья сломаны, портреты испачканы, ящики вынуты изъ столовъ, зеркала разбиты въ осколки, письма порваны на клочки, уничтожены книги. Подъ столами выпитыя бутылки. Точно дикая и разнузданная орда прошлась по этому дому. На каминѣ солдатскій сапогъ и оставленная на память брошюра: „Докторъ Жаффъ. Искусство и школа любви“.

Пострадалъ не только судья. Пострадали всѣ, у кого поселились нѣмцы. Городъ былъ пустъ, жители разбѣжались въ страхѣ. Теперь они понемногу возвращаются обратно, домой. По проселочнымъ дорогамъ бредутъ повозки съ дѣтьми, съ нищимъ скарбомъ, съ тряпками, сундуками. Люди вернутся къ себѣ и вмѣсто нажитого долгимъ трудомъ хозяйства, увидятъ голое разореніе, разореніе пьянаго и ничѣмъ не вызваннаго погрома. Нѣмецкіе офицеры вмѣсто денегъ оставляли записки. Я прочелъ одну такую записку:

„Взято:

110 бутылокъ краснаго вина.

15 бутылокъ бѣлаго.

10 бутылокъ шампанскаго.

Эстернэ 6/IX. 1914 г.

Фонъ-Коршъ“

Въ Эстернэ германскія войска не „шутили“. Я знаю случаи, когда они безъ вины разстрѣливали людей. Та-

кихъ случаевъ много, но мнѣ удалось провѣрить только два, неспорныхъ:

1. Убита дѣвушка, 27 лѣтъ, Бушэ—за отказъ переночевать съ нѣмецкимъ солдатомъ.

2. Разстрѣлянъ старикъ Лоренсо—за отказъ отперетъ свой погребъ.

Въ Эстернэ грабили, насиловали и убивали. Но не жгли. Въ Шатильонѣ и Шангюйонѣ было и это.

Я обошелъ полуразрушенный городъ. Сѣялъ дождь, было мокро, хмурилось холодное небо. И было не жалко, а больно и очень стыдно смотрѣть на развалины вчера еще богатыхъ домовъ. Точно и на мнѣ лежитъ часть непрощаемой и неоправдываемой вины. На краю города, въ жандармской казармѣ, пріютились плѣнные нѣмцы. Я попросилъ открыть двери.

Плѣнныхъ было немного: фельдфебель и три солдата. Они, какъ воры, прятались въ окрестныхъ лѣсахъ, голодали, мокли, но не сдавались. Наконецъ, ихъ нашли жандармы.

Фельдфебель, красивый мужчина, лѣтъ 30, въ сѣрой, теплой шинели съ краснымъ воротникомъ, увидѣвъ меня, поблѣднѣлъ.

— Вы пришли снимать фотографію? Предупреждаю: я не позволю. Лучше разстрѣляйте меня.

— Вы какого полка?

— Пѣхотнаго 76-го, арміи генерала фонъ-Клюка.

— Вамъ въ плѣну очень плохо?

— Нѣтъ. Наоборотъ, хорошо. Французы очень любезны.

— Вы понесли большія потери?

— Когда мы пришли на Марну, насъ было въ ротѣ только 50 человѣкъ. Ни одного офицера. Ни одного офицера. Ротой командовалъ я. Послѣ сраженія насъ осталось четыре,—тѣ, которыхъ вы видите здѣсь.

— Вы очень устали?

— Да, немного... Но вѣдь какіе мы дѣлали марши.

— Вы голодали въ походѣ?

— Нѣтъ. Не вѣрьте этому. Это вздоръ.

— У васъ всегда хватало патроновъ?

— О, да.

И онъ сталъ говорить о томъ, какъ хорошо стрѣляютъ французы, какъ страшенъ огонь полевыхъ орудій, какъ трудно пришлось въ послѣднемъ сраженіи и какъ нѣмцы храбро дрались. Онъ говорилъ увѣренно и спокойно, какъ человѣкъ, который честно исполнилъ свой долгъ. А кругомъ стояли жандармы, слушали нѣмецкую рѣчь и съ любопытствомъ спрашивали меня: „Что онъ сказалъ?... Что сказалъ грязный бошъ“?

— Вы знаете, что случилось на Марнѣ?

— Нѣтъ.

— Ваши войска отброшены по всей линіи.

Онъ улыбнулся.

— Не можетъ этого быть. Германскія войска въ Парижѣ. Императоръ Вильгельмъ—господинъ всего міра.

Противъ насъ полъ Европы. Но мы не боимся. Съ нами Богъ и за нами правда...

Такъ говорилъ этотъ плѣнный нѣмецкій солдатъ. Но я вѣдь знаю, что онъ ошибся.

Когда захлопнулась дверь, я невольно поднялъ голову вверхъ: въ сѣро-пепельномъ небѣ кружились аэропланы. И было странно видѣть ихъ орлиныя крылья надъ разгромленнымъ Эстернэ. Человѣкъ побѣдилъ сушу, воду и воздухъ. Но себя онъ не побѣдилъ. И теперь то же самое, что было двѣ тысячи лѣтъ назадъ. И теперь, какъ двѣ тысячи лѣтъ назадъ, люди пьютъ „вино своей ярости". Когда же вспомнятъ они святыя слова: „Какъ возлюбилъ меня Отецъ, такъ и Я возлюбилъ васъ. Любите другъ друга".

III.

Шатильонъ и Шангюйонъ.

Во время сраженія на Марнѣ деревня Шатильонъ оказалась между французскими и нѣмецкими войсками. Сначала французы занимали ее, потомъ пришли нѣмцы, потомъ французы опять укрѣпились въ ней. Теперь она стоитъ обгорѣлая и пустая. Нѣтъ ни французовъ, ни нѣмцевъ. Кругомъ кресты и могилы. Здѣсь, въ Шатильонѣ, говорятъ, убитъ поручикъ фонъ-Мольтке, сынъ начальника главнаго штаба. На могилѣ его нѣтъ креста.

Ночью шелъ дождь, дорога размокла, ноги вязли въ размытой глинѣ. Въ уже ненужныхъ, неглубокихъ тран-

шеяхъ собралась дождевая вода. Лѣсъ срубленъ, на поляхъ гніютъ опадающія деревья. Кое-гдѣ, у траншей, блестятъ стальныя коробки,—неразорвавшаяся шрапнель. Пахнетъ трупомъ. Летаютъ вороны. Какъ далекій, ворчливый громъ, ворчитъ въ отдаленіи пушка. Гдѣ это? Въ Реймсѣ? Въ Суассонѣ? Въ Сенъ-Менегу?

Я спускаюсь въ лощину и выхожу къ уцѣлѣвшей церкви. Я слышалъ, что Шатильонъ сожгли. Но я думалъ, что сожжено пять домовъ, что разрушена часть деревни. Я увидѣлъ другое. Я увидѣлъ пустыню. Пустыню каменныхъ, обугленныхъ стѣнъ, зіяющихъ оконъ, дыма, копоти, пепла, черной золы. Я увидѣлъ пожарище. На пожарище всегда досадно смотрѣть. Но, когда знаешь, что человѣкъ своей волей, безъ принужденія, выжегъ то, что накоплялось годами,—тогда смотрѣть не только досадно. Становится жутко. Жутко не за тѣ безпріютныя семьи, которыя влачатся теперь по лѣсамъ, а за тѣхъ, кто подкладывалъ въ сараи солому, поливалъ ее керосиномъ, зажигалъ угасавшей на вѣтру спичкой. Такъ дѣлали нѣмцы. Такъ дѣлалъ 74-й нѣмецкій пѣхотный полкъ. Знали ли объ этомъ господа офицеры?

На самом краю деревни—длинный, высохшій, съ кирпичнымъ лицомъ старикъ. Онъ внимательно смотритъ на выжженные дома. Я подхожу къ нему.

Онъ молчитъ. Что можетъ онъ мнѣ сказать? Чѣмъ я могу утѣшить его? Вѣдь я увидѣлъ „озеро огненное“...

Шангюйонъ тоже выжженъ. Изъ 118 домовъ осталось всего 18. Здѣсь хозяйничалъ 89-й пѣхотный полкъ. Я

зашелъ въ школу. Географическія карты изорваны, глобусъ изрѣзанъ. Въ мэріи изрублены пожарныя каски, изломаны пожарные топоры, залитъ чернилами коммунальный кадастръ. Я спрашиваю: развѣ это не разбой для разбоя, для удовольствія уничтожить, почувствовать свою безграничную власть?

Въ Шангюйонѣ, въ замкѣ Деладоншанъ, стояли господа офицеры; фонъ-Вессигъ, фонъ-Туастъ, фонъ-Лидовъ, фонъ-Ауеръ, фонъ-Шелленбургъ. Въ замкѣ полное разореніе. Во флигелѣ, въ домѣ кюрэ, накрытый обѣденный столъ. На столѣ 28 бутылокъ. Нѣтъ сомнѣнья,—господа фонъ-Вессигъ, фонъ-Туастъ и прочіе были пьяны, какъ дикари. Мнѣ разсказывали, что въ деревняхъ нѣмецкіе офицеры, не слѣзая съ коней, пили прямо изъ горлышка, какъ пьютъ у насъ у казенныхъ лавокъ. Я не вѣрилъ. Я знаю Германію, знаю нѣмцевъ, знаю, что это трезвый и трудолюбивый народъ. Но я видѣлъ не только накрытый столъ у кюрэ. Я видѣлъ полъ, блестѣвшій на солнцѣ стекломъ. Стекломъ разбитыхъ бутылокъ. У французскихъ траншей вы находите жестянки изъ-подъ консервовъ, у нѣмецкихъ—бутылки. Тамъ, гдѣ нѣмцы прошли, выпито все вино.

Господа фонъ-Шелленбургъ и фонъ-Вессигъ не только уничтожили въ мэріи кадастръ. Они не только пьянствовали въ замкѣ Деладоншанъ. Въ Шангюйонѣ разстрѣляно безъ всякаго повода два человѣка: Эдуардъ Лувэ, 48 лѣтъ, и Луи Вердіе, 38 лѣтъ. Кромѣ того, безъ вѣсти пропало четверо стариковъ. Я бы хотѣлъ знать: послѣ

войны кто-нибудь отвѣтить за эти убійства? Или на войнѣ позволено все?

Къ вечеру я вернулся на станцію. Моросилъ надоѣдливый дождь, загорались тусклые фонари. Было холодно, въ кустахъ посвистывалъ вѣтеръ. Каждыя десять минутъ подходили санитарные поѣзда. Первый поѣздъ былъ съ англичанами. Въ чисто прибранныхъ, товарныхъ вагонахъ, на чистыхъ койкахъ, укрытыя чистыми одѣялами, лежали раненые солдаты. Въ каждомъ вагонѣ фельдшеръ, ведро, умывальникъ и перевязочный матеріалъ. На дебаркадеръ вышло двое врачей. Рослыхъ, стройныхъ, въ сѣрыхъ шинеляхъ.

— Вы откуда?

— Изъ Бренъ.

— Отступаютъ ли нѣмцы?

— Конечно.

— Много раненыхъ?

— Да.

— Тяжелыхъ?

— Къ несчастью, тяжелыхъ... Но это ничего. Все хорошо. All right...

Потомъ потянулись французскіе поѣзда съ колоніальными войсками. Я вижу черныя лица, бѣлые зубы, расшитыя, голубыя куртки. Это—зуавы и сенегальцы.

Въ хвостѣ поѣзда вагонъ съ нѣмецкими офицерами. Дверь раскрыта. Полутемно. Воняетъ лампа. Часовой куритъ трубку, стучитъ ружьемъ и плюетъ. На полу на соломѣ раненый офицеръ. Мальчикъ лѣтъ 20-ти. Онъ

блѣденъ, какъ скатерть, и глаза его горятъ лихорадкой. Онъ лежитъ неподвижно. Онъ смотритъ, не отрываясь, на насъ. О чемъ онъ думаетъ въ эту минуту?.. Мы—это любопытствующая толпа. Фермеры и купцы, ихъ жены, ихъ дѣти. Всѣ смѣются. Ругаются и смѣются. Толкаютъ другъ друга, чтобы яснѣе увидѣть умирающую „свинью“. Я отошелъ къ сенегальцамъ.

Я не хочу и не могу осуждать. Я спрашиваю: если бы разгромили мой домъ, изнасиловали мою жену, разстрѣляли моего отца, нашелъ ли бы я въ себѣ силу любви не бросить ни въ кого камнемъ? Пусть въ плѣннаго. Пусть въ раненаго. Пусть въ умирающаго на грязной соломѣ. Я спрашиваю. И я не знаю: можетъ быть, и во мнѣ проснулся бы звѣрь.

IV.

Сенъ-Гондскія болота.

Когда ѣдешь по равнинамъ Шампани, вспоминаются равнины Россіи. Ближе къ Реймсу и къ Эпернэ—виноградники и голубые холмы. Южнѣе, у Марны, тѣ же желтыя поля, что у насъ. Горизонтъ такъ ровенъ, такъ спокоенъ и такъ широкъ, что кажется, — вотъ мелькнетъ знакомая колокольня, засверкаетъ церковный куполъ и потянутся хромоногія избы. Но вмѣсто избъ — кирпичныя фермы, вмѣсто куполовъ—заостренные шпицы, вмѣсто березъ—фруктовыя рощи и вмѣсто елокъ - каштаны и дубы. Издали не разбираешь деревьевъ. И хочется вѣрить, что это не Шампань, а

Россія,—та Россія, которую „Царь Небесный исходилъ, благословляя“.

Какъ быстро оживаетъ Шампань... Точно кто-то потревожилъ благоустроенный муравейникъ, и сейчасъ же трудолюбивые муравьи начинаютъ свой добросовѣстный трудъ. На поляхъ, гдѣ лежатъ убитые кони, гдѣ валяются изломанныя винтовки, сумки, ранцы, сѣдла и каски, уже пашутъ крестьяне, пашутъ точно не было нѣмцевъ, точно нѣтъ этой жестокой войны. Хлѣбъ убранъ, виноградъ собранъ. У обгорѣлыхъ строеній работаютъ люди, и глухо стучитъ топоръ. Какую силу жизни надо имѣть, чтобы кровавая рана начала заживать такъ скоро... Нѣмцы еще на Энѣ, а на Марнѣ уже все спокойно. Только алѣютъ на могилахъ кепи.

Сѣвернѣе Фенъ-Шампенуазы, на востокъ отъ Вертюса, начинаются болота Сенъ-Гондъ. По-истинѣ русская, новгородская или псковская, картина. Сколько ни смотришь, видишь только высокій камышъ, море гибкаго камыша, слышишь шелестъ жесткихъ стеблей. День сѣрый, небо сѣрое, болото сѣро-зеленаго цвѣта. Почти подъ цвѣтъ нѣмецкихъ шинелей. Здѣсь написана одна изъ самыхъ страшныхъ страницъ сраженія на Марнѣ. Французамъ удалось отбросить нѣмецкія войска. Какъ это случилось, какой фонъ-Клюкъ виновенъ въ этомъ разгромѣ, или чья это заслуга,—разскажетъ исторія. Какъ бы то ни было, нѣмецкая гвардія подъ огнемъ 75-ти миллиметровыхъ французскихъ орудій, отступила въ болота Сенъ-Гондъ. Ихъ нельзя переплыть. Ихъ

нельзя перейти. Въ нихъ можно только тонуть. Я не знаю, сколько погибло нѣмцевъ.

Я видѣлъ взорванный мостъ,—послѣднее прибѣжище отступавшихъ. Теперь его сторожатъ крестьяне съ сосѣднихъ фермъ... Тяжело умирать на враждебной землѣ, въ вырытой своими руками траншеѣ. Еще печальнѣе погибнуть отъ ранъ, на полу, въ товарномъ вагонѣ. Но что можетъ быть хуже этой безславной смерти,—потонуть въ стоячей водѣ, подъ сѣрымъ небомъ, въ ржавчинѣ прогнившаго камыша? Болота Сенъ-Гондъ навсегда запечатлѣются въ памяти нѣмцевъ.

Я вошелъ въ дубовую рощу. Запахъ, тяжкій и острый, волною окуталъ меня. Этотъ запахъ преслѣдуетъ меня всюду. Онъ въ поляхъ, на фермахъ, въ лѣсахъ. Запахъ смерти, запахъ Каинова грѣха... На опушкѣ лежалъ нѣмецкій солдатъ. Онъ лежалъ на спинѣ, безъ шинели, безъ куртки и безъ сапогъ, въ разстегнутой на груди рубашкѣ, точно отдыхающій отъ трудовъ человѣкъ. Французскій сержантъ наклонился надъ нимъ и подалъ мнѣ записную книжку. Я прочелъ по нѣмецки:

2 августа. Мобилизація.

6 августа. Благополучно прибылъ въ Линдау.

Воскресенье. Походъ на Бельгію.

12 августа. Граница. Отравлены всѣ колодцы. Мы нашли много гусей и яицъ. За это мы сожгли только часть деревни. Бельгійскіе солдаты отступаютъ. Здѣсь живетъ два народа: валлоны и фламандцы. Послѣдніе привѣтливѣе и лучше.

15 августа. Бой подъ Эршотомъ. Былъ первый разъ въ огнѣ. Бельгійцы отброшены къ Брюсселю.

18 августа. Походъ черезъ Брюссель. Бельгійцы не защищались. Королевскій дворецъ великолѣпенъ.

...(Число стерто). Большое сраженіе. Мы преслѣдовали недолго. Потери.

25 августа. Сраженіе. Адская пляска. Тяжкія потери.

23 августа. Большое сраженіе. Наши потери 50 человѣкъ. Французы стрѣляли изъ пулеметовъ.

6 сентября. Врагъ въ парижскихъ фортахъ. Повидимому, онъ очень силенъ. Не отступаетъ.

7 сентября. Большой артиллерійскій бой Къ намъ на помощь пришелъ 4-й корпусъ.

Вотъ весь походъ въ двухъ словахъ. Сначала Бельгія. Несмотря на сопротивленіе бельгійцевъ, въ сущности,—тріумфальный маршъ. Шарлеруа. Открытая дорога въ Парижъ. „Deutschland über alles“. И сейчасъ же бои. Ежедневные, безпощадные. Все кровопролитнѣе и страшнѣе. „Повидимому врагъ очень силенъ“. Это—Марна, болота Сенъ-Гондъ. И затѣмъ отступленіе почти бѣгство,—до Соммы, до Эны, за Реймсъ, къ Ретель и Лаону. Убитый солдатъ не пережилъ позорнаго отступленія. Съ тяжелымъ ранцемъ, съ натершей плечо винтовкой, полуголодный, усталый, по пятамъ преслѣдуемый врагомъ, онъ не возращался по опустошеннымъ имъ же полямъ, черезъ сожженныя имъ же деревни. Господь пожалѣлъ его. Но мать его плачетъ въ Германіи, какъ плачутъ тысячи матерей во Франціи и въ Россіи. Кто утретъ эти слезы?

МОНДИДЬЕ.

I.

Въ окрестностяхъ Мондидье, — въ Лассиньи и Руа — происходятъ ежедневные и ожесточеннѣйшіе бои. Именно здѣсь линія союзныхъ войскъ круто поворачиваетъ на сѣверъ и именно здѣсь нѣмцы стремятся ее прорвать. Три недѣли жители Мондидье ожидаютъ нашествія „саранчи“. „И изъ дыма вышла саранча на землю и дана была ей власть, какую имѣютъ земные скорпіоны“. Три недѣли неумолчно гремятъ орудія.

Съ колокольни церкви St. Pierre видно поле сраженія. Необозримая, желтая, слегка изрѣзанная холмами, равнина. Поля Шампани напоминаютъ Россію. Поля Пикардіи не только напоминаютъ ее. Это — не сходство, это почти фотографическій снимокъ. Тѣ же березы и липы, перелѣски, болота, окаймленныя ракитами, проселочныя дороги, тѣ же свѣтло-золотые стога, то же блѣдное, голубое, неглубокое небо. Здѣсь, среди рязанскихъ равнинъ, чувствуешь, какъ близка душѣ Франція, какъ неотрывно, невидимой цѣпью, связанъ съ нею черезъ Москву, черезъ Пушкина, черезъ съ дѣтства любимую французскую рѣчь. И не вѣришь, что нѣмцы въ Лассиньи и Руа, на землѣ Вольтера и Мирабо, въ

ста верстахъ отъ Парижа. Не вѣришь и слушаешь, какъ гремятъ неумолчно пушки.

Это не жутко. Не мрачно. Не тяжело. Я не знаю подходящаго слова. Трудовыя, взбороненныя и распаханныя поля оглашаются ревомъ. Въ этомъ ревѣ есть всѣ оттѣнки, всѣ невѣрные и чуждые звуки. Когда грохочетъ осадная артиллерія, то кажется, что падаетъ домъ. Точно валятся высокія стѣны, точно рушатся разбитые кирпичи. Точно видишь пыль и обломки. Полевыя орудія проще. Кто-то очень большой ударяетъ сразмаху въ деревянную дверь. Онъ бьетъ настойчиво безпрерывно, жестко, твердо, нажимаетъ плечомъ, снова бьетъ, пока не расшатаются спасительные болты, пока не заворчитъ тяжелая артиллерія. Пулеметы тявкаютъ, какъ собаки. Гнусно, злобно, безъ остановки, визгливымъ голосомъ, визгливымъ смѣшкомъ. Имъ вторятъ залпы пѣхоты. Ихъ голосъ глуше, точно лаетъ породистый песъ. Но вотъ подулъ вѣтеръ съ юга. И эти четкіе звуки, звуки падающей стѣны, расшатанной двери, визги гончихъ, лая собакъ, сливаются въ длительный, властный, оглушающій ревъ. Реветъ воздухъ, ревутъ отуманенные холмы, реветъ небо, реветъ земля, рычитъ яростный, посаженный въ клѣтку, звѣрь. Я пишу и слышу это рычанье. Содрогается церковь, содрогается Мондидье. Содрогаюсь и я, и ищу защиты.

Недалеко отъ вокзала, на соломѣ—раненые солдаты. Темно-синіе, изорванные мундиры. Темно-сѣрыя, безучастныя лица. Здѣсь не слышно орудій. Здѣсь сестры

въ бѣлыхъ нарядахъ, врачи съ повязками на рукахъ. Ходятъ медленно, говорятъ осторожно. И я, въ отчаяніи ухожу къ рѣкѣ, къ величавымъ и чистымъ водамъ. Я смотрю въ прозрачную глубину, я слѣжу взволнованное теченіе. Но нѣтъ покоя, нѣтъ тишины: отъ вокзала тянется стонъ.

Вечеромъ я вышелъ за городъ, въ поле. Подъ ракитами было темно, шуршали осенніе листья. Вставала тяжкая, красная, точно раскаленная на наковальнѣ луна. Между стогами, за перелѣскомъ горѣла деревня. Было тихо. Я никогда, ни разу за всю свою жизнь, не слыхалъ такой тишины,—неподвижной, бездонной, точно нѣтъ людей на землѣ. И мнѣ казалось, что не можетъ длиться это молчаніе. Мнѣ казалось, что я не въ силахъ больше молчать, что я долженъ нарушить эту мертвую тишину. И я ждалъ, чтобы снова загрохотали пушки. Но беззвучно шуршали листья, но безшумно колебались березы, но безмолвно поднималась надъ необозримыми полями луна. И я понялъ: что страшнѣе молчанія? Что страшнѣе ненарушаемой тишины?

II.

Въ деревенской гостиницѣ грязно, накурено, нечѣмъ дышать. Сквозь немытыя стекла виднѣется площадь, на ней фургоны, автомобили, пушки, лазаретныя фуры и англичане въ желтыхъ мундирахъ. Въ коридорахъ золотыя кепи, шапки, фески, кирасирскія каски. Зве-

нятъ шпоры, звякаютъ сабли, стоитъ говоръ, сдержанный гулъ, точно улей гудитъ пчелиными голосами. А за окномъ глухіе удары орудій. Краснощекій лейтенантъ разсказываетъ о послѣднихъ бояхъ.

— Сначала было трудно привыкнуть... Казалось, что непремѣнно убьютъ... А потомъ... Надо же когда-нибудь умирать... Въ нашемъ полку осталось четверо офицеровъ. Что же дѣлать?... Мы пятьдесятъ дней деремся безъ перерыва... Сперва Бельгія, затѣмъ отступленіе, затѣмъ Марна, затѣмъ Руа. Къ Руа нельзя подойти... Тамъ трупы, одни только трупы... И никто ихъ не убираетъ. Вы понимаете: невозможно убрать... Что же? Нѣмцы очень сильны. Теперь трудно... Будетъ еще труднѣе... тамъ у нихъ, въ Германіи, въ Берлинѣ... Потому, что мы, навѣрное, пойдемъ въ Германію, въ Берлинъ... Вы знаете,—самое трудное: штыковая атака... Лежишь ночью, въ открытомъ полѣ, на животѣ. Нѣтъ росы, но трава сырая. Холодно. Лежишь, ждешь. Жужжатъ пули. Онѣ жужжатъ, свистятъ, поютъ, снова жужжатъ... Вездѣ. Справа, слѣва, кругомъ. Ахъ, сколько пуль... И ни зги... Ничего не видно... Лежишь и думаешь: вотъ сейчасъ черезъ пять минутъ, прикажутъ встать и итти... Вы понимаете: встать! Вѣдь встанешь,—убьютъ!.. Вотъ такъ и лежишь, считаешь секунды... А потомъ, вдругъ приказъ... И встаешь... И начинаешь кричать. Когда кричишь, то бываетъ легче. Слышишь, что всѣ кричатъ, и кричишь...

— Что же вы кричите?

— Я не знаю, что кричали другіе... А я... Я кричалъ: salauds!...

— А потомъ?

— Потомъ... жужжали пули...

— Ну?

— Больше я ничего не помню... Я помню одно: мы взяли траншею... Я убилъ нѣмецкаго офицера... Я не видѣлъ его лица... Онъ былъ въ сѣромъ плащѣ... Утромъ было приказано отступать.

За сосѣднимъ столомъ черноволосый, смуглый сержантъ объясняетъ, какъ дерутся „goumiers"—африканская кавалерія. Онъ объясняетъ спокойно, точно рѣчь идетъ о ничтожныхъ, едва заслуживающихъ вниманія, вещахъ:

— Въ двухъ километрахъ отъ насъ гумье сторожилъ дорогу. Дорога колѣномъ въ лѣсу, изъ-за угла ничего не видно. Я не знаю, можетъ быть, онъ заснулъ, но только неожиданно на него налетаетъ уланъ. Галопомъ, съ пикой на перевѣсъ. Вы знаете, лошади у гумье, какъ въ циркѣ. Онъ толкнулъ свою лошадь ногой, та на дыбы и полъ-оборота направо. Уланъ промахнулся. И отъ движенія, конечно, полетѣлъ черезъ голову внизъ. Въ ту же секунду, гумье на немъ. Уланъ говоритъ: „Pardon, pas caputt"... Гумье отвѣчаетъ: „Pas pardon, caputt, sans faire du mal...", т. е. убью, но не будетъ больно... беретъ его вотъ этакъ, за шею, отгибаетъ къ себѣ, къ плечу, вынимаетъ ножикъ, и—чикъ... О, эти уланы... Я самъ застрѣлилъ двоихъ.

Я не слушаю. Я выхожу. На улицѣ мокро, сѣетъ осенній дождь. Подъ дождемъ бредетъ одинокій кюрэ, въ бѣлой ризѣ, за нимъ повозка, на повозкѣ восемь гробовъ, простыхъ, некрашенныхъ, деревянныхъ. На нихъ накинуто трехцвѣтное знамя. За гробами нѣтъ никого. Кругомъ все тѣ же автомобили, фургоны, пушки, лазаретныя фуры. Солдаты дѣлаютъ свое дѣло, чистятъ, моютъ, поятъ лошадей. Точно нѣтъ похоронныхъ процессій... Я безъ шляпы, иду за кюрэ. Кладбище тихое, деревенское, подъ березами могильныя плиты и въ глубинѣ, у стѣны, свѣже вырытыя въ коричневой глинѣ, могилы. На могилахъ цвѣты. Я читаю: Coulou Louis, 21 года, Crudaux Eugène, 23 лѣтъ. Lassus Henri, 24 лѣтъ, Moulinet Pierre, 21 года; Lafage Silvain 18 лѣтъ, а дальше идутъ Braun, Herrike, Bar, Felin, просто „Allemand“, просто „Bavarois“. Враги лежатъ вмѣстѣ. Нѣтъ французовъ, нѣтъ нѣмцевъ. Есть только тѣ, кто „за други своя положилъ животъ свой“. И я думаю объ этомъ восемнадцатилѣтнемъ ребенкѣ, умершемъ отъ ранъ. Вѣдь и онъ, навѣрное, говорилъ: „Стоитъ только привыкнуть... Надо же когда-нибудь умирать.... А гдѣ-то въ Нормандіи, въ Бретани или во Франшконтэ, льются теперь неутѣшныя слезы... Надъ „Bavarois“ даже не льются. Вотъ ужъ, поистинѣ, безвѣстная и заброшенная могила.

Темнѣетъ. Сквозь частую сѣтку дождя на горизонтѣ встаютъ дымки. Они извиваются, исчезаютъ, снова встаютъ, будто кто-то играетъ въ мячъ. Они бѣлые, сѣрые, почти черные, почти круглые, иногда похожіе на гряз-

новатыя пятна, иногда на комья талаго снѣга. Гремятъ пушки, трещатъ пулеметы. Черезъ полчаса заблещутъ зарницы,—не зарницы, а молніи, молніи нѣмецкихъ снарядовъ. Молодой лейтенантъ вернется въ траншею, ляжетъ спать на голую землю, на разсвѣтѣ его разбудитъ горнистъ, и зажжужатъ кругомъ свистящія пули. И онъ снова, не помня себя, закричитъ: „salauds!“. И я робко молюсь: „Господи, дай ему побѣду и жизнь“.

III.

Сегодня небо ясное, синее, точно воды южнаго моря. Въ синевѣ сверкнуло серебряное крыло. Я бы сказалъ: плеснулась рѣзвая рыба. Это „Taube“, нѣмецкій аэропланъ. И сейчасъ же загрохотали пушки.

На площади, передъ Café de Commerce, собрался весь городъ. Головы напряженно подняты вверхъ, глаза внимательно смотрятъ въ небо. Каждый день прилетаютъ нѣмцы. Каждый день разрываются бомбы. Но это не страшно. Страшенъ одинъ насущный вопросъ: продвинутся ли нѣмцы впередъ, будутъ ли бомбардировать Мондидье?

Въ Парижѣ думаютъ о побѣдѣ. Говорятъ о „сраженьи на Энѣ“. Нѣтъ сраженія на Энѣ. Есть огромный, въ 600 километровъ фронтъ, отъ Альзаса до Армантьера. Нѣтъ побѣды, есть бой. Бой, который грозитъ разореніемъ мирнымъ жителямъ маленькихъ городовъ. Въ Парижѣ пишутъ о Вагнерѣ, о Тангейзерѣ, о нѣмецкихъ карандашахъ, о бойкотѣ нѣмецкой музыки и товаровъ,

о Реймскомъ Соборѣ, о томъ, что нѣмцы—африканскіе дикари. Въ Парижѣ важно доподлинно знать, какъ дѣла вообще,—обошли ли французы нѣмцевъ, не прорвали ли нѣмцы линію войскъ? Парижъ занятъ войной, политикой, смертью румынскаго короля, перемѣнами въ министерствѣ, сплетнями о Бордо. Мондидье гораздо скромнѣе. Мондидье не интересуется тѣмъ, что сказалъ лордъ Haldane и какія статьи написали Барресъ, Эрвэ или Анатоль Франсъ. Мондидье думаетъ о своемъ, ежедневномъ, уѣздномъ. Есть ли нѣмцы въ Руа? Чѣмъ окончилась ночная аттака? Много ли сегодня потерь? Почемъ сахаръ и соль? Есть ли въ лавкахъ табакъ? Живъ ли лейтенантъ X? Не убитъ ли капитанъ Z? Куда упала послѣдняя бомба? А главное, единственно важное,—будутъ бомбардировать или нѣтъ? Не бомбардировка страшна,—отъ снарядовъ можно спрятаться въ погребъ. Страшно, что придутъ въ городъ нѣмцы, будутъ жечь, разстрѣливать стариковъ, насиловать женщинъ. Страшно, что настанетъ голая нищета, что останутся голыя стѣны, разбитыя стекла, что пруссаки отберутъ лошадей, коровъ, автомобили, повозки, надругаются, унизятъ и оскорбятъ. Въ Мондидье не спрашиваютъ, какой „духъ“ въ войскахъ? Это парижскій вопросъ. Здѣсь живутъ въ единеньи съ войсками. Здѣсь знаютъ, что значитъ три недѣли не выходить изъ траншей, три недѣли рисковать своей жизнью, три недѣли убивать, видѣть раненыхъ, ночью ходить въ штыки. Здѣсь знаютъ также, безъ словъ, что, когда человѣкъ защищаетъ свой долгъ, свое отечество

и семью, то неумѣстно спрашивать о его „духѣ". Здѣсь видятъ похороны, носятъ на могилы цвѣты. Какой „духъ" еще нуженъ? Прикажутъ отступать и—отступятъ. Прикажутъ умереть, и—умрутъ. Здѣсь нѣтъ споровъ о Парсевалѣ. Здѣсь горнистъ играетъ атаку, сюда доносится „Wacht am Rhein". Здѣсь не издѣваются надъ врагомъ, не смѣются надъ нѣмецкой „культурой", не негодуютъ на нѣмецкое лицемѣріе. Здѣсь знаютъ, что если нѣмцы займутъ Мондидье, французы будутъ бобмардировать городъ, какъ бомбардировали Руа. Здѣсь нѣтъ возвышенныхъ фразъ, напыщенной лжи, дешеваго краснорѣчія. Здѣсь все просто, естественно и понятно, какъ проста и естественна смерть.

Я смотрю на оборванныхъ, голодныхъ дѣтей, на простоволосыхъ старухъ, на сѣдыхъ морщинистыхъ стариковъ. Это бѣглецы изъ Руа, они живутъ подъ открытымъ небомъ. На мостовой варятъ супъ. На мостовой спятъ, на мостовой читаютъ газеты. Они читаютъ послѣднія телеграммы, но въ телеграммахъ нѣтъ ничего. Что имъ смерть графа де-Мена? Рѣчь Бріана? Успѣхи въ Бельфорѣ и въ Таннѣ? Это значительно для Бордо, для Парижа, но здѣсь, въ Мондидье, это—пустыя слова. Надо накормить голодныхъ ребятъ, надо жить, надо ждать, когда возможно будетъ вернуться домой. Домой? Развѣ есть у нихъ домъ? Есть обгорѣлыя, дымящіяся строенія и въ развалинахъ, — гніющіе трупы. А если бомбардируютъ Мондидье? Куда идти? Куда скрыться?

Снова въ небесахъ сверкнуло серебряное крыло.

Снова гулко зарокотали пушки. „Taube“ бросить бомбу. Куда она упадетъ? Вь дѣтей? Въ женщинъ? Въ сѣдыхъ стариковъ?.. Неужели будутъ бомбардировать Мондидье?

РЕЙМСЪ.

Большая дорога занята войсками. Передвигается цѣлый корпусъ. Если бы мнѣ не сказали, что эти люди сражались весь день, я бы подумалъ, что это свѣжія войска. Пѣхота,—какъ на парадѣ въ Longchamps. За нею слѣдуетъ артиллерія—эскадроны драгунъ, гусаръ и конныхъ стрѣлковъ. Въ осеннемъ воздухѣ смѣшиваются цвѣта. Нѣтъ краснаго, синяго, голубого. Всѣ люди—черныя точки. Только блестятъ на солнцѣ штыки, да сверкаютъ золотыя нашивки. Солдатъ такъ много, такъ далеко на горизонтѣ видишь ихъ размѣренное движеніе, что не вѣрится, что ихъ всего одинъ корпусъ. Точно всѣ солдаты всей Франціи протянулись по этой дорогѣ. Люди роютъ траншеи, прячутся въ глубокія ямы, стрѣляютъ, слушаютъ грохотъ пушекъ, не ѣдятъ, спятъ на мокрой землѣ, снова стрѣляютъ и потомъ, по командѣ, собираются въ неразрываемые ряды, и идутъ пѣшкомъ двое сутокъ. И такъ дѣлаютъ не только рабочіе и крестьяне, но и лавочники, адвокаты, купцы, всѣ тѣ богатые „буржуа“, которые не привыкли къ лишеніямъ. Что это? Послушаніе? Военная дисциплина? Или любовь къ родинѣ, безкорыстная готовность положить свою жизнь? Я увѣренъ, что не только первое, но и второе.

Этотъ корпусъ былъ въ бою одинъ день. Я встрѣтилъ полкъ, который сражался недѣли. Люди шли въ боевомъ порядкѣ. Но мнѣ казалось, что они ничего не видятъ кругомъ. Мнѣ казалось, что они спятъ на ходу. Блѣдныя,—нѣтъ, не блѣдныя,—землисто-желтыя лица, полузакрытые, съ черными кругами, глаза, неувѣренные и медлительные шаги. А главное,—загадочное молчаніе. Точно похороны, точно неумѣстно смѣяться и говорить. Я замѣтилъ: тотъ, кто близко увидѣлъ смерть, какъ бы носитъ ея печать. Я не знаю въ чемъ она, эта таинственная печать. Но я чувствую ее. Я не могу ошибиться. И не спрашивая, я зналъ, что этотъ умолкнувшій полкъ понесъ большія потери.

Очень просты и чисты англійскія войска. Они одѣты теплѣе французовъ. Ихъ консервы лучше французскаго „singe". Ихъ офицеры менѣе замѣтны, ихъ солдаты моложе, ихъ лошади крѣпче. Англичане всегда смѣются. Курятъ и улыбаются во весь ротъ. Странно видѣть высокихъ шотландцевъ, въ юбкахъ, съ голыми у колѣнъ ногами, въ дѣтскихъ шапочкахъ, въ зашнурованныхъ башмакахъ. Какая увѣренность въ грядущей побѣдѣ... Я остановилъ одного офицера:

— Что новаго, капитанъ?

— Ничего... За эти два дня мы потеряли 5.000 солдатъ.

— А нѣмцы?

— Нѣмцы? Не знаю... Убитыхъ нѣмцевъ такъ много, что наши солдаты стрѣляютъ изъ-за труповъ, какъ изъ траншей.

— Значитъ, все хорошо?

— О, да. Очень хорошо.

Еще издали, подъѣзжая къ Реймсу, видишь средневѣковый соборъ. Городъ въ сѣромъ туманѣ, не видно крышъ и церквей, видны только соборныя башни. Я ночевалъ въ Реймсѣ. Въ семь часовъ запираются магазины, въ девять гасятъ огни. Мѣстами городъ разрушенъ, дымятся голыя стѣны. Мѣстами не скажешь, что это разгромленный Реймсъ: все спокойно и мирно. Вечеромъ нѣмцы стали стрѣлять. Гулкіе, четкіе, глухіе удары. Точно кто-то сразмаху бьетъ стальнымъ молоткомъ. Я заснулъ подъ громъ пушекъ.

Что сталось съ соборомъ? Я видѣлъ его при восходѣ солнца. Вокругъ, на rue Tronson Ducoudray, на Place du Parvis Notre Dame, на rue Robert de Coucy, на rue de Cloître, на rue du Cardinal de Lorraine—слѣды жестокаго разрушенія. Можно сказать, что выжженъ цѣлый кварталъ. Пожары также на rue de l'Université, rue de l'Isle, rue Montoison, rue S-t Yon, rue des Trois Raisinets. Но самый соборъ я ожидалъ найти въ худшемъ видѣ. Сильно пострадала правая башня, сгорѣла часовня, выгорѣли украшенія внутри. Въ соборъ попало два—три тяжелыхъ снаряда. Можно ли предположить, что нечаянно? Вотъ что гласитъ разслѣдованіе товарища министра искусствъ Далимье.

„Реймскій каѳедральный соборъ подвергался бомбардировкѣ нѣсколько разъ. Крыша его сгорѣла. Стекла, большею частью, разбиты. Въ своей верхней части сѣ-

верная башня повреждена снарядами, въ нижней— огнемъ.

„Скульптурныя украшенія и статуи уничтожены совершенно.

„Внутри большіе убытки причинены пожаромъ. Загорѣлась солома, приготовленная для нѣмецкихъ раненыхъ. Стѣны потрескались, изваянія обуглились.

„Сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія для защиты собора“.

Нѣмцы объясняютъ эту бомбардировку тѣмъ, что на башняхъ французы учредили наблюдательные посты. Парижскія газеты приписываютъ ее варварству нѣмецкихъ солдатъ и Вильгельма. Жители Реймса даютъ иное, наиболѣе вѣроятное объясненіе..

Когда я возвращался назадъ, я наткнулся на французскую, укрытую въ лѣсу, батарею. Я смотрѣлъ на ея орудія, на изящные и страшные Римальо. Черезъ десять минутъ они откроютъ огонь. Я думалъ о Реймсѣ, объ обстрѣлянномъ каѳедральномъ соборѣ, объ убитыхъ на улицахъ дѣтяхъ, объ этихъ артиллеристахъ, которыхъ къ вечеру, быть можетъ, останется половина. И, противъ воли, я вспоминалъ:

...Жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ? Небо ясно,
Подъ небомъ много мѣста всѣмъ.
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?

АЛЬБЕРЪ.

Городъ Альберъ находится между союзными и нѣмецкими войсками. Онъ весь въ пламени. Къ нему нельзя подойти. Онъ былъ въ рукахъ нѣмцевъ съ 28-го августа по 17-е сентября. Въ Альберѣ нѣмцы не „шутили“, какъ въ Куломмье, и не убивали, какъ въ Шангюйонѣ. Наоборотъ, они были „sehr gemütlich“ — очень любезны. Вотъ что мнѣ разсказалъ мэръ Альбера г. Летюркъ:

28 августа появились первые патрули уланъ. Они направились прямо въ мэрію.

— Вы мэръ?

— Да.

— Вы отвѣчаете за спокойствіе города.

— Да.

-- Вы поняли?

— Да.

Потомъ они „посѣтили“ банки. Но въ банкахъ не было ничего. Только въ городскомъ казначействѣ оставались, принадлежащія городу деньги—около 1500 рублей. Нѣмцы не тронули ихъ. Уланскій поручикъ „вѣжливо“ обратился къ мэру:

— Теперь я желаю обѣдать. Вы слышите?

— Да.

— Я пойду къ вамъ, и вы приготовите мнѣ обѣдъ.

— Да.

— Если вы меня отравите, то... Вы поняли?

— Да.

На другой день пришли нѣмецкія войска. Пріѣхалъ и генералъ. Онъ остановился въ квартирѣ мэра.

— Вы мэръ?

— Да.

— Вы поднимете надъ мэріей нѣмецкій флагъ. Вы прикажете жителямъ сдать оружіе. Вы доставите сѣна, хлѣба, бензина, мяса, вина. Вы слышите?

— Да.

— Четырехъ заложниковъ.

— Да.

— Въ случаѣ какихъ-либо безпорядковъ,—вы и заложники... Вы поняли?

— Да.

Альберъ сталъ нѣмецкимъ. Цѣлыя сутки „дефилировала“ пѣхота. Со знаменами, съ музыкой, съ пѣніемъ съ криками: „Nach Paris“... Офицеры ѣли и пили. Пили и „gemütlich“ предупреждали мэра:

— Черезъ недѣлю вы будете нѣмцемъ.

— Да.

— Хорошимъ нѣмцемъ.

— Да.

— А если вы не захотите быть нѣмцемъ... Вы поняли?

— Да.

Прошла пѣхота, за ней артиллерія, за ней обозы и

лазареты. Въ городѣ остался незначительный гарнизонъ. Командовалъ имъ полковникъ. Онъ дѣлалъ обыски, производилъ реквизиціи, караулилъ заложниковъ, творилъ расправу и судъ. И все-таки скучалъ въ „нѣмецкомъ“ Альберѣ. Наконецъ, онъ не выдержалъ скуки:

— Хорошая здѣсь охота?

— Да.

— Я желаю охотиться.

— Да.

— Я желаю, чтобы со мной охотились вы.

— Да.

— Но если я на охотѣ буду убитъ... Вы поняли?

— Да.

Мэръ и нѣмецъ охотились вмѣстѣ. Нѣмецъ очень смѣялся:

— Необыкновенно забавно... Вы не мэръ, вы теперь мой егерь... Неправда ли, господинъ Летюркъ?

Шли дни. Снова проходили нѣмецкія войска, снова офицеры пили, любезно „предупреждали“ мэра, снова мирныя улицы оглашались криками: „Nach Paris“. Снова—„мясо, сѣно, хлѣбъ, вино и бензинъ“. Но вотъ „продефилировала“ послѣдняя рота, и полковникъ опять заскучалъ. Однажды, въ квартирѣ мэра послышалось пѣніе. Мужскіе голоса пѣли поздравительную кантату. Кто-то съ чувствомъ игралъ на рояли. На улицѣ унтеръ-офицеры выстроились въ ряды. У каждаго въ рукахъ былъ букетъ. Мэръ робко освѣдомился, въ чемъ дѣло

и почему такое необычайное торжество? Полковникъ, улыбаясь, отвѣтилъ:

— Сегодня мои именины. Солдаты пришли поздравить меня. Вы видите, какое въ нашей арміи единеніе... Солдаты любятъ начальство, и начальство любитъ солдатъ. И вы полюбите насъ.. Вы поняли?

— Да.

Теперь въ Альберѣ нѣтъ нѣмцевъ. Если завтра они вернутся, я хочу вѣрить, что они не будутъ грабить и жечь. Они снова будутъ „gemütlich“. Но я бы все-таки не хотѣлъ быть на мѣстѣ господина Летюрка.

ПОЛЕ СРАЖЕНІЯ.

Я иду по большой дорогѣ. Кругомъ багровые, красные, золотые, темно-желтые листья,—печальная осень. Въ сѣромъ небѣ таютъ низкія облака, и по временамъ шуршитъ мелкій дождь. Онъ шуршитъ лѣниво и скучно. И лѣниво и скучно, заглушенно, грохочутъ пушки. Я привыкъ къ ихъ гулкому зову. Я почти не замѣчаю его. И мнѣ кажется, что это не поле сраженія, а отъѣзжія, мирныя, отдыхающія поля. Мнѣ хочется спрятаться подъ березу и, какъ въ дѣтствѣ, слѣдить за дождемъ,—считать лѣнивыя капли. Но все ближе неистовый гулъ. Уже не слышно дождя, не слышно шороха листьевъ. Уже нѣтъ обманчивой тишины. Уже въ сосѣднемъ лѣсу немолчно охаетъ эхо.

По сторонамъ — оставленныя траншеи: неглубокія, разрытыя ямы, невысокіе, насыпанные холмы. Слѣды тяжелыхъ колесъ. Я сворачиваю налѣво. Дорога вьется между полей и неожиданно, въ полу-верстѣ, я вижу первыя пушки,—короткоствольныя Римальо. Подъ ногами дрожитъ земля, сверкаетъ бѣлый огонь. Удаляясь, посвистываетъ шрапнель. Когда замретъ этотъ свистъ, снова вздрогнутъ кусты, сверкнетъ неяркое пламя и засвиститъ второй, третій, четвертый снарядъ,—засвиститъ и разрѣжетъ воздухъ. И такъ безъ отдыха цѣлый день. За батареей деревня. Обгорѣлыя стѣны, полуразрушен-

ные, дымящіеся дома. На одной стѣнѣ прибита вывѣска: „Штабъ“. За воротами красныя панталоны, гусарскія куртки, молодыя, загорѣлыя лица. Голубоглазый гусаръ, смѣясь, показываетъ на лѣсъ. Я смотрю, и вижу только березы. Но вотъ изъ-за лѣса издалека доносится странный и чуждый звукъ. Точно скрипитъ несмазанная телѣга, все ближе и ближе, все острѣе, все тоньше, гдѣ-то около васъ, пока не умолкнетъ пронзительный скрипъ и не содрогнется гулко земля. И сейчасъ же снова что-то скрипитъ, справа, слѣва, спереди, наверху, скрипитъ жалобно, заунывно и—снова гулъ и звонкій ударъ. Я стоялъ на дорогѣ и не понималъ, куда же идти? Со всѣхъ сторонъ скрипѣли телѣги, со всѣхъ сторонъ разрывались снаряды, а впереди батарея непрерывно рѣзала воздухъ, и навстрѣчу звенящему скрипу, удаляясь, посвистывала шрапнель. На улицѣ не было никого. Изъ-за воротъ все тотъ же голубоглазый сержантъ лукаво посматривалъ на меня.

И это поле сраженія? Но гдѣ же солдаты? Гдѣ вырытыя траншеи? Гдѣ другія, гремящія пушки? Я вижу равнину, размытые дождями холмы, увядающій лѣсъ и, за перелѣскомъ, четыре спрятанныхъ Римальо. Я вижу за воротами гусарскій патруль, вижу вывѣску: „Штабъ“, вижу дымъ догорающаго пожара и шрапнельные дымки въ небесахъ. И больше я ничего не вижу. Голубоглазый гусаръ подходитъ и говоритъ:

— Извините за безпокойство... Вчера, въ лѣсу, мы убили двухъ нѣмцевъ. На одномъ изъ нихъ мы нашли

письмо на какомъ-то варварскомъ языкѣ. Будьте добры, прочтите.

Онъ подаетъ мнѣ сѣрый, измятый листокъ. На листкѣ неумѣлой рукой нацарапано нѣсколько словъ по-польски. Я читаю:

„Во имя Іисуса Христа. Дорогой мужъ, ты знаешь, что дѣти хотятъ ѣсть. Я не увѣрена, что получу перваго числа деньги. Брата взяли въ солдаты, и я стараюсь заработать дѣтямъ на хлѣбъ, потому что маленькая Гертруда плачетъ, а Францискa больна. Дорогой мужъ, я получила твои письма и узнала, что ты здоровъ. Я прошу Божью Матерь, чтобы она позволила тебѣ вернуться домой. Ты пишешь, что плачешь, но и я плачу цѣлые дни и молюсь Богу. Когда ты вернешься, мы снова вмѣстѣ будемъ заботиться о дѣтяхъ. Дорогой мужъ, мнѣ больше нечего писать.

„Во имя Іисуса Христа. Тебѣ низко кланяются всѣ дѣти: Ясь, Гертруда, Франциска, Михаилъ, Францискъ, Янекъ и Густавъ, а также отецъ, мать, шуринъ и сестра. Твоя жена во имя Бога, Анна".

Я возвращаю листокъ гусару. Молчатъ короткоствольные Римальо. Не рвется больше шрапнель. Тихо на улицѣ и въ лѣсу. Я поворачиваю назадъ. Шепчетъ дождь. Я думаю не о тѣхъ, кого убиваютъ, не о тѣхъ, кто въ послѣдній и смертный часъ слышитъ скрипъ невидимаго снаряда, гулъ смертельнаго взрыва. Я думаю о Гертрудѣ, Янѣ, Францискѣ, Михаилѣ, Янекѣ и Густавѣ,—о дѣтяхъ, которыя молятся Богу и которымъ нечего ѣсть.

ПАРИЖЪ.

Нѣмецкія войска далеко отъ Парижа. Ихъ главныя силы на сѣверѣ,—въ бельгійской Фландріи, около Диксмюда и Ньюпорта. Бои идутъ по рѣкѣ Изерѣ и вокругъ Арраса и Лилля. Столицѣ Франціи не угрожаетъ опасность. Отъ „Taube“ она защищена эскадрильей аэроплановъ. Отъ фонъ-Клюка—живой стѣной своихъ войскъ.

Какъ скоро привыкаешь къ войнѣ... Какъ скоро то, что казалось вчера непонятнымъ, становится естественнымъ, почти обыденнымъ. Стоитъ холодная осень. Въ Булонскомъ лѣсу опадаютъ листья. Цвѣтутъ послѣднія астры. На озерахъ легкій туманъ. Въ прозрачномъ воздухѣ желтѣютъ каштаны. Не слышно птицъ. Не грѣетъ низкое солнце. И вспоминаешь о Пушкинѣ и Россіи:

„Печальная пора, очей очарованіе.“

Думаетъ ли Парижъ о войнѣ? Возьмите газеты. Онѣ полны разсказами о трусости нѣмцевъ, объ ихъ жестокостяхъ, о Реймскомъ соборѣ, о нѣмецкихъ шпіонахъ, о кайзерѣ, о томъ, что двое французовъ взяли въ плѣнъ полтораста уланъ. Сколько разъ я слышалъ на линіи войскъ: „Не цензура страшна. Страшно то, что газеты дѣлаютъ изъ войны анекдотъ. Надо говорить только правду или не говорить ничего“. И сколько разъ я слы-

шалъ въ Парижѣ: „ложь есть конь во спасеніе... Умная ложь возвышаетъ воинскій духъ“.

Въ Парижѣ не отдаютъ себѣ отчета, что такое война. Въ Парижѣ думаютъ, что война, это—удалая атака, поле храбрости, поединокъ за знамя, звонъ оружія, бой барабановъ. Войну понимаютъ, какъ картину въ синематографѣ. Почти у каждой семьи есть отецъ или сынъ въ войскахъ. Уже многіе въ траурѣ. Уже много пролито слезъ. И все таки люди не догадываются о томъ, что значитъ непрекращающееся сраженіе,—сначала на Энѣ, потомъ на Соммѣ, потомъ у моря. Люди не догадываются о томъ, что значитъ солдатское, ежедневное, что значитъ не мужество, а трудъ на театрѣ войны. Люди не видятъ безконечныхъ обозовъ, запыленныхъ автомобилей, интендантства, лазаретовъ, санитаровъ, телеграфистовъ, нагруженныхъ солдатами поѣздовъ. Они не видятъ траншей, жизни въ ямахъ, на голой землѣ. Они читаютъ реляціи, имъ показываютъ отобранныя у нѣмцевъ знамена. Для нихъ паденіе Антверпена—военная неудача. Они не знаютъ, что осада, отступленіе, атака, война,—ежеминутное и страшное испытаніе. Одинъ раненый мнѣ сказалъ: „Кто не отступалъ, какъ отступали мы послѣ Шарлеруа, кто не прятался въ траншеяхъ, какъ мы, тотъ не знаетъ, что такое война и не можетъ ее понять“. И я думаю, что этотъ раненый правъ. Вѣдь, не изъ газетъ же можно представить себѣ войну...

Парижанинъ, какъ всегда, сидитъ подъ вечеръ на террасѣ кафэ, пьетъ вино, лѣниво посматриваетъ газету.

Какъ всегда, на бульварахъ тѣснится толпа. Зажигаются фонари, сверкаютъ зеркальныя окна. Кое-гдѣ, среди котелковъ и пальто, мелькнетъ расшитая шапка или красное, съ галунами кепи. Это—рѣдкіе гости. Въ толпѣ много женщинъ, много стариковъ и дѣтей. Звенятъ трамваи, подъ землей грохочетъ метро. Кто не зналъ до войны Парижа, тотъ не скажетъ, что онъ измѣнился. Только вечеромъ, въ 10 часовъ, онъ становится другимъ, незнакомымъ. Въ небѣ ходитъ прожекторъ, потушены всѣ огни. Но уже нѣтъ того тяжелаго страха,—страха за Францію, за Парижъ,—который былъ, когда нѣмцы приближались къ Санлису. Растетъ вѣра: союзники побѣдятъ.

Я брожу по опустѣлымъ бульварамъ. Я уже не думаю о Россіи и о пушкинскихъ, любимыхъ, стихахъ. Передо мною встаетъ деревня,—деревенская убогая церковь. Я открываю дверь и вхожу. Вдоль стѣны бѣлѣютъ кровати. На кроватяхъ — недвижимые люди. У однихъ повязана голова, у другихъ забинтованы ноги. Одинъ лежитъ на боку, опираясь о подушку рукой и не можетъ пошевелиться. Рядомъ съ нимъ—бородатый мужчина, голый, съ желтымъ, перевязаннымъ животомъ. Еще дальше—безусый мальчикъ. У него перебита рука. Пахнетъ потомъ, человѣческимъ тѣломъ. Фельдшеръ шопотомъ говоритъ: „Вы хотите видѣть № 7-ой? Лучше не надо: онъ бредитъ... Ихъ было пятеро. Они ночевали въ сараѣ. Въ сарай упалъ нѣмецкій снарядъ. Четырехъ убило на мѣстѣ. А № 7-ой остался въ живыхъ“... Мнѣ

становится стыдно. Стыдно за то, что я не живу въ траншеяхъ, не ночую въ сараѣ, что я здоровъ и что у меня въ рукахъ нѣтъ винтовки. И въ Парижѣ мнѣ стыдно. Стыдно читать газеты, слушать праздные разговоры, видѣть блестящіе магазины и нарядныя, сверкающія огнями кафэ. № 7-ой умретъ. Его зароютъ и на могилѣ поставятъ крестъ. А въ Парижѣ привыкшіе люди будутъ съ жаромъ говорить о войнѣ, о взятыхъ знаменахъ, будутъ спорить и писать глубокомысленныя статьи. И никто не вспомнитъ о немъ,—о безымянномъ солдатѣ, гдѣ-то въ госпиталѣ умершемъ отъ ранъ.

ГУСТАВЪ ЭРВЭ.

Кого читаетъ Парижъ?

Предо мною полный, весь круглый, съ круглымъ лицомъ, съ круглыми движеніями круглыхъ рукъ, еще не старый, румяный, посѣдѣвшій въ тюрьмѣ, человѣкъ. Большіе, добрые, голубые глаза. Веселый, мягкій и властный голосъ. Этотъ голосъ слышенъ въ Парижѣ. Слышенъ въ Бордо. Слышенъ во Франціи и въ Россіи.

Эрвэ всегда былъ противъ войны. Но когда случилось то, чего онъ боялся всю жизнь, онъ нашелъ мужество громко сказать: „Теперь поздно спорить. Спорить будемъ потомъ... Теперь надо побѣдить или умереть". Онъ понялъ, что каковы бы ни были домашнія ссоры, онѣ должны на время умолкнуть, ибо—„передъ воротами Ганнибалъ".

„Пусть будетъ, что будетъ. Ни одинъ „красный" не двинется съ мѣста. Ни одинъ! Мы не нарушимъ порядка. Мы республиканская гвардія. Мы дисцисплинированы. Мы патріоты. Не такъ ли, Гедъ? Не такъ ли Самба? Не такъ ли, мой дорогой Жоресъ?

„Военный министръ не пожелалъ, чтобы я отправился на границу.

„Сегодня граница приблизилась къ намъ. Она въ 50-ти километрахъ насъ. И я уѣду?

„Пока трехцвѣтное знамя развѣвается надъ Парижемъ, я не покину Парижа“.

Онъ писалъ эти строки, когда правительство поспѣшно уѣзжало въ Бордо. Пруссаки занимали Компьень. Казалось, что императоръ Вильгельмъ завтра будетъ на Champs Elysées.

Онъ не испугался пруссаковъ. Болѣе того: онъ не испугался французовъ. Нѣмцы —„бандиты“. Каждый уланъ — „негодяй“. Германія — „варварская страна“. „Смерть варварамъ!“ Такъ говорили газеты. Такъ не говорилъ Густавъ Эрвэ изъ „Guerre Sociale“.

„Франкъ, молодой, соціалистическій депутатъ изъ Мангейма убитъ въ Люневилѣ.

„Я испытываю ту же печаль, какъ въ вечеръ смерти Жореса.

„Какъ и Жоресъ, Франкъ пытался предотвратить войну.

„Война разразилась.

„Франкъ отвѣтилъ на призывъ своей родины.

„Можетъ быть, онъ повѣрилъ, что мы напали на нѣмцевъ? Повѣрилъ баснѣ о французскихъ аэропланахъ? Повѣрилъ баснѣ о томъ, что Жоресъ былъ разстрѣлянъ? Можетъ быть, его свѣтлый умъ омрачила официіальная ложь?

„Или, можетъ быть, онъ, нѣмецкій еврей, ненавидящій антисемитизмъ, думалъ, что мы хотимъ уничтожить въ лицѣ Германіи, цивилизацію?

„Или, можетъ быть, онъ, не разсуждая, сказалъ себѣ,

что, сынъ своей родины, онъ долженъ за нее отдать свою жизнь?

„Мой дорогой Франкъ, не вѣрьте, что наше сердце отравлено ненавистью къ нѣмецкому народу.

„Когда солдаты Республики будутъ въ Берлинѣ, вѣдь мы сумѣемъ напомнить правительствамъ, что мы воевали не противъ народа, что мы воевали противъ Гогенцоллерновъ и юнкерской шайки. А вы, вѣдь, ненавидѣли Гогенцоллерновъ не меньше, чѣмъ мы.

„Не бойтесь нашей побѣды. Это будетъ побѣда свободы. Что я говорю? Это уже побѣда свободы.

„Дорогой другъ! Спите спокойно на французской землѣ. Въ нашей войнѣ за освобожденіе, въ послѣдней войнѣ, мы не забудемъ о нѣмецкомъ народѣ.

„Мы раздавимъ прусскій милитаризмъ. И мы придемъ на вашу могилу и осѣнимъ ее знаменемъ единенія“.

Эрвэ снялъ шляпу передъ могилой „бандита“ Франка. Онъ сдѣлалъ лучше. Онъ потребовалъ уваженія къ живымъ „бандитамъ“, къ тѣмъ несчастнымъ солдатамъ, которыхъ сотнями берутъ въ плѣнъ французскія войска.

„На-дняхъ на одной изъ маленькихъ станцій, въ Нуази-ле-Сэкъ, толпа освистала и оскорбила плѣнныхъ.

„Какой позоръ!

„Пусть разстрѣляютъ того, у кого найдутъ пули думъ-думъ. Пусть убьютъ какъ собаку, солдата, не пощадившаго женщины или ребенка, офицера, разстрѣлявшаго нашихъ плѣнныхъ.

„Пусть заставятъ дорого заплатить Вильгельма, наслѣднаго принца, и ихъ генеральный штабъ: они приказали сравнять съ землею Лувэнъ.

„Но народъ, оскорбляющій плѣнныхъ,—дикій народъ. Онъ недостоинъ побѣды.

„Плѣнный не значитъ трусъ.

„Развѣ герои Гравелотта, Сенъ Прива, Маръ-ла-Тура были низкіе трусы? И, однако, они сдались въ Мецѣ.

„Развѣ герои Кальверъ д'Илли и Базейля были низкіе трусы? И, однако, они сдались въ Седанѣ.

„Въ первые дни войны, послѣ разгрома нѣмецкихъ лавокъ, я напомнилъ слова священной еврейской книги: „Ты не обидишь и не притѣснишь чужеземца, пришедшаго въ твою землю. Ибо ты былъ чужеземцемъ въ Египтѣ".

„Я бы измѣнилъ теперь эти слова. Я бы сказалъ: „Ты не обидишь и не притѣснишь солдата, взятаго въ плѣнъ, ибо ты самъ былъ плѣннымъ въ Германіи".

Эрвэ понялъ народную душу. Онъ понялъ, что каждый французъ, будь то католикъ, республиканецъ или соціалистъ, одинаково встанетъ на защиту отечества. Онъ понялъ также, что, защищая отечество, французскій народъ ни въ чемъ не измѣняетъ себѣ, что онъ остается вѣренъ свободѣ и революціи. Но онъ понялъ еще другое, чего не поняли многіе. Какова бы ни была ненависть, каково бы ни было озлобленіе, какъ бы праведенъ ни былъ гнѣвъ, душа народа хранитъ въ себѣ величайшую цѣнность: любовь не только къ родинѣ, но

и любовь къ человѣку. Эрвэ сумѣлъ напомнить объ этомъ. Вотъ почему Парижъ читаетъ „Guerre-Sociale“. И вотъ почему Эрвэ имѣетъ право дерзко шутить: „Старый галльскій пѣтухъ, ты знаешь, что теперь послѣ побѣды на Марнѣ, весь міръ гордится тобой. Ты знаешь, что мы дѣти тѣхъ, кто сражался при Вальми и Жеманнѣ, при Аустерлицѣ и Іенѣ, при Маджентѣ и Сольферино. Старый галльскій пѣтухъ, ты тщеславенъ и гордъ. На этотъ разъ—одинъ только этотъ разъ,—я позволяю тебѣ громко спѣть твою тщеславную пѣсню. Пой же: ко-ко-ри-ко!..“

СУДЬЯ ИЗЪ КРЕЙЛЯ.

Крейль съ коммунами Монтатеръ и Ножанъ,—большой, фабричный, запыленный угольной пылью, городъ. Когда подъѣзжаешь къ нему, видишь трубы, печи, заводы, и только по берегамъ быстротекущей Уазы чувствуется деревня: много зелени и много воды. Теперь, зимою, все сѣро, подъ ногами жидкая грязь, и на горизонтѣ—обнаженныя рощи. Въ Крейлѣ, до объявленія войны, жило множество нѣмцевъ. Шпіоновъ? Инженеровъ? Купцовъ? Кто скажетъ? Но неоспоримо одно: подъ самымъ Парижемъ выросъ новый Шарлоттенбургъ.

При приближеніе нѣмецкихъ войскъ случилось то, что бываетъ часто: бѣжалъ городской голова, бѣжалъ кюрэ, бѣжалъ префектъ, бѣжали члены управы, — бѣжали всѣ городскія власти. Бѣжали богатые. Въ городѣ, за рѣдкими исключеніями, остались голые бѣдняки. Но съ бѣдняками остался судья. Мировой судья города Крейля, г. Северинъ Верлэ.

Его призвалъ къ себѣ генералъ,—тотъ самый фонъ-Бюловъ, фонъ-Клюкъ или фонъ-Шеллендорфъ, который за „недостатокъ почтенія къ войскамъ“, разстрѣлялъ четырехъ обывателей Крейля: Желэ, Одемера, Парана, и Бреша.

— Гдѣ мэръ?

— Мэръ уѣхалъ.

— Мэръ города Крейля—трусъ... Гдѣ префектъ?

— Префектъ уѣхалъ.

— Префектъ города Крейля—трусъ... Гдѣ кюрэ?

— Кюрэ уѣхалъ.

— Кюрэ города Крейля — трусъ... Всѣ французы, я вижу, трусы... Ваши солдаты бѣгутъ передъ нами, какъ овцы... Слышите ли? Какъ овцы... Черезъ два дня мы будемъ въ Парижѣ... Значитъ, въ городѣ остались только вы? Одинъ только вы?

— Изъ властей одинъ я.

— Вы знаете, что жители Крейля стрѣляли по войскамъ?

— Они не стрѣляли.

— А я говорю, что стрѣляли.

— Я даю вамъ честное слово, что это невѣрно.

— Честное слово? Что значитъ ваше честное слово? Что значитъ честное слово француза? Честное слово?.. Смѣшно!..

Судья вспыхнулъ. Каждый день, у себя въ камерѣ, подъ „Деклараціей правъ человѣка“, въ черной тогѣ и черной судейской шапкѣ, онъ вершилъ справедливый судъ. Его слово — слово не только честнаго человѣка, не только француза, но и нелицепріятнаго и независимаго судьи. Онъ посмотрѣлъ въ лицо генералу:

— Я не позволяю вамъ сомнѣваться въ моемъ честномъ словѣ...

— Что-о?

На минуту воцарилось молчаніе. Замерли господа офицеры. Замерли, въ изумленіи, солдаты. Замеръ, въ негодованіи, самъ превосходительный генералъ. Явный „недостатокъ почтенія къ военнымъ властямъ“.

— Повторите.

— Я не позволяю вамъ сомнѣваться въ моемъ честномъ словѣ...

Генералъ пристально взглянулъ на судью. Судья не опустилъ глазъ. Генералъ пожалъ съ усмѣшкою плечами.

— Хорошо... Идите... Городъ будетъ сожженъ.

Но городъ не былъ сожженъ. Нѣмцы пощадили его. Были сожжены отдѣльныя зданія. За что? Почему? Это извѣстно только нѣмецкому генеральному штабу.

Нѣмцы, какъ и вездѣ, пили, грабили, насиловали и издѣвались. Судья ходилъ по городу, кормилъ нищихъ, успокаивалъ населеніе и предстательствовалъ за него передъ генераломъ. Восемь дней продолжалась эта военноплѣнная жизнь. На девятый день нѣмцы ушли. Это было послѣ битвы на Марнѣ. Судья подозвалъ знакомаго мальчишку—„gamin“:

— Бѣги немедленно по направленію къ Парижу. Первому французскому офицеру отдай вотъ эту записку.

На запискѣ стояло:

— Нѣмцы только что покинули Крейль. Верлэ.

Мальчишка добѣжалъ до линіи французскихъ войскъ. Ну, а если бы его по дорогѣ поймали нѣмцы? Что бы сталось съ судьей?

Городъ вздохнулъ свободно. Но въ него еще не вошли французскія войска. Въ немъ еще не было ни одного вооруженнаго человѣка. Къ вечеру, на велосипедѣ, пріѣхалъ нѣмецкій солдатъ. Онъ съ недоумѣніемъ оглянулся вокругъ. Онъ искалъ своихъ офицеровъ. На площади не было никого. Былъ одинъ, наблюдающій за порядкомъ, не знающій покоя, судья. Онъ подошелъ къ велосипедисту.

— Вы мой плѣнникъ.

Солдатъ схватился за карабинъ. Но судья уже держалъ его руки:

— Вы слышите? Вы мой плѣнникъ.

Утромъ въ Крейль вошла французская кавалерія. Судья ее встрѣтилъ съ почетомъ. Онъ представилъ ей плѣнника, — настояшаго, въ каскѣ и сѣрой шинели, нѣмца изъ Дюссельдорфа.

Я видѣлъ г. Северина Верлэ. Я смотрѣлъ на его серебряные виски, на острую, уже сѣдую, бородку и на добрые, веселые и живые глаза. И я думалъ: пока во Франціи есть такіе люди, какъ онъ, Францію нельзя побѣдить.

СЛЕСАРЬ ДОССАНКУРЪ.

Когда въ Крейль вошли нѣмецкія войска, жители въ страхѣ попрятались по домамъ. Съ чердаковъ, изъ-за опущенныхъ жалюзи, они увидѣли остроконечныя каски, зелено-сѣрыя куртки, пулеметы, пушки, повозки и блестящихъ, съ иголочки, офицеровъ. Армія Бюлова, какъ на парадѣ, дефилировала по avenue de la Gare. Дѣти плакали, старухи крестились, старики вспоминали страшный 1870-ый годъ:

— Конецъ! Въ воскресенье нѣмцы будутъ въ Парижѣ.

И прибавляли:

— Недаромъ всю недѣлю на горѣ свѣтились огни.

Черезъ Уазу, какъ разъ напротивъ магазина „Добраго Чорта", нѣмцы перекинули мостъ. Пока саперы вбивали наскоро сваи и настилали настилку, между касками мелькала сѣрая шапка. Кто-то въ синей блузѣ и бархатныхъ панталонахъ помогалъ саперамъ въ работѣ. Старики узнали его съ чердаковъ:

— Не можетъ этого быть! Да вѣдь это слесарь! Слесарь Жанъ Доссанкуръ!

Съ тѣхъ поръ Доссанкуръ былъ неразлученъ съ „les Boches". Онъ пьянствовалъ съ ними. Исполнялъ ихъ мелкія порученія. Передъ офицерами вытягивался въ

струну. Часто заходилъ въ „Добрый Чортъ“ и выходилъ оттуда съ узлами. Гулялъ съ саперами по rue Gambeta. Ночевалъ въ нѣмецкомъ лагерѣ у Уазы и ночью пѣлъ веселыя пѣсни. Когда онъ встрѣчалъ кого-нибудь изъ знакомыхъ, онъ говорилъ, улыбаясь:

— Приходите къ намъ въ лагерь... не бойтесь. Вы увидите: нѣмцы очень гостепріимный народъ.

А „буржуа“—владѣльцамъ „Добраго Чорта“ грозилъ, при встрѣчахъ, разстрѣломъ.

— Смотрите! Ведите себя хорошо... А не то, вы знаете, я скажу генералу...

И смѣялся.

Нѣмцы не дошли до Парижа. Послѣ сраженія на Марнѣ, они повернули на сѣверъ. Въ Крейль вступили французскія войска. Слесарь Доссанкуръ и не думалъ скрываться.

— Помилуйте, я то причемъ?.. Приказывали,—я исполнялъ... Какъ не исполнить? Убьютъ... Сами знаете, что такое „les Boches“...

— А „Добрый Чортъ“?

— Что-жъ „Добрый Чортъ“?

— А узлы?

— Какіе узлы?

— А сигналы?

— Какіе сигналы?

— А угрозы?

— Господи, да вѣдь это шутки... Что вы? какъ можно Что? подѣлаешь? Кавалерія, артиллерія, пѣхота,

офицеры, генералы, фонъ-Бюловъ... Что я могу противъ нихъ?.

Доссанкура арестовали.

Однимъ пасмурнымъ сентябрьскимъ утромъ на главной площади, гдѣ по праздникамъ бываютъ гулянья, а по субботамъ базаръ, недалеко отъ взорваннаго французами моста, выстроились жандармы. Весь Крейль сбѣжался смотрѣть. Дѣти не плакали. Женщины не крестились. Старики вытягивали длинныя шеи, чтобы увидѣть тюремный автомобиль.

Изъ автомобиля вышелъ слесарь Жанъ Доссанкуръ. Въ сѣрой шляпѣ, синей блузѣ и бархатныхъ панталонахъ. Было холодно. Накрапывалъ дождь. Журча, струилась Уаза.

Доссанкура привязали къ старому дубу. Онъ поднялъ голову и осмотрѣлся вокругъ. Передъ нимъ, въ разстоянiи 15 метровъ, стояли цѣпью солдаты. За ними жандармы. За жандармами—нетерпѣливая и озлобленная толпа.

— Разъ... Два... И пли!..

Плечи вздрогнули и подогнулись колѣни. Слесарь Жанъ Доссанкуръ, какъ мѣшокъ, опустился на землю. Но веревки его поддержали. Только шапка упала на лобъ и закрыла голубые глаза.

Взводъ съ винтовками на плечо, бѣгомъ примыкалъ къ батальону. Одинъ пѣхотинецъ, пыльный, грязный, черный, какъ жукъ, заколебался и оглянулся на Доссанкура. Полковникъ въ гнѣвѣ замахалъ саблей.

— Это что такое? Въ ряды!.. На недѣлю подъ арестъ!

А когда владѣлецъ „Бюро Похоронныхъ процессій“, „уважаемый гражданинъ“ Легринъ, отвязалъ еще теплый трупъ и завернулъ его въ парусину, городъ Крейль на перегонки побѣжалъ къ дубу. Со всѣхъ ногъ бѣжали мальчишки, путались въ широкихъ юбкахъ старухи и ковыляли дряхлые старики. Каждый рвалъ повисшую на дубѣ веревку.

Я видѣлъ эту сѣрую площадь и этотъ, теперь оголенный, дубъ. На корѣ слѣды винтовочныхъ пуль. Рядомъ съ дубомъ—базаръ. Гуси, утки, капуста, свекла и деревянные, дома сдѣланные, сабо. Напротивъ вывѣска: „Добрый Чортъ“. Городъ Крейль давно забылъ о нашествіи нѣмцевъ. Помнятъ о немъ только тѣ, у кого осталась веревка „на счастіе“.

ИЗЪ ДНЕВНИКА СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ.

Въ моихъ рукахъ истрепанные, сорванные со стѣнного календаря, листки. На нихъ день-за-день короткая запись. Некогда пространно писать. Пространно пишутъ въ Парижѣ. Въ арміи, не разсуждая, бѣгло отмѣчаютъ событія.

„Сауссонъ, 28 августа. Днемъ и ночью проходятъ бельгійскіе эмигранты. Въ большихъ повозкахъ, запряженныхъ быками, сидятъ старики и дѣти. Имъ нечего ѣсть. Вотъ уже 9 дней, какъ они въ дорогѣ.

„31 августа. Я вижу много бельгійскихъ солдатъ. Большинство бѣжало изъ плѣна. Они очень устали.

„1 сентября. Безъ перерыва идутъ санитарные поѣзда. Раненые лежатъ на соломѣ, не перевязанные, голодные. Мы стараемся имъ помочь.

„2 сентября. Идутъ санитарные поѣзда.

„3 сентября. Послѣдніе раненые эвакуированы въ Парижъ. Врачи и сестры уѣхали. Мэръ уѣхалъ. Власти уѣхали. Я осталась одна съ г-жей Машерэзъ.

„6 сентября. Госпожа Машерэзъ заняла мѣсто мэра. Я кормлю голодныхъ дѣтей.

„8 сентября. Прошелъ послѣдній французскій полкъ. За нимъ—велосипедный отрядъ. У кладбища велосипе-

дистовъ атаковалъ нѣмецкій патруль. Нѣмецкія войска вошли въ городъ и направились прямо къ мэріи. Ихъ встрѣтила госпожа Машерэзъ. Я пошла искать раненыхъ.

„10 сентября. Нѣмцы грозили насъ разстрѣлять. Мы объяснили, что мэръ уѣхалъ, что власти уѣхали и что мы остались въ Сауссонѣ однѣ. Тогда нѣмцы приказали прекратить артиллерійскій огонь.

„11 сентября. Городъ заполненъ нѣмецкими войсками. Приходятъ нѣмецкіе раненые. Они перевязаны и умыты. Мы стараемся имъ помочь.

„12 сентября. Нѣмецкіе офицеры относятся къ намъ съ уваженіемъ. Солдаты грабятъ зажиточные дома. Они находятъ безсовѣстнымъ, что богатые всѣ уѣхали, оставивъ на произволъ судьбы бѣдняковъ.

„13 сентября. Воскресенье. Нѣмцы служили обѣдню. Нѣмецкая армія выступила въ Парижъ. Въ Суассонѣ осталось всего человѣкъ пятьдесятъ.

„14 сентября. Я ѣздила на поле сраженія. Искала раненыхъ и забытыхъ французовъ. По дорогѣ встрѣтила нѣмцевъ. Солдаты разступались, пропуская меня, и отдавали мнѣ честь.

„16 сентября. Снова слышны нѣмецкія пушки. Они приближаются къ Суассону. Лица раненыхъ нѣмцевъ мѣняются. Они спрашиваютъ, не отступаютъ ли нѣмецкія войска?

„17 сентября. Пушечный гулъ все ближе. Къ звуку нѣмецкихъ пушекъ присоединяется звукъ французскихъ

орудій. Мы волнуемся. Мы съ нетерпѣніемъ ждемъ прибытія французовъ. Съ госпитальнаго чердака мы слѣдимъ за большой дорогой,—за движеніемъ непріятельскихъ войскъ.

„18 сентября. Проходятъ французскіе плѣнные. Въ городѣ опять много нѣмцевъ. Они обѣщаютъ взорвать газовый заводъ и мосты.

„19 сентября. Въ госпиталь пришло нѣсколько гвардейскихъ гусаръ. Гусары „смерти"—мальчики, лѣтъ 18-ти, довольно крѣпкіе, въ черныхъ шапкахъ, съ вышитой по бархату серебромъ, мертвою головой. Ихъ девизъ: „побѣдить или умереть". Это—гвардія императора, т. е. лучшія войска.

„Нѣмцы увозятъ своихъ раненыхъ и раненыхъ плѣнныхъ. Я увидѣла на телѣгѣ красные панталоны и стала просить, чтобы мнѣ разрѣшили перевязать французовъ въ больницѣ. Послѣ настойчивыхъ просьбъ, нѣмцы, наконецъ, согласились. Я спрятала четырехъ солдатъ. Пришелъ нѣмецкій сержантъ и сталъ ихъ требовать у меня. Я сказала, что они уже ушли изъ больницы. Потомъ я переодѣла ихъ въ штатское платье.

„20 сентября. Сегодня земля дрожитъ отъ грома орудій. Трещатъ пулеметы. Безконечною вереницей, черезъ Суассонъ возвращаются нѣмецкія войска. Сначала госпитали, потомъ интендантство, потомъ кавалерія, потомъ тяжелыя пушки.

„21 сентября. Нѣмцы уходятъ. Французы у воротъ Суассона. Нѣмцы говорятъ: „Французы—свиньи.—Суас-

сонъ—капутъ, капутъ, капутъ". Вечеромъ было слышно, какъ взрывали мосты.

„22 сентября. Нѣмцы заняли позиціи въ окрестностяхъ города. Кругомъ наша и англійская артиллерія. У насъ не 75-миллиметровыя орудія, а Римальо.

„23 сентября. Первыми вошли въ Суассонъ стрѣлки. Мы были въ восторгѣ. 12 дней мы были въ нѣмецкомъ плѣну, и вотъ теперь мы снова французы. Потомъ показались зуавы и алжирскія войска. Утромъ они ходили въ атаку. Мы слышали перестрѣлку и крики.

„24 сентября. Много раненыхъ. Раненые разсказываютъ о вчерашней атакѣ. Нѣмцы говорятъ, что сдаются, и потомъ стрѣляютъ изъ пулеметовъ.

„25 сентября. Наши черные солдаты ужасны. Они рубятъ головы, рѣжутъ уши, зарываютъ раненыхъ вмѣстѣ съ убитыми. Зуавы тоже безжалостны. Пѣхотинцы сердечны и храбры.

„26 сентября. У солдатъ нѣтъ табаку, нѣтъ на ночь соломы, мало хлѣба, иногда они голодаютъ. Но они не жалуются. Они готовы умереть за отечество. Какъ они хороши на полѣ сраженія и какая страшная вещь война"...

„Какая страшная вещь война"... Какое мужество, спокойное самоотреченіе нужно имѣть, чтобы остаться въ городѣ, когда уѣхали всѣ—мэръ, власти, сестры врачи. Какую любовь нужно чувствовать въ сердцѣ, чтобы „стараться помочь" всѣмъ, всегда,—французамъ, нѣмцамъ, бѣднымъ, богатымъ. Какъ глубоко нужно

презирать смерть, чтобы на глазахъ у людей, грозящихъ разстрѣломъ, спрятать плѣннаго и дать ему возможность бѣжать. Госпожа Машерэзъ—самая извѣстная женщина Франціи. Но ея помощница, безымянная сестра милосердія, заслуживаетъ не меньшаго уваженія. Война не только страшная вещь. На войнѣ проявляется то скрытое, сокровенное, что дремлетъ въ каждомъ изъ насъ. Одни рѣжутъ уши, рубятъ головы и зарываютъ живыхъ. Другіе—разговариваютъ легкоязычно. Третьи самоотверженно отдаютъ свою жизнь. И лишь немногіе умѣютъ любить—любить ближняго своего, какъ самого себя.

ПАТАТЪ.

Въ Амьенѣ мнѣ разсказывали слѣдующую исторію:

Звали его „Пататъ“—„Картошка“. Онъ былъ старъ, у него дрожали колѣни и тяжело сгибалась спина. Онъ ходилъ въ рваной шляпѣ, зимой и лѣтомъ въ одномъ и томъ же, дырявомъ, пальто и въ солдатскихъ стоптанныхъ сапогахъ. Днемъ онъ нищенствовалъ. Вечеромъ его можно было найти въ кафэ, у кабатчика Лора, гдѣ онъ напивался и, пьяный, говорилъ рѣчи. Онъ говорилъ о Наполеонѣ, о республикѣ, о соціализмѣ, о томъ, что министерство плохо управляетъ страной и что, если бы его, Картошку, выбрали въ депутаты, онъ бы показалъ, что значитъ добросовѣстный и знающій свое дѣло избранникъ народа. Надъ нимъ смѣялись. Смѣялись буржуа, подавая ему два су, смѣялись рабочіе, угощая его виномъ, смѣялись уличные мальчишки, когда онъ сгорбленный, сѣдой и небритый проходилъ по Avenue Gambetta. А два года назадъ, передъ выборами въ парламентъ, какой-то шутникъ расклеилъ въ городскомъ саду объявленіе:

„Выбирайте Патата. Долой республику! Да здравствуетъ Императоръ Пататъ!“

И добрые буржуа находили это объявленіе забавнымъ. А рабочіе говорили съ гнѣвомъ:

— Лучше Пататъ, чѣмъ Орлеанъ или Бонапарте...

Когда пришли нѣмцы, Пататъ не нарушилъ своихъ привычекъ. Вечеромъ онъ сидѣлъ въ опустѣломъ и все-таки заплеванномъ и дымномъ кафэ, пилъ вино и говорилъ кабатчику Лору:

— Все это потому, что мы не готовились къ этой войнѣ. Лѣвые отказывали въ военныхъ кредитахъ. Если бы меня два года назадъ выбрали въ депутаты, то этого навѣрное бы не случилось.. А теперь расхлебывайте кашу, какъ знаете сами. Я не причемъ. Мнѣ плевать...

На утро, точно въ городѣ не было нѣмцевъ, точно Avenue Gambetta не дымилась, и отъ мэріи не оставались однѣ, обугленно-голыя стѣны, онъ, по обыкновенію, вышелъ на площадь. Но его сейчасъ же остановили уланы:

— Кто такой? Какъ фамилія?

— Пататъ.

— Что ты дѣлаешь здѣсь?

Пататъ удивился.

— Какъ что? Я Пататъ.

Уланскій Herr leutenant нагнулся съ коня:

— У тебя солдатскіе сапоги? Ты—вольный стрѣлокъ?

Пататъ молча пожалъ плечами.

— Это ты стрѣлялъ изъ окна? Мнѣ некогда разговаривать... Подлый французъ!.. Арестовать его и отвести къ генералу!..

Черезъ четверть часа Пататъ стоялъ у гостиницы

„Бѣлая лошадь“, передъ толстымъ, краснымъ, огромнаго роста, человѣкомъ въ мундирѣ. Человѣкъ даже не посмотрѣлъ на него, а презрительно скривилъ губы:

— На тебѣ солдатскіе сапоги? Гдѣ ты ихъ взялъ?.. Это—улика. Что ты можешь сказать въ свое оправданіе?

У Патата тряслась борода, тряслись руки, тряслась широкополая шляпа. Онъ видѣлъ, что генералъ разсердился и чувствовалъ страхъ, какъ онъ чувствовалъ страхъ, когда кабатчикъ Лоръ кричалъ на него или, когда, бывало, уличные мальчишки, науськивая собакъ, дразнили его „Картошка“...

— Почему ты не отвѣчаешь?

Человѣкъ въ генеральскомъ мундирѣ подождалъ еще съ полминуты и потомъ негромко сказалъ:

— Разстрѣлять.

Пататъ не вѣрилъ ушамъ: казалось, совершенно невѣроятнымъ, что его, Патата, могутъ убить. За что? За солдатскіе сапоги? Но сапоги ему подарилъ сынъ кабатчика Лора, а откуда онъ взялъ ихъ,—развѣ ему, Патату, извѣстно? Развѣ могъ онъ спрашивать, если это—подарокъ?.. Онъ хотѣлъ оправдаться и попросить у генерала прощенія. Но на крыльцѣ уже не было никого. Кто-то сильно ударилъ его по плечу, и чей-то голосъ скомандовалъ:

— Маршъ!

На окраинѣ города, у заросшаго камышомъ канала, недалеко отъ каменоломенъ, солдаты остановились. Па-

тата поставили на берегу, спиною къ водѣ. Стоялъ сентябрь, было знойно, воздухъ былъ неподвиженъ и было слышно, какъ въ каменоломняхъ играли дѣти и за лѣсомъ глухо ворчала пушка. Невысокій и тонкій, очень молодой офицеръ, обнажилъ свою шашку:

— Смирно!

Пататъ оглянулся. И вдругъ понялъ, что происходитъ. Онъ понялъ, что онъ умретъ. Это было такъ неожиданно и такъ страшно, что у него опять затряслась борода. И не думая, не отдавая себѣ отчета, что онъ собирается дѣлать, онъ перегнулся всѣмъ своимъ старымъ тѣломъ назадъ и, взмахнувъ руками, спиною бросился въ воду. Падая, онъ услышалъ сухой и короткій трескъ.

Въ водѣ опять стало страшно. Онъ дошелъ до самаго дна, ударился о песокъ головой и, не смѣя выплыть наверхъ, поползъ по песку. Онъ ползъ пока хватало дыханія и пока не зашумѣло въ ушахъ. Тогда онъ выплылъ и робко открылъ глаза.

Онъ былъ на другомъ берегу, въ густыхъ камышахъ. По-прежнему, у каменоломенъ звонко играли дѣти и за лѣсомъ ворчала пушка. Наискось, напротивъ него, выстраивались по-трое въ рядъ солдаты. Ихъ винтовки блестѣли на солнцѣ. Онъ понялъ, что это уходитъ тотъ взводъ, который его разстрѣлялъ.

Тогда онъ нащупалъ ногами песокъ. Вода доходила ему по шею. Онъ поднялъ голову и оставилъ надъ водой только губы. Такъ, по горло въ водѣ, онъ стоялъ

до вечера, пока не стемнѣло. Вечеромъ, продрогнувшій и посинѣвшій, съ растрепанной бородой, въ дырявомъ, мокромъ пальто, онъ, покачиваясь, побрелъ въ кафэ, къ Лору.

Нѣмцы давно ушли изъ города N. Пататъ все тотъ же: онъ такъ же грязенъ и нищъ. Надъ нимъ смѣются, какъ прежде. И разсказывая свое непостижимое приключеніе, онъ какъ и прежде винитъ парламентъ:

— Если бы 2 года назадъ меня выбрали въ депутаты, то этого навѣрное бы не случилось... А теперь, расхлебывайте кашу, какъ знаете сами... Я не причемъ. Мнѣ плевать...

ФРАНЦУЗСКАЯ АРТИЛЛЕРІЯ.

Французскую батарею можно замѣтить только, когда подойдешь къ ней близко. По отъѣзжему, мокрому полю разбросаны желтые, потемнѣвшіе отъ дождей, стога. Впереди — опадающій лѣсъ, справа жидкіе перелѣски. Бѣлой лентой вьется дорога. Вы идете по мягкой межѣ. Вы не видите ничего. Но вотъ сверкнулъ нежданный огонь, и сейчасъ же, въ ту же секунду задрожала гулко земля. Передъ вами, въ полуверстѣ—незамѣтныя, вровень съ землею траншеи и укрытыя гніющей соломой пушки. Только зорко-прилежный глазъ видитъ сверху, съ аэроплана, что въ стогахъ сверкаетъ огонь. Нѣтъ людей, нѣтъ орудій. Есть осеннее, темное поле, темный лѣсъ и темное небо. Точно кто-то разсказалъ забытую сказку. Не о шапкѣ ли невидимкѣ?

Когда пѣхота идетъ въ атаку, — это жестоко, но это война. Когда гусары рубятъ уланъ—это жестоко, но это война. Когда кругомъ замѣченной батареи свиститъ и рвется шрапнель,—это жестоко, но это война. Но бываетъ и такъ, что война перестаетъ быть войной, что нѣтъ сраженія, нѣтъ поединка, а есть спокойный и точный разстрѣлъ. Вотъ что мнѣ разсказывалъ одинъ лейтенантъ:

— „Вы знаете наши пушки? 75-ти-миллиметровыя орудія? Вы знаете, что, если мы можемъ приблизиться на два километра, мы, какъ на ученьи, разстрѣливаемъ врага. Ну, такъ это случилось съ нами въ Альзасѣ... Мы стояли за лѣсистымъ холмомъ. Передъ нами протянулась дорога. Мы стояли такъ цѣлое утро, не стрѣляя— ожидая приказа. И вотъ въ полдень, мы видимъ: на дорогѣ уланы. Они по трое въ рядъ выходили изъ лѣса. Ихъ было много, можетъ быть, цѣлый полкъ. Я видѣлъ ихъ ясно, такъ, какъ вижу васъ, напримѣръ. Они не знали, что мы здѣсь, за холмомъ... Мы хотѣли стрѣлять, но капитанъ не позволилъ. Онъ ждалъ. Когда отъ опушки отдѣлился послѣдній уланъ, онъ отдалъ приказъ. И— вы понимаете? Мы стрѣляли шрапнелью, стрѣляли изъ всѣхъ орудій, стрѣляли, какъ по игрушкамъ, стрѣляли долго, жадно, какъ дикари... Это было очень удачное дѣло...“

Да, конечно, это было удачное дѣло... „Пусти серпъ твой и пожни, потому что пришло время жатвы, потому что жатва на землѣ готова“. Но вѣдь сказаны и другія слова: „Не дѣлайте вреда ни землѣ, ни морю, ни деревамъ“. Какъ понять эти слова? И въ какихъ словахъ— правда?

Мнѣ разсказывалъ другой лейтенантъ:

— Нашъ командиръ во время боя внезапно сошелъ съ ума. Что вы такъ смотрите на меня?.. Это не единственный случай. Мы, офицеры, поняли, что онъ сумасшедшій. Онъ бредилъ, плакалъ, кричалъ... Но люди

не знали объ этомъ и, конечно, повиновались ему. Повиновались и мы... И вотъ однажды мы стояли въ лѣсу. Передъ лѣсомъ—открытое поле. Вдругъ мы слышимъ, командиръ говоритъ: „дѣти мои, вотъ нѣмцы... Надо выдвинуть двѣ пушки впередъ... Кто не боится, — за мной!..“ Въ полѣ рвется шрапнель. Солдаты поколебались. Но что же дѣлать? Идутъ... Я подозвалъ сержанта и говорю: „Прикажите людямъ вернуться...“ Сержантъ пошелъ и передалъ приказаніе. Командиръ говоритъ: „Жалкіе трусы! Впередъ!..“ Однако, люди вернулись, Только двое не захотѣли уйти... Вы видѣли, у нашихъ орудій есть щитъ, за щитомъ два сидѣнія. Они сѣли на эти сидѣнія и ждутъ... Черезъ два часа огонь стихъ. Я вышелъ изъ лѣсу посмотрѣть... Вижу,—они сидятъ. Ну, думаю: слава Богу... подхожу и что же? Да, они сидятъ за щитомъ, но оба безъ головы... Есть плечи, туловище, руки и ноги... И кровь...

— А командиръ?

— На другой день его убило шрапнелью.

Люди годами думаютъ надъ убійствомъ. Изобрѣтаютъ дальнобойныя пушки, бризантныя бомбы, автомобили, аэропланы, непогрѣшимые пулеметы. Но не сталь одерживаетъ побѣды. Можно разстрѣлять полкъ уланъ, но нельзя побѣдить артиллеріей. Бой рѣшаетъ пѣхота, какъ сто, какъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ, какъ подъ Бородинымъ, подъ Ватерлоо, подъ Сенъ-Прива. Пусть howitzer'ы взяли Антверпенъ. Пусть разрушены Льежъ, Мобежъ и Намюръ. Побѣдитъ не машина. Побѣдитъ человѣкъ

Побѣдитъ французскій солдатъ,—тотъ солдатъ, который вопреки разсудку и разумѣнію, выйдетъ смѣло въ открытое поле и останется тамъ до конца. И, быть можетъ, здѣсь рѣшеніе загадки, смыслъ непонятыхъ словъ. И, быть можетъ, только этотъ солдатъ вправѣ „сдѣлать вредъ и землѣ, и морю, и деревамъ“ и пожать кровавую жатву. Ибо жертвою оправдана кровь.

ТРАНШЕИ.

То сраженіе, которое неправильно называютъ сраженіемъ на Энѣ, и которое растянулось отъ Ньюпорта черезъ Ипръ, Армантьеръ, Лилль, Аррасъ, Руа, Лассиньи, Краоннъ, Верденъ, до Бельфора и Танна, началось 12-го сентября, въ 4 часа пополудни. Вотъ уже шесть недѣль, какъ длится этотъ нескончаемый бой. Одинъ солдатъ съ аванпостовъ мнѣ говорилъ: „Я не знаю, кто побѣжитъ, они или мы... Но въ одно прекрасное утро кто-нибудь побѣжитъ, побѣжитъ безъ всякой причины, только потому, что больше нѣтъ силъ". Понимаете-ли вы, что значитъ шесть недѣль непрерывнаго боя? Что значитъ жизнь на линіи огня?

Саперы роютъ траншеи: 1 метръ 20 сантиметровъ глубиной, 1 метръ 60 сантиметровъ шириной, 25 метровъ длиной. Крышей служатъ оторванныя въ ближайшихъ деревняхъ двери. На нихъ насыпаютъ землю и поверхъ земли кладутъ зеленыя вѣтви. Ночью холодно,—ночи сырыя. Отъ дождя размокаютъ стѣны. Человѣкъ, точно кротъ: вырылъ яму и спрятался въ ней.

Прожить въ ямѣ недѣлю, мѣсяцъ, сорокъ два дня... Не имѣть ни табаку, ни газеты, ни писемъ, не раздѣваться, не мыться, ѣсть консервы и сухари. Но вѣдь

такъ живутъ только въ сказкахъ, въ романахъ Жюля Верна и Даніеля Де-Фо.

Когда издали слышишь пушки,—сперва становится стыдно. Черезъ часъ—непріятно. Черезъ шесть часовъ—жутко. Когда слышишь скрипъ далекой шрапнели, вспоминаешь о смерти. Когда жужжитъ случайная пуля, не думаешь ни о чемъ,—все становится „все равно".

Ну, а тѣ, кто живетъ въ траншеяхъ? Изо-дня въ день, утромъ, въ полдень, вечеромъ, ночью, безпрерывно грохочутъ пушки, рвутся бомбы, трещатъ пулеметы, жужжатъ нѣмецкія пули. Человѣкъ привыкаетъ? Да, конечно, человѣкъ привыкаетъ. Но развѣ эта привычка не страшнѣе нѣмецкихъ пуль?

Рвутся бомбы,—люди мирно рубятъ дрова. Трещатъ пулеметы—люди мирно готовятъ обѣдъ. Жужжатъ пули,—люди мирно идутъ за водой. Ревутъ пушки,—люди мирно ложатся спать. Такъ проходятъ долгіе дни. Это—будни. Бываетъ и праздникъ.

Бываетъ два „праздника". Первый—васъ атакуютъ. Второй—атакуете вы. Мнѣ разсказывалъ одинъ лейтенантъ:

— Я спалъ. Передъ зарей проснулся отъ крика. Свѣтлая ночь, луна. Въ полуверстѣ—нѣмецкія укрѣпленія... Я знаю наизусть ихъ траншеи... И вдругъ я вижу: изъ траншей выбѣгаютъ люди. Я слышу команду. Нѣтъ сомнѣнія: это атака... Въ эту минуту шрапнель. Одному изъ солдатъ оторвало ногу. Онъ стонетъ. Я разсердился: „чего ты стонешь? Не мѣшай... Не кричи... Вѣдь уби-

тые не кричатъ, а имъ гораздо непріятнѣе, чѣмъ тебѣ“... Понимаете, что я сказалъ? Но что же дѣлать?.. Вотъ— вотъ мы всѣ побѣжимъ... Но, слава Богу, мы и на этотъ разъ ихъ отбили...

— Какъ?

— Пулеметами. Пулеметы—садовыя лейки... Поливаешь и поливаешь, пока не останется никого... Только необходимо „сохранять хладнокровіе“. Въ хладнокровіи все дѣло...

Если васъ атакуютъ, необходимо „сохранять хладнокровіе“. Ну, а если атакуете вы? Мнѣ разсказывалъ другой лейтенантъ:

— Мы дошли до самыхъ нѣмецкихъ траншей... Какъ дошли,—я не знаю. Но вотъ, что было, что я буду помнить всю мою жизнь: мы отступаемъ... я ползу назадъ, по сжатому полю. Утро. Мокро, туманно. Колется сжатый овесъ. Я не раненъ, но ползу медленно, по межѣ. Кругомъ въ овесъ впиваются пули. Я не только слышу ихъ свистъ, я вижу, какъ гнется трава, какъ осыпаются комья земли... Точно дождь, точно брызги. Я ползу долго, одинъ... Надо доползти до дороги, за дорогой—траншея... Я доползъ до края и жду. Чего я жду?.. Я укрываюсь съ головою въ шинель и не бѣгу, а перекатываюсь черезъ шоссе... Я на той сторонѣ дороги... Еще усиліе, и я спасенъ... Это мы называемъ атакой...

Вотъ какъ живутъ эти люди. Не живутъ,—„поливаютъ изъ пулеметовъ“. Не живутъ—„перекатываются черезъ шоссе“. По ночамъ изъ траншей выносятъ раненыхъ и

убитыхъ. Сколько ихъ? Подите въ тылъ, въ лазаретъ, и считайте. Подите на кладбище и считайте. Вы не сосчитаете ихъ,—большинство зарыто въ поляхъ, тамъ же возлѣ траншей, возлѣ тѣхъ, кого завтра убьютъ. Мнѣ не жалко. Мнѣ страшно. Я вспоминаю: „Скрой, что говорили семь громовъ, и не пиши сего“.

АЭРОПЛАНЫ.

Небо пепельно-сѣрое, грустное, какъ морской волнистый туманъ. Надъ деревней тающіе дымки. Я знаю: это дымки шрапнели. Больше нѣтъ ничего. Одни туманныя облака. Облака соберутся въ тучу, тоже грустную, тоже туманную, съ темно-желтой мягкой каймой, и прольется декабрьскій дождь,—холодный и долгій. Грустенъ будетъ ненастный день.

Въ сѣро-пепельныхъ облакахъ неподвижно-черная точка. Коршунъ? Ястребъ? Орелъ? Что-то звонко жужжитъ, какъ жужжитъ неугомонная стрекоза. Я не могу различить: англичанинъ или Aviatik? Они похожи. Ихъ трудно узнать. Стрекоза опускается внизъ. Уже не точка, не игрушечное крыло. Большой, военный аэропланъ. Нѣтъ сомнѣнія: подъ крылами нарисованный крестъ. Значитъ нѣмецъ,—неустрашаемый врагъ.

Я жду. Неужели не будутъ стрѣлять? Неужели дадутъ улетѣть? Дадутъ улетѣть, осмотрѣвъ позиціи? Я затаиваю дыханіе. Какъ увѣренно, какъ спокойно Aviatik поворачиваетъ назадъ. Мнѣ стыдно: во мнѣ проснулся охотникъ. Такъ, въ рязанскихъ болотахъ я со злобой смотрѣлъ на улетающихъ дупелей, на разряженное ружье, на взволнованную собаку, на свои безсильныя руки. Помню: мнѣ хотѣлось плакать отъ гнѣва. И

теперь: нѣтъ врага, нѣтъ аэроплана, нѣтъ человѣка. Есть болотная дичь. Не коршунъ и не орелъ. Улетающій, уже почти недосягаемый дупель.

Вамъ знакомо это ревнивое чувство? Наступаетъ минута, когда вы не помните, не хотите помнить про кровь. Все равно: необходимо убить. И развѣ на охотѣ есть мѣсто жалости и любви?

Я говорю себѣ: онъ уйдетъ. Грустно и безмолвно кругомъ. Точно здѣсь не поле сраженія, не погребенные въ траншеяхъ солдаты, не укрытыя въ лѣсу батареи. Неужели никто не видитъ? Неужели никто не хочетъ убить? И я опять едва не плачу отъ гнѣва.

Но вотъ справа, изъ-за рѣки, прозвучалъ первый выстрѣлъ. Короткій и четкій. Сверкнулъ голубоватый огонь и въ небесахъ растаялъ дымокъ. Aviatik опустился, сдѣлалъ кругъ и снова взвился. Онъ, какъ птица, улетаетъ къ Rethel.

Но я съ радостью слышу: чаще и громче заговорили пушки. Ближе рвутся дымки, возлѣ крыльевъ, возлѣ хвоста. Aviatik колеблется и мѣняетъ дорогу. Онъ борется. Онъ испуганъ. Онъ, какъ дупель на ружейномъ стволѣ. Онъ не смѣетъ, не долженъ уйти. Господи, неужели онъ случайно уйдетъ?

Я разсказываю, какъ это было. Я разсказываю, какое чувство я испыталъ. Я—посторонній и праздный зритель. На войнѣ кровь—вода. Жизнь—игрушка. Что же испытываютъ тѣ люди, которые зарыты въ траншеяхъ? Для нихъ нѣмецкій аэропланъ—не недругъ, не

врагъ. Не безобидный, желанный дупель. Онъ несетъ имъ вѣрную смерть--шрапнель нѣмецкихъ орудій. Онъ поистинѣ „блѣдный конь". Съ какой ненавистью, съ какимъ острымъ желаніемъ побѣды ждутъ они, что онъ упадетъ,—упадетъ и разобьется въ осколки. Я забываю о человѣкѣ. Они не забываютъ о немъ: для нихъ здѣсь вовсе нѣтъ человѣка.

Aviatik улетѣлъ. Истаялъ въ зыбкомъ туманѣ. И въ тотъ же день, когда смерклось, но еще не упала зимняя ночь, на горизонтѣ зазвенѣла другая, четырехкрылая стрекоза. Свой, французскій аэропланъ. И сейчасъ же вокругъ начали взрываться дымки. Дымки нѣмецкихъ снарядовъ. Я опять затаилъ дыханіе. И я знаю: я былъ не одинъ. Я чувствовалъ, что вездѣ,—въ траншеяхъ, въ полусожженной деревнѣ, въ лѣсу, люди такъ же трепетно смотрятъ вверхъ, такъ же трепетно ожидаютъ развязки. Я молился: Господи, дай ему улетѣть. Я всѣмъ сердцемъ желалъ, чтобы онъ невредимо опустился на поле, тутъ же, возлѣ меня, чтобы я могъ обнять того человѣка, который только что видѣлъ смерть. Я зналъ, что онъ—другъ, защитникъ и покровитель. Я душою былъ съ нимъ,—тамъ, въ омраченныхъ взрывами небесахъ, среди свистящей шрапнели. И я ждалъ его. И я боялся за его безцѣнную жизнь.

Какъ странно. Мы говоримъ о любви и вѣримъ въ нее. Но въ каждомъ изъ насъ живетъ звѣрь. Преодолѣвъ и уничтоживъ врага, преодолѣемъ ли мы неукротимаго звѣря? Или поклонимся ему, какъ рабы?

ТРУДЪ ВОЙНЫ.

Уже болѣе двухъ мѣсяцевъ союзныя и нѣмецкія войска сражаются на Изерѣ, Соммѣ и Энѣ. На сѣверѣ, вокругъ Диксмюда, Ипра, Арраса и Армантьера и на востокѣ, въ Аргоннѣ, недалеко отъ Вердена, идутъ неистовые бои. Эти бои ознаменовались примѣрами рѣдкаго мужества, рѣдкой доблести, рѣдкаго самоотреченія. На сѣверѣ и въ Аргоннѣ все ясно, все ярко, все жестоко и все похоже на „классическую", извѣстную намъ по разсказамъ, войну. Такъ, вѣроятно, дерутся у Лодзи, у Кракова, въ Сербіи. Такъ, вѣроятно, дрались наши отцы и дѣды. Такъ, конечно, было еще при Петрѣ:

Полки ряды свои сомкнули,
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки.
Катятся ядра, свищутъ пули,
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды
Сквозь огнь окоповъ рвутся шведы...
Шведъ, русскій, колетъ, рубитъ, рѣжетъ...

Союзныя и нѣмецкія войска дерутся на флангахъ. Что же дѣлается въ центрѣ, отъ Альбера, черезъ Суассонъ, и до Реймса? Сообщенія главнаго штаба почти не говорятъ объ этихъ полуразрушенныхъ городахъ. Иногда мелькнетъ коротенькое извѣстіе, что „атаки отбиты" или

что „на нашей сторонѣ перевѣсъ“. И потомъ опять пренебрежительное молчаніе. Послѣ трехнедѣльнаго, — огромнаго—промежутка, я снова посѣтилъ эти „второстепенныя“ и не увѣнчанныя побѣдой мѣста.

Первое, что меня поразило: я не нашелъ никакой перемѣны. Нѣмцы на тѣхъ же позиціяхъ, французы въ тѣхъ же траншеяхъ. Тѣ же дивизіи, бригады, полки, тѣ же давно знакомыя части войскъ. Та же гостиница и въ ней тѣ же люди. Тотъ же черноволосый „вагмейстеръ“—сержантъ, тотъ же раненый въ ногу драгунскій maréchal de logis. Тѣ же разговоры о томъ, что бомбардируютъ Альберъ и Руа, которые бомбардировали уже множество разъ. Точно не прошло трехъ недѣль. Точно, какъ въ сказкѣ, все замерло, все застыло во снѣ. Только кладбище стало богаче. Я увидѣлъ тѣ же госпитали, тѣхъ же сестеръ. И на томъ же исчисленномъ разстояніи услышалъ нѣмецкую пушку.

Кромѣ блестящаго, яркаго, виднаго сразу для всѣхъ, на войнѣ есть незамѣтное, скромное, то, на что почти не обращаютъ вниманія. Представьте себѣ, что вы солдатъ, затерянный въ арміи пѣхотный капралъ. Вотъ какова будетъ ваша ежедневная жизнь. Трое сутокъ вы будете жить въ траншеѣ, въ ста метрахъ отъ непріятельскихъ войскъ. Потомъ трое сутокъ снова въ траншеѣ, но во второй линіи, въ тылу. Потомъ вы опять пойдете на аванъ-посты. Допустимъ, что нѣтъ кровопролитныхъ атакъ, а есть только скучная артиллерійская перестрѣлка. Допустимъ, что траншеи сдѣланы хорошо и что

нѣмцы стрѣляютъ плохо. Допустимъ, что вы имѣете все, что вамъ нужно: непромокаемую одежду, прочные сапоги, горячій обѣдъ, папиросы и даже газету. Все-таки вы живете постоянно въ траншеѣ, то есть въ грязной, промерзлой ямѣ. Спросите себя, развѣ это не испытаніе? Развѣ это не подвижническая, въ полномъ смыслѣ этого слова, жизнь? Развѣ не въ этомъ тягость жестокой войны? Спросите себя, — каждый ли изъ насъ сумѣетъ такъ жить? Спросите себя, и вы, быть можетъ, поймете, что такое военные будни,—обыкновенное, сѣрое, то, о чемъ не пишутъ въ газетахъ.

Вы — не пѣхотный солдатъ, вы не въ траншеѣ, вы не ждете ежеминутно атаки, не живете среди вчерашнихъ могилъ, не стрѣляете изъ винтовки. Взгляните на эту дорогу. Морозъ. Заледенѣли глубокія колеи. Вѣтеръ гнетъ обнаженныя вѣтви. Сколько хватаетъ глазъ,—вереница автомобилей, на которыхъ виднѣется безобидная надпись: „Madeleine Bastille“ или „Place Pigalle-Halle-aux-Vins“. До войны вы, навѣрное, часто ѣздили на нихъ. Это передвигаются войска. Вы—шофферъ. Ваши руки дрожатъ, вамъ холодно, вы отъ зари до зари у руля. Въ каждомъ автомобилѣ 25—30 вооруженныхъ людей. Вы отвезете однихъ, вы вернетесь немедленно за другими въ депо. Допустимъ снова, что нѣтъ опасности, что нѣмцы не замѣтили васъ. Допустимъ снова, что „Таубе“ не бросилъ неожиданной бомбы, что тяжелая артиллерія не обстрѣляла дорогу, что вы не наткнулись на случайный уланскій разъѣздъ. Какъ вы думаете, это не—трудъ?

Это—не ежедневное, не житейское, не то, о чемъ намъ совѣстно говорить?

Вы—не шофферъ. Вы—продовольственный „чинъ“. За околицей, у деревни—бойни. На морозѣ дымятся внутренности быковъ, подмерзаетъ черная кровь. Вы колете тутъ же, въ открытомъ полѣ. Вы колете цѣлый день, чтобы вечеромъ накормить голодныхъ солдатъ. Допустимъ снова, что съ вами неизмѣнно удача. Въ темнотѣ вы несете обѣдъ на передовыя позиціи. Шальная пуля васъ не нашла, вы не ошиблись дорогой, не попали въ непріятельскій плѣнъ. Развѣ то, что вы дѣлаете теперь, не труднѣе, не тяжелѣе, того, что вы дѣлали до войны? Развѣ трудъ при этихъ условіяхъ—не жертва?

Вы—санитаръ. Не на полѣ сраженія, не у траншей, не подъ огнемъ нѣмецкой пѣхоты. Вы служите въ госпиталѣ, въ тылу. Вы бывали въ госпиталѣ, въ тылу? Вы видали сотни раненыхъ и больныхъ? Вы слышали запахъ гангрены? Вы перевязывали гніющія раны? Вы днемъ и ночью ухаживали за чужимъ, истерзаннымъ тѣломъ? Подумайте, могли ли бы вы жить такою ежедневною жизнью,—отдавать себя цѣликомъ, не знать ни сна, ни отдыха, ни забвенія? Подумайте,—развѣ это не подвигъ?

Во Фландріи и въ Аргоннѣ—военная доблесть. Тамъ сражаются. Тамъ „голоса и громъ, и молніи, и землетрясеніе“. „Въ центрѣ—спокойно“. Въ центрѣ не столько кровь, сколько жертва и трудъ. Сосредоточенная, невидимая работа. Безъ этой работы нѣтъ войны, нѣтъ сра-

женія. Безъ нея нѣтъ побѣды. И когда я думаю о войнѣ, я думаю не только объ атакахъ, приступахъ, вылазкахъ и развѣвающихся знаменахъ. Я думаю еще объ обыкновенномъ, житейскомъ,—о госпиталяхъ, автомобиляхъ, о бойняхъ, о горячемъ обѣдѣ, о томъ, что часто въ траншеяхъ нѣтъ табаку. Въ ежедневномъ трудѣ и въ ежедневныхъ лишеніяхъ есть свой „голосъ“ и своя невидимая печать. Кто сниметъ эту жертвенную печать и кто почувствуетъ тяжесть крови, тотъ пойметъ, что такое война.

МАШИНА.

Вчера я долго ждалъ поѣзда на станціи Saint Just-en-Chaussée. Былъ вечеръ. Таялъ сѣрый туманъ. Въ этомъ туманѣ тонули скользкіе рельсы, незажженные фонари, семафоръ и часовой у вокзала. Мимо съ грохотомъ шли поѣзда. Тоже сѣрые, тоже угрюмые. На сѣрыхъ платформахъ застыли сѣрыя пушки. Длинныя, тонкія, защищенныя стальными щитами. Тяжко вздрагивали колеса, вздрагивали рессоры и въ отвѣтъ имъ вздрагивали щиты. Я смотрѣлъ на эти стальныя пушки. Мнѣ казалось, что онѣ оживаютъ. Мнѣ казалось, что сейчасъ вотъ здѣсь, въ Saint Just-en-Chaussée, онѣ заговорятъ своимъ языкомъ, — безглагольнымъ звѣринымъ ревомъ. Сѣрый дымъ растаетъ въ сѣромъ туманѣ. И непроницаемый сѣрый туманъ закроетъ и меня, и небо, и землю. Закроетъ вѣчною мглой.

Что такое сраженіе? Пыхтятъ паровозы,—подходятъ свѣжія войска. Несутся автомобили,—подходятъ свѣжія войска. Трещатъ и свищутъ мотоциклетки, — подходятъ свѣжія войска. Безшумно мчатся велосипеды, — подходятъ свѣжія войска. Гудитъ телеграфъ, неуютно звенитъ телефонъ,—отдаются распоряженія. Саперы роютъ траншеи, динамитомъ взрываютъ мосты,—укрѣпляютъ позиціи. Грохочутъ пушки. Рѣютъ аэропланы. Рвется съ

визгомъ шрапнель. Всегда машина. Вездѣ машина. Механика. Математика. Человѣческій разумъ нелицемѣрно служитъ войнѣ.

„И взялъ Давидъ палку свою въ руку свою и, выбравъ себѣ пять гладкихъ камней изъ потока, наложилъ ихъ въ пастушью посуду, какая была у него, и въ сумку, и съ пращею въ рукѣ своей пошелъ къ Филистимлянину.

„Вышелъ и Филистимлянинъ и сталъ подходить къ Давиду, и щитоносецъ шелъ впереди его.

„И сказалъ Филистимлянинъ Давиду: развѣ я собака, что ты идешь на меня съ палкой? И проклялъ Филистимлянинъ Давида.

„А Давидъ сказалъ Филистимлянину: ты идешь противъ меня съ мечомъ, копьемъ и щитомъ, а я иду противъ тебя во имя Господа Саваоѳа.

„И, опустивъ руку свою въ сумку, взялъ оттуда камень и бросилъ пращею и поразилъ Филистимлянина, такъ что онъ упалъ лицомъ на землю“.

Такъ было въ старозавѣтныя времена. Праща, копье, мечъ и щитъ. Теперь тяжелая артиллерія съ разстоянія десяти километровъ разстрѣливаетъ невидимые полки. Подводныя лодки невидимо сѣютъ смерть. Подземныя мины невидимо готовятъ убійство. Воздушные корабли невидимо подстерегаютъ добычу. Пулеметы въ 30 секундъ косятъ сотни людей. Поистинѣ пришли „времена и сроки“.

Когда нѣмцы желѣзной стѣной шли во Фландріи на

союзныя войска,—говорятъ, они пробивались въ Калэ. Говорятъ, они изобрѣли „колоссальную пушку, болѣе грозную, чѣмъ ихъ непобѣдимое 42-хъ сантиметровое орудіе. Эта пушка должна была стрѣлять на 50 километровъ, она должна была обезпечить побѣду. Она изъ Калэ должна была разгромить англійскіе броненосцы. Эта пушка—послѣднее слово „науки".

Не безуміе ли? Не попытка ли выстроить Вавилонскую башню? Не сказка ли Жюля Верна о путешествіи „на луну"?

У Давида праща, у насъ — пулеметы. У Голіаѳа копье, у насъ—подводныя лодки. Но что измѣнилось? Развѣ люди измѣнились со временъ Саула и Іессея? Измѣнились машины. Но не машиной спасется міръ.

„Ты идешь противъ меня съ мечомъ, копьемъ и щитомъ, а я иду противъ тебя во имя Господа Саваоѳа".

Можно ли побѣдить машиной? На-дняхъ англійскіе офицеры: Бригсъ, Сиппи и Бабингтонъ бомбардировали съ аэроплановъ нѣмецкую крѣпость. Совершила ли этотъ подвигъ машина?

Чтобы управлять пулеметомъ, необходимо невозмутимое хлоднокровіе. Чтобы на военномъ автомобилѣ прорваться за линію непріятельскихъ войскъ, необходима отчаянная смѣлость. Чтобы съ обстрѣливаемыхъ позицій телефонировать въ главный штабъ, необходимо презрѣніе къ смерти. Чтобы рыть подъ выстрѣлами траншеи, необходима вѣра въ себя. Чтобы бросить

бомбу съ аэроплана, необходимо заранѣе рѣшиться отдать свою жизнь.

Чѣмъ достигается хладнокровіе, отвага, мужество, презрѣніе къ смерти? Наукой? Знаніемъ? Машиной? Нѣтъ, только тотъ самоотверженъ и смѣлъ, кто идетъ „во имя Господа Саваоѳа“.

Давидъ взялъ камень и поднялъ пращу. Французы тсже „поднимаютъ пращу“. Несмотря на телефоны, аэропланы, цеппелины и скорострѣльную артиллерію, они ходятъ въ атаку, то-есть борются одинъ на одинъ, грудь съ грудью, какъ боролся Давидъ. Чтобы выйти изъ защищенной траншеи, чтобы открыто броситься на врага, недостаточно знать, что васъ поддержатъ мортиры и пулеметы. Нужно что-то другое. Не копье и не мечъ.

И французъ, и англичанинъ, и русскій одинаково жертвуютъ жизнью, одинаково пренебрегаютъ „земнымъ“. Если человѣкъ добровольно рѣшается умереть, значитъ, въ немъ не угасла вѣра, вѣра не въ машину, не въ броненосецъ, не въ пулеметъ. Машина — внѣшнее, малое. Цѣнное и большое, — тотъ внутренній пламень, который согрѣлъ пастуха Давида. Этотъ внутренній пламень горитъ и теперь. Пламень жаркой любви, — любви къ родинѣ, къ своему народу. И въ этой „машинной“ войнѣ побѣдитъ не тотъ, кто выльетъ лучшую пушку, а тотъ, въ комъ глубже вѣра и жарче любовь. Побѣдитъ многострадальная и великая въ своемъ самоотреченіи Россія.

———

ТРИ СЛУЧАЯ.

Небольшого роста, пѣхотный солдатъ, съ красными, замерзшими на вѣтру руками, быстро шагаетъ рядомъ со мной, курить и говоритъ:

— Вы хотите знать, что для меня было самое страшное?.. Не вѣрьте, когда вамъ разсказываютъ про „храбрость“. Всѣ мы храбры. И всѣ мы боимся. И нѣмцы тоже. Такъ человѣкъ устроенъ. Да и не въ томъ дѣло, чтобы ничего не бояться, а въ томъ, чтобы разъ на всегда понять, что не время себя жалѣть. Тогда легче... Ну, а все-таки, какъ не привыкаешь къ войнѣ, бываютъ случаи, которыхъ никогда не забудешь. А почему помнишь именно ихъ,—не знаю. Все страшно. Все надо помнить.

Этотъ невзрачный, съ зеленоватомъ лицомъ человѣкъ, уже восемь мѣсяцевъ на войнѣ. Онъ сражался сперва въ Альзасѣ, потомъ на Изерѣ, теперь отсиживается въ траншеяхъ на Энѣ. Сидитъ, зарывшись въ мокрую землю. Онъ не жалуется. А если жалуется, то только на то, что нѣтъ табаку.

— Первый случай: дѣло было около Танна, въ самомъ началѣ войны. Пришли мы въ деревню: сержантъ и мы, человѣкъ пятнадцать. Ну, конечно: обгорѣлыя стѣны, развалины, черный дымъ. На улицахъ никого.

Подходимъ мы къ церкви, видимъ,—точно что зашевелилось. Нѣмцы. Спѣшенный уланскій разъѣздъ. Человѣкъ десять. Бросились мы въ штыки. Впереди бѣжалъ мой пріятель, булочникъ изъ одной деревни со мной. Вижу я: размахнулся онъ и ударилъ нѣмца. Нѣмецъ въ сѣрой шинели, въ каскѣ, мальчишка еще, безъ усовъ. Ударилъ такъ сильно, что тащитъ-тащитъ, и не можетъ вынуть штыка. Нѣмецъ падаетъ навзничь. Падаетъ, а винтовка торчитъ въ груди. Понимаете? Прикладомъ описываетъ за нимъ полный кругъ... Вотъ эту винтовку — вамъ странно? — я до сихъ поръ не могу забыть...

Онъ останавливается и, закрываясь шинелью отъ вѣтра, зажигаетъ потухшую папироску. Направо, за обнаженной липовой рощей, грохочатъ лѣниво пушки. Онъ ихъ не слышитъ.

— Второй случай... Было это во Фландріи. Взорвали саперы мостъ, остались каменные быки. На Изерѣ теченіе быстрое, а тутъ еще наводненіе. Вокругъ быковъ стремительный омутъ. Брызги, желтая пѣна, — какъ въ синематографѣ водопадъ. Смотримъ: плывутъ нѣмецкіе трупы. Плывутъ, качаются, ну какъ и должно имъ плыть. Но какъ только доплываетъ нѣмецкій трупъ до быка,—знаете что? Встаетъ, какъ живой, во весь ростъ. Такъ таки посрединѣ рѣки и встаетъ. Весь синій. Знаешь, что трупъ,—и не вѣришь... Вотъ и этого я никогда не забуду...

Снова гаснетъ непослушная папироса. Гдѣ-то на

колокольнѣ бьютъ медлительные часы. Кругомъ вѣтеръ и непривѣтливыя поля. Мой спутникъ долго молчитъ.

— Третій случай,—это было недавно. Вы знаете, въ траншеяхъ мы зарываемъ мертвыхъ тутъ же, около насъ. Нѣтъ возможности ихъ выносить. Выроемъ яму и наскоро засыпемъ землей. Начали по траншеѣ нѣмцы стрѣлять. И такъ удачно стрѣляли, что прямо надъ нами рвется шрапнель. Убило сержанта, ранило тяжело двухъ солдатъ. Къ этому мы, конечно, привыкли... Но вотъ нечаянная бомба,—не шрапнель, а бомба,—падаетъ прямо въ могилу. Разрыло землю, разбросало куски. Куски трупа, прогнившаго мяса. А мясо то того самаго булочника, который, — помните? — ударилъ нѣмца штыкомъ... Я и сейчасъ вижу эти куски... Вотъ это и есть третій случай.

Смеркается. Вечерѣетъ мартовскій день. Скоро зажгутся звѣзды. Надъ траншеями протянется Млечный Путь, засіяетъ Венера. Въ небесахъ торжественное молчаніе. Вѣчный миръ и благословенный покой. Но земля въ отвѣтъ не молчитъ. Громче грохочутъ пушки, тяжелѣе дрожатъ кусты. Въ темнотѣ загорѣлся пожаръ, взметнулось алое пламя. Засверкали яростнѣе зерницы. Мой солдатъ шагаетъ рядомъ со мной. Онъ умолкъ. Ему больше не о чемъ говорить. О чемъ онъ думаетъ? О своей далекой деревнѣ. О покинутыхъ дѣтяхъ? О лишней порціи хлѣба? О табакѣ? Или передъ нимъ встаютъ трупы, — трупы нѣмцевъ на вспѣненной Изеръ? Или чудится истерзанная могила? Или

видится отточеный штыкъ? Я не могу думать съ нимъ. Я хочу забыть его несвязный разсказъ. Забыть, ибо боюсь за себя. Забыть, ибо помнить—перемѣниться. Забыть и, вернувшись домой, спать безсильно и непробудно, — спать, пока другiе не спятъ въ холодныхъ траншеяхъ.

ФРАНЦУЗЫ И АНГЛИЧАНЕ.

Лордъ Керзонъ на митингѣ въ Hanow установилъ „двѣнадцать заповѣдей войны“.

— Не думайте, что война не касается лично васъ.

— Не придавайтесь восторгу при извѣстіяхъ о побѣдахъ и не унывайте отъ пораженій.

— Не падайте духомъ, если ваша семья потеряетъ кого-либо изъ своихъ членовъ.

— Не пугайтесь читая длинные списки потерь.

— Не воображайте, что вы лучше, чѣмъ главный штабъ, знаете, какъ надо вести войну.

— Не волнуйтесь, если медленны успѣхи войны. Иначе не можетъ быть на театрѣ военныхъ дѣйствій.

— Не довѣряйте извѣстіямъ изъ Берлина.

— Не преуменьшайте значеніе врага.

— Не тратьте времени на догадки, что уготовано германскому императору въ этомъ и въ будущемъ мірѣ.

— Не начинайте дѣлить Германію раньше, чѣмъ не побѣдите ее.

— Не слушайте тѣхъ, которые кричатъ: „довольно“, пока не достигнете намѣченной цѣли.

— Не забывайте уроковъ войны.

Такъ говоритъ англичанинъ. А вотъ, что пишетъ французъ:

„Я не смѣю указать номеръ полка. Я боюсь смутить женъ, невѣстъ, сестеръ, матерей.

„Это былъ храбрый полкъ. Онъ дѣлаетъ честь нашей старой Бретани.

„Они шли въ атаку. Они шли, какъ нѣкогда шли ихъ отцы на приступъ, на абордажъ, не вѣдая колебанія.

„Сперва они шли по открытому полю. Изъ лѣсу ихъ разстрѣливали пруссаки.

„Они добѣжали до лѣса и бросились на врага въ штыки. Это былъ страшный бой. Французскіе и нѣмецкіе трупы смѣшались въ траншеяхъ.

„Потомъ они штыковой атакой взяли французскія пушки.

„Шуаны Бретани, католики и республиканцы, вы равны въ храбрости, въ самоотверженіи, въ фанатизмѣ, въ идеализмѣ. Въ теченіе долгихъ вѣковъ, на бретонскихъ ландахъ, народные пѣвцы будутъ воспѣвать ваши подвиги и вашу славную смерть“. (Густавъ Эрвэ „Gars de Bretagne“).

Какая разница въ языкѣ. Лордъ Керзонъ спокоенъ. Онъ излагаетъ „заповѣди войны“, точно пишетъ ученое сочиненіе. Эрвэ волнуется. Онъ восхищается мужествомъ бретонскихъ солдатъ и плачетъ вмѣстѣ съ бретонскими матерями. Онъ не могъ бы сказать: „Не предавайтесь восторгу при извѣстіяхъ о побѣдахъ“. И

лордъ Керзонъ не могъ бы воскликнуть: „Англичане, въ теченіе долгихъ вѣковъ народные пѣвцы будутъ воспѣвать вашу славную смерть“. Англичанинъ думаетъ, и—исполняетъ свой долгъ. Французъ чувствуетъ и—самоотверженно умираетъ.

Амьенъ — старинный сѣверный городъ. Его улицы узки, каналы тихи, соборъ украшенъ четкой рѣзьбой, люди медлительны и напоминаютъ бельгійцевъ. Здѣсь Пикардія, но уже недалеко Камбрезисъ, Фландрія, дюны и холодное море. По городу нескончаемыми рядами идетъ англійская кавалерія. Молодые, румяные, широкоплечіе Tommy. Одѣты скромно, безъ украшеній. Куртка желто-сѣраго цвѣта, желто-сѣрыя панталоны, желто-сѣрыя гетры, желто-сѣрая съ козырькомъ фуражка. У сѣдла въ просторномъ чехлѣ винтовка, сбоку сабля, въ рукахъ остроконечная пика. Офицеры одѣты такъ же, какъ и солдаты: съ трудомъ различаешь нашивки. Въ строю не слышно ободряющихъ разговоровъ. Люди идутъ въ молчаньи, покуривая и улыбаясь. Такая же артиллерія, такая же точно пѣхота. Всѣ вымыты, выбриты, чисты, на всѣхъ печать молодого здоровья. Говорятъ, что они сражаются только днемъ. Ночь—для сна, день для работы. Я не знаю, вѣрно ли это? Но когда я вижу этихъ мужественныхъ людей, когда я вижу какимъ спокойствіемъ, какой увѣренностью въ себя дышатъ ихъ лица, я знаю безъ словъ, что ихъ хватитъ надолго—на годъ, на два, если нужно, на десять лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока Германія не будетъ

побѣждена. Я знаю, что они не послушаютъ тѣхъ, кто преждевременно скажетъ: „довольно“.

Уэлльсъ говоритъ: „что вещи тоже идутъ на войну“. Французскія „вещи“ красивы. Онѣ не сдѣланы для войны. Онѣ не обдуманы, онѣ отвѣчаютъ чувству. Каски, султаны, плащи, расшитыя куртки, погоны, золото, алый цвѣтъ. Офицеры блестятъ галунами, эфесомъ шпаги, затѣйливымъ и разноцвѣтнымъ шитьемъ. Французскій солдатъ выносливъ, рѣшителенъ и отваженъ. Но его душа не спокойна. Въ немъ нѣтъ увѣренности въ себя, непоколебленной вѣры, что онъ сильнѣе нѣмецкаго пѣхотинца. Онъ умретъ, быть можетъ, лучше чѣмъ англичанинъ, быть можетъ, легче отдастъ свою жизнь, но онъ помнитъ осаду Парижа, онъ боится, что повторится St. Privât. Англичанинъ не допускаетъ мысли о пораженіи. Англичанинъ вѣритъ, что онъ сильнѣе француза, бельгійца и нѣмца. Французъ можетъ пойти въ штыки, безъ поддержки своей артиллеріи, съ разстоянія въ одинъ колометръ. Пойти на вѣрную смерть. Пусть убьютъ: Vive la France!.. Англичанинъ сражается не для славы. Онъ сражается, чтобы уничтожить врага. Именно уничтожить. Въ этомъ его непремѣнная цѣль. И онъ остается такимъ же, какъ былъ, — тамъ, въ Ирландіи, въ старой Англіи, въ Корнуэлльсѣ и въ Шотландскихъ горахъ. Онъ на войнѣ играетъ въ футболъ, беретъ ванну и устраиваетъ five o clock tea. И я вѣрю: Эрвэ и лордъ Керзонъ, соединившись, должны побѣдить. Отвага французовъ и обдуманное спокойствіе

англичанъ—залогъ конечной побѣды, залогъ почетнаго и ненарушимаго мира.

На соборныхъ часахъ бьетъ двѣнадцать. Печальные и долгіе звуки. По узкимъ улицамъ попрежнему идетъ англійская кавалерія, Гдѣ-то въ полѣ, по направленію къ Аррасу, лѣниво ворчатъ орудія. Кружатся аэропланы. Я брожу вдоль тихихъ каналовъ, вдоль угрюмыхъ и старыхъ домовъ. Я слышу топотъ копытъ, звонъ отточенныхъ сабель. Англичане идутъ на сѣверъ. На сѣверѣ рѣшительный бой... Я желаю имъ побѣды и одолѣнія.

АНГЛІЙСКІЙ ЛАГЕРЬ.

It's a long way to Tipperary,
It's a long way to go...

Этотъ напѣвъ преслѣдуетъ меня всюду—въ Парижѣ, въ Гаврѣ, на фронтѣ. Эта пѣсня съ чуждыми моему уху, короткими и мягкими звуками, осталась въ памяти какъ остаются иныя слова,—тѣ слова, которымъ нельзя „внимать безъ волненія". Да, поистинѣ, длинна дорога въ Типперери. Длинна дорога къ побѣдѣ. Кто вступилъ на этотъ, жертвенный путь, тотъ оставилъ и „домъ, и сестеръ, и братьевъ, и отца, и мать, и жену, и дѣтей, и землю". Тотъ оставилъ все свое достояніе.

Good bye Piccadilly.
Farewell, Leicester Square,
It's a long, long way to Tipperary,
But my heart's right there!..

На чужихъ, французскихъ, поляхъ раскинуты невысокія, бѣлыя, съ заостренным верхомъ палатки. Ихъ сотни. Издали онѣ похожи на карточные дома, которые строятъ дѣти. Кажется, дунешь,—и ихъ уже нѣтъ. Они

упали, разсыпались на столѣ, и снова строишь ихъ прилежной рукой. Но это издали. А вблизи? Вблизи владѣетъ другое чувство.

Январскій полдень. Зима. Не снѣжная, русская, съ морозной пылью, зима, а изморозь и жидкая грязь. Дожди размяли желтую глину. Въ этой глинѣ тонутъ лошади, тонутъ люди, тонутъ палатки, тонутъ будки, одѣтыхъ въ желтыя пальто часовыхъ. На горизонтѣ желтая грязь сливается съ желтымъ небомъ и не знаешь, гдѣ кончаются небеса и начинается земное болото. Съ моря дуетъ пронзительный вѣтеръ. Онъ дуетъ отъ родныхъ береговъ,—отъ Корнуэллса и Девоншайра. Онъ рветъ холщевыя стѣны и свиститъ въ поникшихъ кустахъ. И я думаю: что же въ траншеяхъ? Что же тамъ, у Диксмюда и Остендэ? Какъ живутъ траншейные люди? Какъ будутъ жить вотъ эти солдаты,—шотландцы и англичане,—не въ лагерѣ, не въ палаткахъ, а въ грязныхъ ямахъ, гдѣ нѣтъ защиты отъ вѣтра, нѣтъ защиты отъ стужи, нѣтъ защиты отъ непобѣждаемаго врага,—отъ липкой, напоенной влагой земли? Я прочелъ недавно въ газетахъ: генералъ Жоффръ приказалъ оставить одну траншею, потому что грязь доходила людямъ до плечъ.

Какъ будутъ жить во Фландріи эти солдаты? Взгляните на нихъ. Рослые, широкоплечіе молодцы. Они дышатъ здоровьемъ и силой. Вглядитесь въ ихъ лица, въ ихъ спокойные, голубые, какъ океанскія волны, глаза. Развѣ вы замѣтите въ нихъ тревогу или страхъ,

или скуку, или усталость? Нѣтъ. Тяжка дорога въ Типперери, но они не страшатся этой дороги. Когда я вижу англійскія войска,—въ лагеряхъ, на фронтѣ, въ тылу, въ Гаврѣ, въ футбольномъ клубѣ,—я вспоминаю замѣчаніе одного французскаго офицера: „Англичане такіе же люди, какъ мы. Но ихъ умѣренныя движенія, ихъ негромкіе голоса, ихъ увѣренность въ своей силѣ, ихъ невозмутимое хладнокровіе,—точно качества высшей расы, того гордаго своей свободой народа, который мирно завоевалъ весь міръ". И еще я вспоминаю слова Эрвэ: „Все, „коварство коварнаго Альбіона" заключается въ томъ, что онъ свергалъ всѣ правительства и побѣждалъ всѣ народы, когда они, въ припадкѣ безумія, обращались съ Европой, какъ съ покоренной страной". Теперь очередь за Германіей. И я знаю: вотъ этотъ высокій шотландецъ въ короткой юбкѣ, въ маленькой шапкѣ, съ голыми икрами сильныхъ ногъ, завтра уйдетъ въ траншею. Если нужно, онъ останется въ ней десять лѣтъ. Если нужно, онъ будетъ воевать безконечно,—до того неизбѣжнаго дня, когда императоръ Вильгельмъ попроситъ пощады. Томми Аткинсъ пошелъ по дорогѣ въ Типперери. Онъ пошелъ, обдумавъ свой путь заранѣе. Онъ вернется. Онъ побѣдитъ.

Въ желтой грязи бѣлѣютъ палатки. Около бѣлыхъ палатокъ—люди въ желтыхъ пальто. Слезится желтое небо. Свиститъ въ рощѣ вѣтеръ. По дорогѣ ѣдутъ драгуны. Они поютъ свою пѣсню,—пѣсню Англіи, пѣсню той

счастливой страны, которая умѣетъ любить свободу. И я слушаю съ тяжелымъ волненіемъ:

It's a long way to Tipperary.
It's a long way to go,
It's a long way ro TIpperary
To the sweetst girl I know!..
. . . .
It's a long way to Tipperary...

ГАВРЪ.

Шумитъ море. Отливъ. Сколько хватаетъ глазъ,—вездѣ зеленыя, вспѣненныя волны. Онѣ медленно догоняютъ другъ друга. Пахнетъ іодомъ,—гніющей травой. На сѣро-пепельномъ, затуманенномъ горизонтѣ, далекіе, какъ чайки бѣлые, корабли. Ихъ много. Безконечный, колеблемый на волнахъ, караванъ. Это свѣжія англійскія войска. Черезъ часъ они войдутъ въ портъ, туда, гдѣ въ докахъ чинится израненный миноносецъ и гдѣ на якорѣ, среди шхунъ, стоитъ вооруженный пушками пароходъ—легкій крейсеръ „Lorraine". Я смотрю на сѣрое море, на отвѣсныя, мѣловыя скалы, на бѣлыхъ чаекъ, на невысокій, еще незажженный маякъ, и мнѣ кажется, что я вижу сонъ. Я знаю: Гавръ—трудолюбивѣйшій муравейникъ. Но нѣтъ знакомаго Гавра. Есть новый, чуждый, невѣдомый ликъ. Есть опасное и полное тайны море. Не такъ давно у скалъ Saint-Adresse нѣмецкая подводная лодка потопила два корабля. И я боюсь: въ волнахъ мелькнетъ невидимый перископъ, взовьется дымъ и, вмѣсто крейсера, останутся разбитыя щепки. Ибо врагъ силенъ и хитеръ.

Гдѣ я? Въ Англіи? Во Франціи? Въ Бельгіи? На улицахъ англійская артиллерія,—слышенъ топотъ звонкихъ копытъ. Въ кафэ,—французы въ синихъ кепи.

Дальше, къ морю—бельгiйская почта. Все смѣшалось. Все стало острымъ и рѣзкимъ, какъ рѣзокъ вѣтеръ Ламанша. Всюду чувствуется не трудъ, не творчество, не работа, не присущая Гавру трудолюбивая суета, а военное, какъ сабля, острое напряженiе. Измѣнились не только люди. Измѣнилась вся жизнь, всѣ обычаи, даже запахи, даже одежда. Сильно пахнетъ табакомъ „Nawy Cut". На троттуарахъ желтыя пятна,—грязно-желтыя пальто англичанъ. Нѣтъ ни музыки, ни театровъ. Въ оживленномъ и шумномъ порту пушки, ранцы, снаряды, свернутыя палатки, проволока и заморскiй „Cornbeef". Черезъ Гавръ идутъ англiйскiя войска. Идутъ на западъ, къ Остендэ. И когда темнѣетъ низкое небо и зажигаются на площадяхъ фонари, мнѣ кажется, что это—не англичане. Мнѣ кажется, я въ Россiи. Тамъ тѣ же сѣрыя, простого сукна, шинели, тѣ же пушки, тѣ же винтовки и то же острое военное напряженiе. Но иная, родная рѣчь. И какъ ни близокъ мнѣ Гавръ, я чувствую, что я въ немъ чужой.

Въ Saint-Adresse,—въ пяти километрахъ отъ Гавра,—нѣтъ ни французовъ, ни англичанъ. Здѣсь Бельгiя Здѣсь бельгiйскiя министерства. Бельгiйскiе флаги. Бельгiйскiя деньги. Бельгiйскiе, въ расшитыхъ беретахъ, солдаты. Бельгiйскiе рестораны. Маленькiй Льежъ или Брюссель. Я стою на высокомъ холмѣ. Холодно. Жесткiй вѣтеръ. Подо мною все то же сѣрое море, тѣ же бурныя волны, тѣ же тающiе во мглѣ корабли. Кругомъ бельгiйцы. Они считаютъ бѣлые пароходы. Диви-

зія? Двѣ дивизіи? Корпусъ? Сколько высадится въ порту англичанъ? На англичанъ вся надежда. На англичанъ, французовъ и русскихъ. Такъ обиженное дитя ищетъ помощи старшихъ братьевъ.

Я слышу сдержанный разговоръ. Говорятъ по-французски, съ твердымъ, льежскимъ акцентомъ.

— Э... скажи, у тебя есть пріятели въ Гаврѣ?

— Зачѣмъ?

— Э... осталось двое дѣтей. Отецъ убитъ подъ Намюромъ.

— А мать?

— Разстрѣляна въ Льежѣ.

— И нѣтъ никого?

— Никого.

— Я подумаю.

— Ты подумай.

Я оборачиваюсь. Двое солдатъ. Пожилыхъ съ сѣдыми висками. Carde Civique. Я снимаю шляпу и говорю:

— Вы были подъ Льежемъ?

— Да.

— Правда ли, что нѣмцы разстрѣливали дѣтей и женщинъ?

— Э?.. Правда ли это?.. Трехлѣтнихъ дѣтей, monsieur.

— А офицеры?

— Нѣмецкіе офицеры? Они смѣялись: что же дѣлать? Война ..

Усатое лицо внезапно краснѣетъ. Часто и мелко дрожатъ подъ усами губы.

— Или мы, или нѣмцы. Выбора нѣтъ. Мы не будемъ рабами... Э?..

Я счастливъ: я знаю—надъ Россіей нельзя надругаться. Но вотъ жилъ свободный и мирный народъ. Пришли вооруженные люди. Они пришли, какъ нѣкогда проходили гунны. Не по праву, а попирая его. Они сожгли, разорили, растерзали и осквернили страну. И разсѣялся свободный народъ. Разсѣялся, какъ изгнанникъ. Завтра нѣмцы будутъ побѣждены. Но не въ побѣдѣ отмщеніе. „Если я платилъ зломъ тому, кто былъ со мной въ мирѣ,—пусть врагъ преслѣдуетъ душу мою, пусть втопчетъ въ землю жизнь мою и славу мою повернетъ въ прахъ". Не эту ли молитву долженъ повторять теперь императоръ Вильгельмъ? Не онъ ли заплатилъ зломъ живущему въ мирѣ? И не его ли слава навѣки повержена въ прахъ?

РУАНЪ.

Когда нѣмецкіе плѣнные проходили черезъ Руанъ, они были поражены. Имъ говорили въ Германіи, что Франція обезсилена, что города ея пусты, фабрики не работаютъ, что трудъ страны замираетъ, какъ замираетъ сердце безнадежно больного. Съ этимъ чувствомъ солдаты Вильгельма, — простые люди Вюртемберга, Пруссіи и Баваріи,—сражались у Ипра. Съ этимъ же чувствомъ они, безоружные, подъ конвоемъ французскихъ „territoriaux“, входили въ Руанъ. Что же ихъ ожидало? Веселая, играющая на солнцѣ, рѣка исполнена размѣренной суеты. Гремятъ лебедки, лязгаютъ цѣпи, призывно воютъ сирены. У береговъ—пароходы, грузовые, тяжелые корабли, легкія шхуны, лодки, яхты, расшивы. На набережныхъ—товары, военная аммуниція, кони, пушки, уголь, грузчики и солдаты. Стучатъ колеса, ревутъ гудки, вьется черная пыль. Я никогда не видѣлъ Руанъ такимъ оживленнымъ. Раньше, въ мирное, благословенное, время я любовался Руанскимъ соборомъ. Его игрушечная рѣзьба, его воздушныя стрѣлы, его отточенныя, уходящія въ небо, башни волновали меня своей, несложною, тайной. Теперь нѣтъ времени взглянуть на соборъ. Нѣтъ времени, ибо весь городъ спѣшитъ, торопится, напряженно дѣлаетъ свое дѣло,—

многосложное и трудное дѣло войны. Въ Руанѣ—англійскій портъ. Въ Руанѣ—депо. Въ Руанѣ—штабы. Въ Руанѣ не военная лихорадка, которой болѣетъ вся Францiя. Не болѣетъ только Парижъ.

Въ Гаврѣ ничего не поймешь. Идешь по Гавру,—не знаешь, кто хозяева: англичане, французы или бельгійцы? Въ Руанѣ—Францiя. Въ Руанѣ чувствуется, что на югѣ—Парижъ, что на востокѣ—французскія войска. Это чувствуется по той, французской стройности жизни, которая замѣтна въ порту, на улицахъ, въ казенныхъ зданiяхъ, въ кафэ. Подъ Гавромъ Бельгiя,—въ Saint Adresse. Въ Руанѣ не Бельгiя, а бельгiйцы. Подъ Гавромъ Англiя,—ея флотъ. Въ Руанѣ—англiйскiе солдаты. Они приходятъ, какъ приходятъ званые гости, но не налагаютъ печати, не мѣняютъ облика жизни. Руанъ—огромная, французская мастерская. И я не удивляюсь, что плѣнные нѣмцы были поражены ея прилежнымъ трудомъ.

Въ Руанѣ, въ госпиталѣ я видѣлъ раненаго солдата. Этотъ раненый оставался двѣнадцать дней на полѣ сраженiя. Онъ записывалъ свои „дни". Вотъ отрывки изъ его, напечатаннаго въ одной изъ французскихъ газетъ, дневника:

„Я даю слово, что буду писать только правду. Я раненъ тремя пулями: въ плечо и въ правую ногу. Плечо не болитъ, но нога меня заставляетъ страдать. Уже нѣсколько дней я лежу на этихъ поляхъ. Если я здѣсь

умру,—да здравствуетъ Франція и долой Вильгельма! Какъ онъ долженъ теперь раскаиваться Вильгельмъ!

„Сегодня я думалъ о матери и женѣ. Думалъ также о братьяхъ и сестрахъ. Моя рука не слушается меня. Я, навѣрное, здѣсь умру.

„Первое время я ѣлъ сухари. Теперь я питаюсь исключительно полевыми мышами. Болитъ раненая нога.

„До завтра.

„Я нашелъ ножъ и разрѣзалъ сапогъ. Я увидѣлъ свою рану. Я перевязалъ ее носовымъ платкомъ. Если смогу, я попробую уйти отсюда сегодня. Я лежу подъ стогомъ, на сѣнѣ. Несчастіе въ томъ, что мнѣ неизвѣстно, въ какую сторону надо идти. Я боюсь попасть въ руки нѣмцевъ. Ахъ, если бъ я могъ спастись...

„До завтра.

„Я слышу аэропланъ. Это нѣмцы. Они летаютъ надъ моей головой. Они изслѣдуютъ наши позиціи. Теперь 12 часовъ. У меня есть капуста. Если бы былъ кусокъ хлѣба...

„Вчера ночью я отползъ на нѣсколько метровъ. Я долженъ былъ спрятаться, потому что кто-то стрѣлялъ въ меня. Я спрятался въ покинутой, вѣроятно нѣмецкой траншеѣ. Меня замѣтили днемъ, и снова стрѣляли, даже изъ пушекъ. Я думаю, что, пожалуй, это стрѣляютъ французы. Въ траншеѣ я нашелъ ранецъ и двѣ коробки консервовъ. Кромѣ того, я нашелъ перемѣну бѣлья. Какое счастье. Да здравствуетъ Франція!

„До завтра.

„Я плохо спалъ. Утромъ услышалъ разговоръ. Это были французы. Они подобрали меня.

„За мною ухаживаютъ. Я—во французской траншеѣ. Меня отошлютъ въ госпиталь, когда я немного поправлюсь. Мнѣ перевязали руку и ногу. Дали шоколада и молока. Завтра мнѣ дадутъ хлѣба.

„Меня преслѣдуетъ неудача. Я надѣялся, что ночью меня эвакуируютъ въ тылъ. Но вечеромъ нѣмцы атаковали. Наши должны были отступить. Меня немыслимо было взять съ собой. Я снова одинъ въ траншеѣ. Да здравствуетъ Франція!“

Я читаю этотъ дневникъ и слушаю шумъ Руанскаго порта. Что значитъ жизнь моя, ваша, этого израненнаго солдата? Что значитъ мое, ваше, даже его страданіе? Страдаетъ вся Франція, вся Россія. Мы, какъ капли въ мятущемся море. И трижды правъ этотъ безвѣстный солдатъ, когда во дни своей неосвященной Голгоѳы, онъ находилъ завѣтное слово: „Да здравствуетъ Франція“! Та Франція, которая трудится и творитъ и съ оружіемъ въ рукахъ защищаетъ свой трудъ и свою свободу.

ГУРКА и СИКЪ.

На корточкахъ, спиною ко мнѣ, сидитъ человѣкъ въ сѣрой курткѣ, сѣрыхъ гетрахъ и сѣромъ тюрбанѣ. Передъ нимъ широкій чугунный чанъ. Изъ чана валитъ горячій паръ. Пахнетъ остро—чеснокомъ, корицей, индійскимъ перцемъ. Кругомъ палатки, протоптанныя въ желтой травѣ дорожки, у палатокъ такіе же, въ сѣрыхъ тюрбанахъ люди, дальше, въ открытомъ полѣ,—легкіе, утонувшіе въ декабрьской мглѣ, силуэты. Холодно. Сѣетъ дождь.

Человѣкъ, не спѣша, поворачивается ко мнѣ. Я вижу желтое, съ коричневымъ оттѣнкомъ лицо, раскосые, черные, съ приподнятыми углами, глаза, прямой и правильный носъ, небольшія, полудѣтскія губы и отточенный, точно срѣзанный подбородокъ. Ликъ браманскаго бога. Этотъ ликъ загадоченъ и туманенъ. Я ничего не читаю въ глазахъ. Я не вижу за ними души. Я не знаю ее. Я не умѣю ее понять. Мы—люди разныхъ желаній. Разной мысли. Разной молитвы. Этотъ долгій, внимательно устремленный взглядъ мнѣ такъ же чуждъ, какъ чужды пальмы на югѣ.

Мой спутникъ, тощій и длинный, на длинныхъ ногахъ офицеръ,—скелетообразный шотландецъ,—что то быстро говоритъ на непонятномъ мнѣ языкѣ,—на томъ языкѣ,

на которомъ говорятъ люди жаркаго солнца, люди Ганга, знойныхъ пустынь и полусказочнаго Памира. Человѣкъ въ тюрбанѣ встаетъ и медленно, спокойно и важно уходитъ въ палатку. Черезъ минуту онъ возвращается къ намъ. У него въ рукахъ ножъ. Кривой, тяжелый и острый. Не сабля, а именно ножъ. Шотландецъ мнѣ объясняетъ:

— Этотъ солдатъ изъ племени „Гурка". Онъ заслужилъ Крестъ королевы Вокторіи. Онъ ночью одинъ зарѣзалъ нѣсколько нѣмцевъ. Онъ покажетъ, какъ надо обращаться съ ножомъ.

Браманскій ликъ все такъ же спокоенъ. Такъ же туманны непроницаемые глаза. Такъ же медлительны размѣренныя движенія. Но вотъ въ глазахъ внезапно вспыхнулъ огонь, какъ у кошки изогнулась спина, голова ушла въ плечи, и въ напряженно-вытянутой рукѣ сверкнуло холодно лезвее. Оно сверкнуло и сейчасъ же потухло. И черезъ мгновеніе засверкало опять. Ножъ со свистомъ разрѣзалъ воздухъ слѣва направо, потомъ внизъ, потомъ вверхъ, потомъ снова справа налѣво. Я взглянулъ на браманскаго бога. Это былъ не богъ, не живое изваяніе Будды. Былъ ли это, сотворенный по образу и подобію Божію, человѣкъ? По оскаленнымъ бѣлымъ зубамъ, у угловъ полудѣтскаго рта, пробѣгала улыбка, глаза горѣли, между сдвинутыми бровями залегли озабоченныя морщины. Ножъ ходилъ все быстрѣе, и рука все чаще поднималась надъ головой. Совершилось нежданное чудо. Точно кто-то разбудилъ дремавшаго въ лѣсу звѣря.

И я увидѣлъ: черная ночь, ни зги. По полу-замерзшимъ, голымъ полямъ ползетъ невидимый человѣкъ. Ползетъ,—не дышитъ. Ползетъ,—и думаетъ о ножѣ. За кустами недвижная тѣнь. Другой, застывшій въ ночи человѣкъ. Такъ бѣгутъ предательскія минуты. А потомъ,—ни вздоха, ни крика. Ножъ со свистомъ разрѣзалъ воздухъ. Брызнула горячая кровь. Это—Крестъ королевы Викторіи.

Изъ чугуннаго чана попрежнему валитъ паръ. Пахнетъ остро—индійскимъ перцемъ. Я отхожу къ другой, измокшей палаткѣ. Что я видѣлъ? Кого? Въ какую бездну я заглянулъ? Я не знаю. Мнѣ все чуждо и непонятно.

Меня встрѣчаетъ высокій, чернобородый индусъ. Это—„сикъ". У него простое, тоже коричневое, съ грубыми чертами лицо. Такія лица я часто видѣлъ на югѣ. Но въ глазахъ невѣдомая печаль,—то восточная, непознаваемая печаль, которую вы замѣтите у евреевъ, армянъ, левантинцевъ, даже грузинъ. О чемъ печалятся эти люди? О томъ, что они разсѣяны по землѣ, какъ опавшіе осенніе листья? Объ утраченномъ Ханаанѣ? Объ утерянной навѣки отчизнѣ?

Сикъ—какъ русскій крестьянинъ. Добродушенъ, выносливъ и терпѣливъ. Онъ иного цвѣта, чѣмъ я, но я не чувствую враждебнаго отчужденія. Я не умѣю съ нимъ говорить, но мнѣ кажется, что я понимаю его безъ словъ. Гурка ночью ползетъ, какъ змѣя. Рѣжетъ. Радостно убиваетъ. Сикъ отсиживается въ траншеѣ, мокнетъ

ждетъ, какъ рабъ, приказанія. Онъ идетъ въ атаку безъ гнѣва, только потому, что нельзя не итти, что на войнѣ нельзя не убить. Я крѣпко жму ему руку. Онъ улыбается во весь ротъ. Гдѣ я видѣлъ эту улыбку? Въ Рязанской губерніи, у пріятеля—егеря Ваньки? Или на вербахъ, на Дѣвичьемъ полѣ, въ Москвѣ? Скелетообразный шотландецъ мнѣ говоритъ:

— Гурка храбръ и жестокъ, сикъ беззлобенъ и смѣлъ. Среди сиковъ много магометанъ. Они знаютъ, что Турція противъ насъ. Подождите, я спрошу его о „священной войнѣ“.

Они обмѣниваются гортанными, звучащими странно словами. Сикъ качаетъ черной, какъ смоль, головой:

— Онъ говоритъ: какое мнѣ дѣло до турокъ?

По дорожкамъ, между палатокъ, проходитъ цѣлая рота. Невозмутимые, строгіе люди. Въ гетрахъ, въ курткахъ, въ тюрбанахъ. Хмурится небо. Не умолкаетъ надоѣдливый дождь. Индійскій крестьянинъ,—гурка и сикъ,—пахалъ землю, какъ пашетъ ее бельгіецъ, какъ пашетъ русскій или полякъ. Его одѣли въ сѣрое платье. Дали въ руки винтовку. Долго везли по синему морю. Привезли въ чужую страну и велѣли сражаться. Гурка доволенъ. Сикъ равнодушенъ. Но и тотъ и другой одинаково убиваютъ нѣмцевъ. За свободу? За справедливость? За Англію? За Россію? Вотъ еще одна невскрытая тайна. Какъ заглянешь въ чужую душу? Какъ поймешь непонятный языкъ? Я выхожу за ворота. У воротъ — браманскій

богъ, часовой. Прибита дощечка: „Indian convalescent depot“. Раненые вылѣчатся отъ ранъ и вернутся въ траншеи. И снова гурка оскалитъ зубы и вынетъ свой ножъ. И снова сикъ будетъ молча ожидать приказаній. И снова оба будутъ жертвовать своей жизнью. Гдѣ же ключъ къ этой тайнѣ? Къ вѣчной тайнѣ вѣчной вражды?

АРГОННЪ.

Когда подъѣзжаешь къ Argonne, видишь поле сраженія на Марнѣ. Разрушенныя Pagny, Revigny, Sermaize и прославленное отнынѣ Vitry-le François. Именно въ Vitry-le François находился главный штабъ генерала Жоффра въ началѣ войны,—во время боевъ подъ Шарлеруа и Моранжемъ. И именно здѣсь, на сосѣднихъ поляхъ, генералъ де-Лонгль-де-Кари обратилъ нѣмцевъ въ бѣгство и заставилъ ихъ отступить до Эны. Я три мѣсяца не былъ на Марнѣ. Я вижу тѣ же выжженныя деревни, тѣ же разгромленные, разстрѣлянные изъ пушекъ дома. Я видѣлъ ихъ въ сентябрѣ. Тогда казалось, что эта рана не заживетъ, что пройдутъ тяжелые годы, пока не возстановится жизнь, не проложится житейская колея. Но на здоровомъ и крѣпкомъ тѣлѣ заживаетъ всякое пораненіе. Сиротливо торчатъ сожженныя стѣны, зіяютъ пустыя окна. А на улицахъ и въ кафэ уже обычные уѣздные разговоры, тихій трудъ, семейственныя заботы. Нѣтъ солдатъ, нѣтъ парковъ, лазаретовъ, орудій. Только у взорваннаго моста стоитъ старый, въ синемъ кепи, часовой, — „la reserve territoriale.“ Пройдетъ мѣсяцъ, можетъ быть, два, и на опустошенныхъ, обугленныхъ площадяхъ воздвигнутся новыя зданія, перекинется черезъ рѣку мостъ и отъ военной грозы останется лишь

разсказъ,—разсказъ о доблести и побѣдѣ. Но на кладбищѣ другое повѣствованіе. Кладбище разскажетъ безъ словъ. Вы увидите трехцвѣтные флаги, всегда свѣжіе, неувядающіе вѣнки и прибитыя на крестахъ записки: „Спи спокойно. Мы отомстимъ за тебя“.

„Отомстимъ“... Какое жуткое слово.. Мнѣ кажется, я начинаю его понимать. Кончается пятый мѣсяцъ войны, а нѣмцы все еще на французской землѣ, все еще гремятъ пушки, все еще трещатъ пулеметы, все еще льется кровь. Пришли чужіе вооруженные люди. Пришли и выжгли вашъ домъ, взрыли ваши трудовыя поля. Разстрѣляли вашихъ отцовъ. Надругались надъ матерями. Развѣ не просится на уста холодное слово: месть?

Декабрь. Зима. Скоро елка и Рождество. Въ Вогезахъ рождественскій снѣгъ. Здѣсь, въ окрестностяхъ Bar-le-Duc, на югѣ Argonne, нѣтъ ни мороза, ни снѣга. Гнутся голыя вѣтви, разливается быстрый Маасъ. На полузатопленныхъ разливомъ поляхъ трепещетъ жесткій кустарникъ и съ неглубокой воды взвиваются съ крикомъ утки. Въ памяти встаетъ любимая, смиренная въ своей наготѣ, Россія:

„Ужъ небо осенью дышало,
Ужъ рѣже солнышко блистало,
Короче становился день.
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась,
Ложился на поля туманъ,

Гусей крикливыхъ караванъ
Тянулся къ югу... Приближалась
Довольно скучная пора"...

Я знаю: въ Argonne французы перешли въ наступленіе. Я знаю объ этомъ не изъ газетъ, не изъ досужихъ парижскихъ сплетенъ. Я знаю объ этомъ по неторопливому, безостановочному движенію безчисленныхъ свѣжихъ войскъ, по сосредоточеннымъ лицамъ, по той особой торжественности въ глазахъ, когда человѣкъ идетъ на вѣрную смерть. Какъ близки сердцу эти, чужіе по языку полки. Какъ ясно безъ объясненій, что они идутъ умирать за меня, за васъ, за Францію, за Россію,—за наши обычаи, наши семьи, наше достоинство, нашу свободу. Какъ полны сокровеннаго смысла давно знакомыя и только теперь понятныя до конца слова Марсельезы:

„Contre nous de la tyrannie
L'etandard sanglant est levè..."...

А вечеромъ, въ грязной гостиницѣ, въ каминѣ трещатъ дрова. У камина красныя панталоны, кожаныя на ватѣ куртки. Кавалерійскіе офицеры. Завтра полки уйдутъ на востокъ, а сегодня тепло и отдыхъ. Мальчикъ, лѣтъ двадцати, съ темнымъ пухомъ на верхней губѣ, смотритъ весело мнѣ въ глаза и разсказываетъ свое „приключеніе".

— Поймали меня уланы. Три человѣка... Привязали къ сѣдлу и поѣхали рысью. Я бѣгу за ними,—что дѣлать? Пробѣжалъ съ полверсты, вижу нашъ драгунскій патруль. Нѣмцы вскачь. Я упалъ. Не могу, конечно, догнать

лошадей. Стукаюсь головой о дорогу... Больно: камни, шоссе... Вынулъ я ножикъ, исхитрился и разрѣзалъ веревку. А драгуны догоняютъ уланъ. Передъ уланами Маасъ. Они въ рѣку... Теченіе быстрое, въ этомъ мѣстѣ Маасъ глубокъ. Что вы думаете?.. Потонули все трое...

Я слушаю его спокойную, почти веселую рѣчь. Я опять вспоминаю о мести. Мнѣ стыдно сказать: здѣсь, среди этихъ людей, которые завтра „перейдутъ въ наступленіе", то-есть, пойдутъ подъ нѣмецкія пули, я желалъ одного,—чтобы нѣмцы, тѣ нѣмцы, которые осквернили французскую землю, какъ разбойники пришли въ покинутые дома, какъ гунны, истоптали посѣвы, какъ звѣри, не пощадили дѣтей, — чтобы эти „культурные" нѣмцы всѣ, до послѣдняго человѣка, потонули въ Маасѣ. Какъ уланы. Какъ воинство Фараона. Я почти былъ готовъ повторить: „Око за око и зубъ за зубъ". Кто умѣетъ прощать, тотъ пусть осудитъ меня.

БАРЪ-ЛЕ-ДЮКЪ.

Баръ-ле-Дюкъ — удачливый городъ. Въ сентябрѣ нѣмецкія войска подошли къ нему на пять километровъ, но не смогли взять его. Всѣ дома цѣлы, не видно пожарищъ, разгромленныхъ стѣнъ, разстрѣлянныхъ колоколенъ. Сверху, съ горы, гдѣ стоитъ знаменитый своей скульптурой соборъ, въ голубоватомъ туманѣ тонутъ дальніе Hauts-de-Meuses. На этихъ невысокихъ холмахъ безпрерывно идутъ бои. Здѣсь Францiя, здѣсь ничто не напоминаетъ Россiю. Улицы богаты и чисты. Церкви мрачны. Вдоль каналовъ—каменныя строенія. Въ тихомъ городѣ не слышно уличныхъ звуковъ. Только журчитъ полноводный и бурный, зеленовато-мутный ручей—притокъ разлившейся Мезы.

Баръ-ле-Дюкъ—дорога въ Верденъ, въ занятый нѣмецкими войсками, многострадальный Сенъ-Міель. Верденъ—послѣднее слово науки. Первоклассная крѣпость. Пали Намюръ, Антверпенъ, Мобежъ, но Верденъ, какъ и прежде, сторожитъ ворота Парижа. Его сила не только въ фортахъ, въ тяжелыхъ пушкахъ, въ редутахъ и контръ-эскарпахъ. Его сила въ арміи генерала Саррайля. Генералъ Саррайль изрѣзалъ траншеями холмы и долины. Онъ не допустилъ нѣмецкія войска до Вердена. Онъ защитилъ его не фортами, а живой стѣной

французскихъ солдатъ. Howitzer'ы разобьютъ „научныя" укрѣпленія. Но какъ разбить вѣру? Какъ разбить тѣ полки, которые знаютъ, что они должны побѣдить?

Въ Баръ-ле-Дюкъ все спокойно. Не слышно пушекъ. Не видно аэроплановъ. Если бы не красныя пантолоны, не береты альпійскихъ стрѣлковъ, не унылый грохотъ больничныхъ автомобилей,—вы бы не повѣрили, что вы „на линіи войскъ". Кругомъ—тяжкій и незамѣтный, изнурительный трудъ войны. Госпитали для заразныхъ больныхъ. Лазареты. Интенданство. Штабъ. Обозы. Депо. Я смотрю на эту, привычную мнѣ, картину и скучаю по орудійному гулу. Да, именно: я скучаю. Война безъ звуковъ—каррикатура войны. Тылъ арміи—не поле сраженія. Солдатскій трудъ—не солдатская доблесть. Рядомъ со мной не скучающій, а изнывшій въ тоскѣ, командиръ батареи. Мы стоимъ у собора. Внизу—лиловые Hauts-pe-Meuses. Командиръ батареи мнѣ говоритъ:

— Я пятый день въ Баръ-ле-Дюкъ... Вы не повѣрите, какъ мнѣ скучно... Я такъ привыкъ къ моимъ пушкамъ къ моимъ людямъ, къ моимъ снарядамъ.,. Здѣсь нѣтъ ничего. Здѣсь отдыхъ. Я не хочу отдыхать... Вы говорите о томъ, что дѣлается въ Парижѣ... Что мнѣ за дѣло до политики, до партій, до Бріана, до парламентскихъ споровъ?.. Но я радъ, что вы—русскій. Въ несчастьи познаются друзья.. Я знаю русскую артиллерію. У васъ прекрасная артиллерія и прекрасный, очень стойкій солдатъ. Я часто думаю о васъ, русскихъ, о бояхъ подъ Варшавой, подъ Лодзью, въ Галиціи, въ Пруссіи,

у Мазурскихъ озеръ. Мнѣ кажется, что люди не понимаютъ, какъ вамъ трудно, какъ сильны на востокѣ нѣмцы... Чтобы это понять, надо сражаться здѣсь, видѣть нѣмцевъ вблизи, узнать ихъ точную цѣну... Нѣмцы—твердый и храбрый врагъ. Въ Парижѣ смѣются надъ ними? Какая ошибка... Ихъ нужно побѣдить и мы побѣдимъ. Но презирать? Но издѣваться? Но не видѣть ихъ силы..

— Я сражаюсь уже пятый мѣсяцъ. Вы думаете, мнѣ хочется вернуться въ Парижъ? Я говорю вамъ: я скучаю здѣсь, въ Баръ-ле-Дюкѣ. Но я скучаю не по бульварамъ. Я скучаю по батареѣ, по моимъ любимымъ орудіямъ...

Онъ показываетъ рукой на синѣющую подъ нами равнину:

— Вонъ тамъ, за холмами, Верденъ, правѣе—Сенъ-Міель... Вы спрашиваете, когда я впервые увидѣлъ нѣмцевъ? Это было въ августѣ, 22-го числа... Мы стояли въ лѣсу. Передъ нами было ровное поле. Рано утромъ на горизонтѣ я увидѣлъ темно-сѣрый дымокъ. Не дымокъ,—волнистый туманъ. Этотъ туманъ приближался, росъ, надвигался на насъ. Черезъ минуту я могъ различить отдѣльныхъ людей. Это были уланы. Въ сѣрыхъ шинеляхъ. На гнѣдыхъ лошадяхъ. Тогда я отдалъ приказъ срѣлять...

Онъ неожиданно умолкаетъ. У него добрые, голубые глаза, румяныя щеки и коротко подстриженные усы, — простое, мирное, не возмущенное сомнѣніемъ лицо.

— У насъ, поистинѣ, „дикая“ артиллерія... На 1500 метровъ мы безъ промаха попадаемъ въ бочку. Снарядъ за снарядомъ. Снарядъ рвется на двѣ тысячи мельчайшихъ осколковъ. Легко убиваетъ сорокъ, сорокъ пять человѣкъ... Теперь, слушайте. Мы стояли немного сзади и справа N-скаго батальона. Было это возлѣ Нанси... Спрятали батарею, набросали вѣтвей, мѣшковъ съ картофелемъ, свѣжаго сѣна. На зарѣ прилетали аэропланы, искали насъ,—не нашли. Цѣлое утро нѣмцы не прекращали стрѣльбу. А въ полдень, я вижу: идутъ на насъ два полка. Сомкнутымъ строемъ. Играетъ музыка. Бьютъ барабаны. Развѣваются, какъ на парадѣ, знамена. Впереди офицеры. Ихъ два полка. Нашей пѣхоты одинъ батальонъ... Я подпустилъ ихъ на восемьсотъ метровъ. Съ восемьсотъ метровъ открылъ огонь. Ни одинъ не переступилъ отмѣченной мной черты. Ни одинъ... Я видѣлъ въ воздухѣ разорванныя шинели, головы, ноги, ранцы, каски, винтовки... Какъ быстро нѣмцы бѣжали назадъ... Я догонялъ ихъ изъ пушекъ... Вотъ вамъ атака... А ночью раненые стонали...

Онъ опять умолкаетъ. Я жду, что онъ разскажетъ еще.

— Я вамъ уже говорилъ: мнѣ скучно здѣсь. Скучаю безъ батареи...

Для меня громъ пушекъ—праздное развлеченіе. Я—внѣ опасности. Только случайный снарядъ можетъ взорваться возлѣ меня. Для него пушки—жизнь. Онъ много лѣтъ трудился надъ ними. Изучалъ ихъ. Посвятилъ себя

имъ. Здѣсь, въ Баръ-ле-Дюкѣ, онъ исходитъ сердечной тоской. Онъ раненъ. Онъ не можетъ пока вернуться на „фронтъ“. Не можетъ слышать звуковъ войны. Не можетъ видѣть „шинелей, касокъ, ранцевъ, винтовокъ“, искалѣченныхъ человѣческихъ тѣлъ... Мнѣ жутко... Кто же и гдѣ, и когда научитъ насъ не ярости, а любви?

НОВОГОДНЕЕ ПОЖЕЛАНІЕ.

Я читаю письмо:

„Съ новымъ годомъ, дорогой братъ. Я лежу въ госпиталѣ съ отмороженными ногами. Меня вылѣчатъ, и я снова вернусь въ траншею. Можетъ быть, весна будетъ милостивѣе ко мнѣ, чѣмъ октябрь и ноябрь.

Будетъ ли она милостивѣе къ намъ всѣмъ? Не слушай легкомысленныхъ болтуновъ: они занимаются предсказаніями. Предсказанія не имѣютъ цѣны. Мы боремся не на жизнь, а на смерть. Мы боремся за уничтоженіе милитаризма—то-есть, въ сущности, за уничтоженіе Гогенцоллерновъ и Вильгельма. А развѣ легко побѣдить многочисленный, храбрый и хорошо вооруженный народъ? Я думаю, что война будетъ долгой. Я думаю также, что очень многимъ изъ насъ предстоитъ умереть.

Милый братъ, Аргонскій лѣсъ убиваетъ больше людей, чѣмъ нѣмцы. Ты спишь въ лѣсу, на голой землѣ, среди мокрыхъ деревьевъ. Ты встаешь въ три часа. Ничего не видно. Темно. Во всемъ тѣлѣ усталость. Боже мой, какъ хочется спать. Ты идешь по лѣсной тропинкѣ, по колѣно въ грязи, идешь часа четыре подрядъ. По лицу хлещутъ мокрыя вѣтви, впереди идетъ твой товарищъ, но ты не видишь его, а видишь только штыкъ и винтовку. Не отставай. Если отстанешь—погибнешь.

Лѣсъ поглотить тебя. Къ утру ты приходишь къ траншеѣ. Смѣна. Сильный ружейный огонь. Нѣмцы близко въ нѣсколькихъ метрахъ. Они стрѣляютъ безъ счета, мѣтко, четко, упорно. Въ землю, рядомъ, впиваются пули. Высунешь ружье изъ траншеи и самъ стрѣляешь, какъ сумасшедшій. Потомъ—шрапнель и гранаты. Это—война. Но-это не страшно. Это—въ порядкѣ вещей. Страшно другое. Въ синемъ разсвѣтѣ ты видишь, что кругомъ холодная и липкая грязь. Море грязи. Въ этомъ морѣ, въ траншеѣ, ты живешь шесть ночей и шесть дней. Ты спишь въ грязи, стрѣляешь въ грязи. Холодно. Мокро. Нѣтъ отдыха. Глазъ всегда напряженъ. Винтовка въ рукахъ. Черезъ шестеро сутокъ—смѣна. . . .

Однажды насъ атаковали въ лѣсу. Въ темнотѣ я не видѣлъ людей, а видѣлъ что-то черное и большое. Точно туча опустилась на землю. Я стрѣлялъ и не чувствовалъ сожалѣнія. Я стрѣлялъ, какъ стрѣляютъ въ мишень на ярмаркахъ, изъ духового ружья. Я не знаю, убилъ я кого-нибудь или нѣтъ.

Милый братъ, можетъ быть ты понимаешь теперь, почему у иныхъ слабѣетъ разсудокъ, почему перестаешь понимать разумную рѣчь, почему надо дѣлать усиліе, чтобы говорить и тѣмъ болѣе писать. Иногда ждешь—когда же пуля положитъ конецъ этой жизни?

Съ новымъ годомъ, дорогой братъ. Я знаю: тебя тоже возьмутъ въ солдаты. Я желаю тебѣ храбро сражаться за Францію. Я желаю, чтобы лѣсъ тебя не убилъ, чтобы ты не замерзъ въ холодной траншеѣ и не заблу-

дился въ темномъ лѣсу. Я желаю, чтобы пули пощадили тебя, и чтобы рядомъ съ тобой не разорвалась на тысячи осколковъ шрапнель. Я желаю еще, чтобы ты понялъ что такое война, чтобы ты не забылъ, что нѣмцы такіе же люди, какъ мы, и что если нужно ихъ побѣдить, то это не значитъ, что надо ихъ ненавидѣть. Я желаю еще, чтобы ты дожилъ до того счастливаго дня, когда Франція будетъ свободна, и въ Бельгіи не будетъ нѣмецкихъ солдатъ. И еще я желаю тебѣ, чтобы ты твердо зналъ, что ты отдаешь свою жизнь не только за родину и французскій народъ, но и за вѣчный никогда ненарушаемый миръ. Я желаю, чтобы это поняли наши враги и чтобы послѣ войны люди жили, какъ братья. Да здравствуетъ Франція! Да здравствуетъ побѣда! Да здравствуетъ всемірное братство!“

СОЛДАТЫ И ОФИЦЕРЫ.

Я подхожу къ немолодому, заросшему щетинистой бородой, солдату. На немъ синяя, заплатанная шинель, синее, съ разорваннымъ козырькомъ, кепи и синіе панталоны. Онъ стоитъ на часахъ у вокзала. Въ морозной мглѣ онъ весь синій. На воротникѣ знакомый номеръ полка.

— Вы знаете капитана Жерара?

Онъ улыбается широкой улыбкой.

— Капитана Жерара? Знаю ли я его?.. Это самый лучшій офицеръ въ нашемъ полку. Самый храбрый. Самый заботливый. Самый добрый. Только...

— Что только?

Онъ смѣется.

— Только очень горячъ.

— Напримѣръ?

— Да вотъ, напримѣръ, недавно... Разсердился на одного лейтенанта...

— За что?

— Лейтенантъ испугался...

— Чего?

— Какъ чего?.. Нѣмцевъ... Цѣлый день нѣмцы стрѣляли изъ пушекъ, а вечеромъ, смотримъ, — идутъ въ атаку. Каски, каски и каски... Такъ много, точно

Эна вышла изъ береговъ... Ну, лейтенантъ, молодой еще, — вы понимаете, — побѣжалъ... А капитанъ схватилъ его за плечи и кричитъ: трусъ, застрѣлю, какъ собаку!..

— Что же, по вашему, онъ не правъ?

— Конечно, правъ. Такъ и надо... Только... Что вы хотите? Развѣ весело сидѣть по недѣлямъ въ траншеѣ, смотрѣть, какъ рвутся снаряды, слушать, какъ стонутъ раненые въ лѣсу, а тутъ еще эти атаки!.. Я понимаю: за родину!.. А все-таки въ началѣ страшно бываетъ.

— А капитанъ Жераръ не боится?

— Капитанъ Жераръ ничего не боится. Онъ себя не бережетъ никогда. Онъ всегда впереди. Всегда на самомъ опасномъ мѣстѣ... И бываетъ же такая удача,— даже не раненъ... Позвольте мнѣ папиросу...

Капитанъ Жераръ—сподвижникъ и другъ Жореса. Я говорилъ со многими людьми изъ его батальона. При его имени у всѣхъ расцвѣтали лица улыбкой. Всѣ говорили о немъ съ любовью, съ истиннымъ уваженіемъ, какъ о старшемъ и многоопытномъ братѣ. Исключеніе ли капитанъ Жераръ? Я помню, какъ меня поразило, когда я въ первый разъ увидѣлъ вмѣстѣ „начальство“ и „подчиненныхъ“. На постояломъ дворѣ, на фронтѣ, въ „столовой“, рядомъ со мной, сидѣло нѣсколько пѣхотныхъ солдатъ. Они ѣли быстро, какъ голодные, давно не ѣвшіе люди, и всѣ шутили,—смѣялись такъ, какъ умѣютъ смѣяться только французы. Я замѣтилъ, что у

одного на груди былъ золотой, едва замѣтный галунъ. Только этотъ галунъ его и отличалъ отъ другихъ. Это былъ лейтенантъ.

Во время мобилизаціи, во время битвы на Марнѣ и теперь, въ замерзшихъ траншеяхъ, французская армія доказала, что ея дисциплина великолѣпна. Въ траншеѣ, на часахъ, въ казармѣ,—одно, за обѣдомъ, на улицѣ, въ свободное время,—другое. Офицеръ не только начальникъ, но и другъ, но и равный, но и товарищъ. Другъ—потому что заботится о солдатахъ, равный—потому, что самъ такой же солдатъ, товарищъ—потому, что дѣлитъ всѣ труды и невзгоды. У французовъ есть одна, врожденная, очаровательная, черта,—уваженіе къ личности, къ человѣку, ко всякому человѣку, будь это генералиссимусъ или запасный солдатъ, священникъ или рабочій, банкиръ или нищій. Офицеръ не можетъ ударить солдата не потому, что по французскимъ законамъ это строго воспрещено, а потому, что у него не поднимется на это рука. Онъ не можетъ ударить не изъ мягкосердечія, не изъ „гуманныхъ", часто обманчивыхъ, чувствъ, а изъ уваженія къ себѣ, къ достоинству человѣка. Траншейная жизнь сближаетъ людей: теряется грань между нашивками и чинами. Но это не все. Не въ траншеяхъ зародился и выросъ свободный, гордый, основанный на взаимномъ довѣріи, французскій воинскій духъ,—тотъ духъ, который далъ побѣду при Аустерлицѣ, Іенѣ, Вальми, Сольферино и въ Крыму.

Почему французская армія побѣдила на Марнѣ? Есть много отвѣтовъ на этотъ вопросъ. Потому что генералиссимусъ Жоффръ воспользовался ошибкой фонъ-Клюка. Потому что въ Парижѣ была сформирована новая армія генерала Монури. Потому что французская артиллерія лучше нѣмецкой. Потому что у нѣмцевъ не хватило снарядовъ. Потому что генералъ Фошъ проявилъ военное дарованіе. Но въ числѣ этихъ безспорныхъ отвѣтовъ, я бы отмѣтилъ еще двѣ причины. Во-первыхъ, каждый французъ понималъ, что защищаетъ Парижъ, то есть Францію, какъ при Бородинѣ каждый русскій не сомнѣвался, что защищаетъ Москву, то-есть Россію. Во-вторыхъ, не было солдатъ, офицеровъ и генераловъ, а была одна, воодушевленная единою мыслью семья. Возможно ли такое единеніе у нѣмцевъ? Меня увѣряли, что нѣмецкіе офицеры бьютъ по лицу своихъ, утратившихъ человѣческій образъ, солдатъ, и что солдаты молчаливо переносятъ побои. Нѣмецъ такъ же храбръ, такъ же выносливъ, такъ же самоотверженъ въ бою, какъ французъ, но онъ не свободенъ, онъ не уважаетъ достоинства человѣка. Это онъ доказалъ въ Лувенѣ, въ Малинѣ. Для нѣмца личность не свята, свято общество, толпа, государство, святъ его общественный муравейникъ,—могущественная Германія.

И я спрашиваю себя: послѣдній и сокровеннѣйшій смыслъ этой, невиданной доселѣ войны не заключается ли въ газетной случайно брошенной фразѣ,—„право побѣдитъ силу“? Нѣмецкій профессоръ Іерингъ, по кни-

тамъ котораго мы учились, доказалъ намъ научно, что „право есть сила", что „сила ломитъ солому". На нашихъ глазахъ, простой французскій солдатъ, человѣкъ достоинства и свободы, доказываетъ, что высокоученый профессоръ не правъ. И какая тьма воцарилась бы въ мірѣ, если бы побѣдилъ не вышедшій изъ народа, невѣдомый капитанъ Жераръ, а знаменитый Herr Geheimrath von Iering. И развѣ можно жить въ такой тьмѣ?

ГЛАВНЫЙ ШТАБЪ.

Ночью ударилъ морозъ: въ лѣсу завяли послѣдніе листья. Подмерзли лужи, тверже стала земля. Засеребрился пушистый иней. По пыльной дорогѣ гулко звенятъ шаги.

Это—не русская, не родная зима. Нѣтъ ни снѣга, ни узоровъ на окнахъ. Нѣтъ „блистательной“, отрадной сердцу равнины. На поляхъ золотится неубранный хлѣбъ, шелеститъ еще зеленый ковыль. Это наша ранняя осень. Помутнѣло зеркало жизни. Нѣтъ зимы, нѣтъ Россіи. Есть чужой и неразгаданный ликъ.

Но я—русскій. Я счастливъ. Я дышу морозною пылью, я ломаю прозрачный и звонкій ледъ, я мну въ рукахъ сухіе колосья. И я шепчу незабываемыя слова:

„Въ тотъ годъ осенняя погода
„Стояла долго на дворѣ,
„Зимы ждала-ждала природа,
„Снѣгъ выпалъ только въ январѣ,
„На третье въ ночь...“

Я шепчу эти слова и—вспоминаю Москву. Вспоминаю другое, еще болѣе неотразимое, слово:

„Какъ часто въ горестной разлукѣ,
„Въ моей блуждающей судьбѣ,
„Москва, я думалъ о тебѣ!
„Москва! Какъ много въ этомъ звукѣ
„Для сердца русскаго слилось...“

Сегодня праздникъ; затишье. Почти не слышно ворчливыхъ пушекъ. Иногда, направо, у Лассиньи, заглушенно сотрясается воздухъ. Но это рѣдкіе, глухіе удары—раскаты дальней, уже отшумѣвшей грозы. Я различаю по звуку: стрѣляютъ нѣмцы, изъ тяжелыхъ орудій. Французскія пушки ближе, ихъ звукъ короче, и часто слышишь, какъ свиститъ улетающая шрапнель. Я жду. Но я не слышу веселаго свиста. Только каркаютъ испуганныя вороны.

За рощей — чистое поле. Въ кустахъ — жужжащій аэропланъ. Онъ несмѣло бѣжитъ по землѣ, потомъ быстро взвивается вверхъ, все выше и выше, — какъ залетная птица, какъ стальной, великолѣпный орелъ. Я слѣжу его полетъ въ небесахъ. Онъ уходитъ туда, къ Лассиньи, къ нѣмецкимъ окопамъ. На солнцѣ золотомъ сверкаетъ бронированное крыло.

Снова тихо. Снова нѣтъ ни души. Снова гибкій ковыль, бѣлый иней и оголенная, печальная роща. Снова зовъ нѣмецкихъ орудій. Но вотъ за лѣсомъ, въ оврагѣ,—вырытыя ступени. Я спускаюсь по этимъ ступенямъ. Я—въ траншеѣ. Темно. Въ этихъ ямахъ прятались люди. Въ этихъ ямахъ они умирали. Въ этихъ ямахъ былъ „острый серпъ“. Я сажусь на мерзлую землю. И я уже не думаю о Москвѣ.

За траншеями—хмурый лѣсъ, вдали—остроконечная колокольня. Это деревня N. N. На грязныхъ улицахъ тѣснятся автомобили, трещатъ поспѣшно мотоциклетки, снуютъ гусары, кирасиры, гумье. Послѣ лѣсной тишины,

мнѣ кажется, что я попалъ въ большой и торговый городъ,—въ Антверпенъ или Марсель. На краю деревни—благоустроенная, помѣщичья усадьба. Я вхожу черезъ рѣзныя ворота. Говоръ, гомонъ и шумъ. Снова кирасиры, гусары, автомобили, велосипеды и осѣдланные у кирпичныхъ конюшенъ кони. Гудитъ проволока—телеграфъ и полевой телефонъ. По мощеному, чисто выметенному двору, ходитъ взадъ и впередъ высокій полковникъ. Онъ отдаетъ ежеминутныя приказанія. Это—штабъ генерала X.

Я знаю: въ каждой арміи есть Тимохины и Андреи Болконскіе, какъ есть Пфули и Берги. Въ каждой арміи есть неравенство, есть неизслѣдимое и скрытое разногласіе. Но я знаю также, что не тамъ, въ той замерзшей траншеѣ, которую я только что посѣтилъ, обдумывается война. Опытъ арміи, ея умъ, ея накопленная годами наука,—здѣсь на этомъ дворѣ, среди проволокъ и походныхъ автомобилей. Этотъ умъ направляетъ волю. Этотъ опытъ руководитъ войной. Но гдѣ же душа сраженія? Душа кровопролитной защиты,—той защиты, когда человѣкъ скорѣе дастъ себя застрѣлить, чѣмъ отступитъ на шагъ? Мнѣ кажется, что душа войны живетъ въ каждомъ солдатѣ, въ каждомъ изъ тѣхъ, кто по крайней совѣсти и крайнему разумѣнію до конца исполняетъ свой долгъ. Эта душа живетъ въ Тимохинѣ и въ князѣ Андреѣ, но она живетъ также въ Пфулѣ, также въ Бергѣ, также въ томъ штабномъ офицерѣ, который повелительно отдаетъ приказанія. Настанетъ

день, и смерть не пощадитъ и его. Смерть не знаетъ чиновъ и ранговъ. И, несмотря на неравенство дисциплины на войнѣ, на полѣ сраженія всѣ равны и всѣ равноцѣнны. Ибо равноцѣнна любовь.

Я снова въ зимнихъ поляхъ. Садится солнце. Таетъ зыбкая мгла. Холоднѣе морозный воздухъ. Надъ тѣмъ же синимъ холмомъ тотъ же четкій аэропланъ. Онъ медленно спускается внизъ. Онъ вернулся съ развѣдки. Уже гудитъ невидимый телефонъ. Черезъ десять минутъ главный штабъ узнаетъ новое о генералѣ фонъ-Клюкѣ. И черезъ четверть часа, быть можетъ, заговорятъ французскія пушки, и я услышу свистъ далекой шрапнели. И я говорю себѣ: въ арміи нѣтъ отдѣльныхъ людей. Въ ней единая воля, единая мысль, непреклонная и единая, живая душа. Та душа, которая желаетъ побѣды.

СОЛДАТСКОЕ НАСТРОЕНІЕ.

Каждый разъ, какъ я возвращаюсь съ „фронта“, меня съ тревогой спрашиваютъ въ Парижѣ: „Каково солдатское настроеніе?“ И каждый разъ я отвѣчаю: „Прекрасно“. Но когда я говорю это, лишенное смысла слово, я втайнѣ думаю про себя: „Зачѣмъ спрашивать? Зачѣмъ отвѣчать? Не намъ, живущимъ мирною жизнью, оцѣнивать душевное состояніе тѣхъ, кто полагаетъ душу свою“.

Пусть эти люди сами говорятъ о себѣ. Передо мною десятокъ писемъ. Вотъ что пишетъ обыкновенный, сѣрый, пѣхотный солдатъ,—одинъ изъ милліоновъ:

„22 ноября. Я бы чаще писалъ, но отъ холода замерзаютъ пальцы и трудно держать въ рукахъ карандашъ. Погода холодная и сухая, и это лучше, чѣмъ надоѣдливые дожди. Позавчера—снѣгъ. Лѣсъ и равнина были очень красивы. Сегодня мы отдыхаемъ въ деревнѣ. Мы развели въ каминѣ огонь. Какъ хорошо! Я—самый молодой въ нашей ротѣ: одному товарищу—43 года. Онъ—отецъ пятерыхъ дѣтей, изъ которыхъ одинъ—солдатъ. Онъ съ сѣвера. Его семья бѣжала отъ нѣмцевъ, и онъ до сихъ поръ не имѣетъ извѣстій о ней. Дессартъ раненъ въ руку. Грожанъ скончался въ мученіяхъ: ему раздробило грудь бомбой и оторвало

обѣ ноги. Три часа онъ стоналъ, потомъ умеръ... Въ концѣ-концовъ, постоянныя опасности, труды и лишенія закаляютъ и дѣлаютъ насъ сильнѣе. Я не боюсь ни пуль, ни артиллерійскихъ снарядовъ. Я спокойно смотрю въ лицо смерти. Но мнѣ кажется, что я никогда не любилъ жизни такъ, какъ теперь. И мнѣ еще кажется почему-то, что я не буду убитъ".

„25 ноября. Сегодня ясный осенній день. Мы въ лѣсу, и мнѣ жалко смотрѣть, какъ опадаютъ мертвые листья. Какъ хорошъ въ ноябрѣ Парижъ... Я очень перемѣнился. Я не тотъ, какимъ вы знали меня до войны. Какое всемірное горе эта война! Каждый день я хороню кого-нибудь изъ товарищей. Кругомъ запахъ смерти и разложенія. Я люблю жизнь. Я принимаю эту войну, какъ тяжелую неизбѣжность. Я защищаю родину. Это — мой долгъ, и я исполню этотъ долгъ до конца".

„11 декабря. Я не писалъ потому, что 4 дня мы были въ траншеѣ, въ лѣсу, въ туманѣ и подъ дождемъ. Наше положеніе не измѣнилось. Говорятъ, что мы побѣждаемъ. Возможно. Но это не мѣшаетъ вѣтру быть сырымъ и холоднымъ. Больныхъ больше, чѣмъ раненыхъ и убитыхъ. Отъ Мориса нѣтъ никакихъ извѣстій. Если бы онъ былъ раненъ или въ плѣну, онъ бы сумѣлъ дать знать о себѣ. Вѣроятнѣе всего, онъ убитъ или его, раненаго, прикололи нѣмцы. Эти люди ведутъ войну, какъ африканскіе каннибалы. Я говорю безъ предвзятаго мнѣнія. Я говорю на основаніи того, что видѣлъ. Я пожимаю плечами, когда при мнѣ говорятъ о законахъ войны.

Развѣ для нѣмцевъ есть другіе законы, кромѣ грабежа, убійства и разрушенія? Увѣряю васъ, я убиваю теперь съ легкимъ сердцемъ. Я убиваю, сколько могу. Есть ядовитыя растенія, которыя вырастаютъ въ садахъ. Въ жизни такія растенія—нѣмцы. Было бы справедливо, если бы нѣмецкія женщины страдали такъ, какъ французскія. Вы спрашиваете про англичанъ. Англичане мужественны, холодны и изящны (élégants). Они умираютъ спокойно. Я знаю ихъ: я былъ въ бою вмѣстѣ съ ними".

„15 декабря. Я усталъ и мое сердце исполнено горечи. Но я смѣюсь, чтобы ободрить товарищей".

„20 декабря. Война кротовъ вселяетъ мнѣ отвращеніе. Я бы хотѣлъ сражаться въ открытомъ полѣ, какъ мы сражались въ началѣ войны. Тогда мы боролись. Теперь мы, какъ хищные звѣри, поджидаемъ добычу".

„10 января. Вотъ уже 5 мѣсяцевъ, какъ мы на линіи огня. Мы живемъ по шею въ грязи. Пушка гремитъ безъ отдыха. Вчера былъ кровавый день. Нѣмцы потеряли много людей. Полудикіе марроканцы устроили настоящую бойню. Въ нѣмецкихъ траншеяхъ они убивали всѣхъ нѣмцевъ безъ исключенія".

„18 января. Я былъ въ сраженіи подъ Суассономъ. Какъ много погибло товарищей!.. Я начинаю думать, что не вернусь съ этой проклятой войны... Я не вернусь, но Германія будетъ побѣждена. А развѣ за эту побѣду не стоитъ отдать свою жизнь?"

———

КРАОННЕЛЬ.

Въ моихъ рукахъ записная книжка русскаго добровольца. Вотъ что записано въ ней:

„... Ночью идешь въ караулъ. Выходишь въ поле далеко за траншею, останавливаешься гдѣ-нибудь за березой и смотришь зорко во тьму.

Ночной тишинѣ не мѣшаютъ дальніе раскаты орудій, заглушенный трескъ пулеметовъ и отдаленный гулъ передвигающихся обозовъ. Эти звуки сливаются съ сѣрой мглой.

Время отъ времени изъ-за холмовъ встаетъ ослѣпительная ракета и заливаетъ металлическимъ сіяніемъ поля. Тогда рѣзко вычерчиваются березы, столбы телеграфа и виноградники на холмахъ. Но погасаетъ ракета, и снова сѣрая мгла и ночное, полное звуковъ молчаніе.

Смѣна. Вернувшись въ траншею, грѣешься у костра, кипятишь воду, распускаешь въ ней шоколадъ и слушаешь солдатскій сдержанный шопотъ. Уютно, мирно, спокойно. Зарываешься въ солому и дремлешь. Слышишь сквозь сонъ, какъ гдѣ-то грохочутъ пушки.

Солнце встрѣчаешь опять на часахъ. День проводишь въ заботахъ. Ходишь за провіантомъ, промышляешь дровъ и соломы. Всѣ мысли, все неослабѣвающее вниманіе занято повседневностью: караулами и тран-

шейнымъ благоустройствомъ. Незамѣтно бѣгутъ часы. Скучать некогда. Устаешь, и радуешься каждой минутѣ, когда можно уснуть.

Не то на „отдыхѣ". Смѣна приходитъ глухою ночью. Лѣсной тропинкой идемъ на вторую линію. Идемъ, нащупывая дорогу ногами, напряженно слѣдя за спиною товарища и подражая его движеніямъ, оступаясь, падая, цѣпляясь за вѣтви и запутываясь въ кустахъ.

На „отдыхѣ" насъ ждутъ для ночлега землянки, вырытыя въ липкой грязи. На днѣ солома. Она утоптана ушедшей въ траншею смѣной. Въ землянкахъ темно и тѣсно. Спать можно только согнувшись. Ссоримся изъ-за мѣстъ. Ворчимъ на нашихъ капраловъ. Капралы уговариваютъ, увѣщеваютъ, просятъ. Наконецъ, усталые, засыпаемъ тяжелымъ и чуткимъ сномъ.

Утромъ—работа: роемъ траншеи, рубимъ въ лѣсу засѣки, починяемъ дорогу, таскаемъ воду, дрова и камни,—дѣлаемъ всю черновую подготовку войны. Работаемъ неохотно, какъ истомленные и недоспавшіе люди, безъ того, что французы называютъ „bonne volonté". Въ полдень—холодный супъ, рисъ, бобы и мясные консервы. И грязь въ безлисномъ лѣсу.

Однажды я былъ на „отдыхѣ" въ Краоннелѣ, недалеко отъ „château". Барскій домъ съ калоннами и террасой былъ занятъ полковымъ штабомъ. Въ службахъ ютились кухни и перевязочный пунктъ. За усадьбой, на зеленой лужайкѣ, было наше, солдатское, кладбище. Кое-гдѣ увядающіе вѣнки. На лентахъ надписи: „До-

рогому товарищу, рядовому такого-то полка — lès copins“.

За этимъ кладбищемъ, шагахъ въ двухстахъ отъ него, мы и рыли траншею. Работа не спорилась: моросилъ мелкій дождь.

Рядомъ со мной сосредоточенно работалъ капралъ моего взвода Анжель, коренастый и рыжеволосый швейцарецъ изъ Ааргау, прослужившій 10 лѣтъ въ Легіонѣ. Этотъ Анжель былъ нашимъ инструкторомъ на ученьяхъ. Съ швейцарской точностью онъ посвящалъ насъ въ тайны ружейныхъ пріемовъ. Съ швейцарскимъ твердымъ акцентомъ раздавалась ето команда: „A' droite! A gauche!.. Armes à l'epaule“... А когда мы кончали, онъ говорилъ съ довольной улыбкой: „Bien travailler beaúcoup de repos, mal travailler—pas de repos“. И командовалъ: „вольно“.

Сначала онъ косился на насъ. Мы казались ему не солдатами, а лѣнивыми и непонятливыми учениками. Потомъ онъ привыкъ, примирился съ русскою рѣчью и даже пѣлъ съ нами „Дуню“. И мы тоже привыкли къ нему. Мы даже полюбили его швейцарскій акцентъ, его точность, его спокойствіе и его солдатскую философію:

— „Солдатъ не долженъ жаловаться на усталость или на голодъ. Солдатъ обязанъ безпрекословно исполнять приказанія и ѣсть, что даютъ. Солдатъ не имѣетъ права болѣть. За всю мою службу я ни разу не былъ освобожденъ отъ занятій и ни разу не обращался къ врачу. Вотъ окончится эта война, я попрошусь въ двух-

мѣсячный отпускъ. Тогда я буду пить кофе, отдыхать и, если пожелаю, валяться цѣлое утро въ кровати“.

Въ этотъ день Анжель былъ доволенъ. Именно въ этотъ день состоялось его производство въ капралы. Онъ долго добивался капральства,--двухъ красныхъ на синемъ рукавѣ галуновъ.

— Что вы дѣлали en civil?—спросилъ онъ меня, глядя на мою неопытную работу. И, не ожидая отвѣта, онъ взялъ у меня лопату и нѣсколько разъ, для примѣра, ударилъ ей о рыхлую землю.

— Вотъ такъ. Теперь работайте. Bien travailler—beaucoup de repos.

И закуривъ свою трубку, онъ засунулъ руки въ карманы и съ добродушной усмѣшкой сталъ смотрѣть, какъ я вытираю вспотѣвшее отъ напряженія лицо.

Что-то зашумѣло вверху, зазвенѣло, загрохотало и пролилось дождемъ надъ нашими головами. Мои сосѣди пригнулись. Пригнулся и я. Когда я всталъ, я увидѣлъ усадьбу, кладбище, нашу, еще не оконченную траншею, и у края ея—Анжеля. Онъ лежалъ безъ кэпи. Его свѣтлые, только-что смѣявшіеся глаза, были подняты къ небу. Руки, какъ и были, такъ и остались въ карманахъ. И не вѣрилось, что его уже нѣтъ.

И теперь, когда я вспоминаю объ убитомъ Анжелѣ, я думаю: какъ проста и естественна смерть“.

АЗРАИЛЪ.

Я зналъ его до войны. Онъ жилъ подъ Парижемъ незамѣтной и скромной, муравьиною жизнью. И самъ онъ былъ незамѣтный и скромный. Иногда по улыбкѣ узнаешь человѣка. У него была застѣнчивая улыбка, точно онъ не вѣрилъ самъ въ свои силы.

Не этой ли слегка растерянною улыбкой улыбался толстовскій капитанъ Тушинъ?

И когда я читаю его „траншейныя" письма, мнѣ кажется, что эти письма написаны не во Франціи, а въ Галиціи или Польшѣ. И еще мнѣ кажется, что онъ не будетъ убитъ:

> Знаю, смерть тебя не встрѣтитъ
> Азраилъ: среди мечей
> Красоту твою замѣтитъ
> И пощада будетъ ей!

„Первый разъ, когда я попалъ въ огонь, я старался принимать „необходимыя мѣры предосторожности". Но потомъ я рѣшилъ, что гораздо лучше не прятаться, а положиться на свою судьбу. Вѣдь отъ судьбы не уйдешь... Сидѣли мы однажды въ своей траншеѣ. Надъ нами не потолокъ, а земля и шпалы. Нѣмцы стрѣляли изъ пушекъ. Разорвалось уже много снарядовъ, но бѣды эти снаряды не приносили: падали то слишкомъ близко, то

слишкомъ далеко. Вдругъ, слышу, что-то загрохотало. Я потерялъ сознаніе. Очнулся, вижу: надъ головой вмѣсто шпалъ,—дождливое небо. Выбрался я наружу. Раскопали мы землю, нашли три трупа. Нашелъ я также свой ранецъ. Его разбило въ куски, сплющило жестяную манерку, а ложку скрутило жгутомъ. Я храню эту ложку на память"...

Азраилъ или его величество случай? Та судьба, которая помогаетъ смѣлымъ, или счастливое совпаденіе?.. Вотъ что онъ пишетъ въ томъ же короткомъ, застѣнчивомъ, какъ его улыбка, письмѣ:

„Однажды ночью насъ разбудили и сказали, что сейчасъ зуавы пойдутъ въ атаку, и что надо поддержать ихъ ружейнымъ огнемъ. Тьма, льетъ дождь, въ двухъ шагахъ ничего не видно. Но вотъ въ темнотѣ мелькнула одна, за ней другая, неясная, тѣнь, еще тѣни, очень много тѣней. Это выходили изъ своей траншеи зуавы. Нѣмцы въ 200 метрахъ отъ насъ. На черномъ небѣ внезапно засвѣтились ракеты. Заигралъ нѣмецкій прожекторъ. Зуавы легли на землю. Лежатъ, не пошевелятся, и передъ каждымъ снопъ сѣна. Погасъ прожекторъ, потухли ракеты, снова мракъ,—не видно ни зги. Но какъ только встали зуавы, засвистѣли сейчасъ же пули и заговорили наперебой пулеметы. Дѣло проиграно. Зуавы отступаютъ къ траншеямъ. Къ утру подобрали мы раненыхъ и убитыхъ. А когда разсвѣло, видимъ,—въ метрахъ 120 лежитъ раненый, забытый нами зуавъ. Приподымется, и нѣтъ-нѣтъ взмахнетъ бѣлымъ плат-

комъ: выручайте, молъ, братцы. Выползъ изъ траншеи одинъ нашъ солдатъ, поползъ къ раненому,—убили. Выползъ другой,—убили. Выползъ третій,—убили. Тогда я и еще одинъ товарищъ, тоже русскій, казакъ, думаемъ: отчего намъ не попытаться? Вѣдь отъ судьбы не уйдешь... Выползли мы съ двухъ разныхъ концовъ, винтовки въ рукахъ,—полземъ. Доползли. У раненаго зуава прострѣлены рука и нога. Подняли мы его, дотащили. Дотащили почти до самой траншеи, осталось метровъ 40, не больше .. А тутъ нѣмцы замѣтили насъ. Начался настоящій адъ. Товарищъ мой захрипѣлъ и, смотрю,—вытянулся точно струна. Что дѣлать? Ползти? Не доползешь; убьютъ по дорогѣ. Э, все равно... Была не была... Всталъ я, взвалилъ зуава на плечи и побѣжалъ бѣгомъ къ нашимъ. И вѣдь вотъ, скажите пожалуйста, добѣжалъ... Только шинель въ нѣсколькихъ мѣстахъ прострѣлило“.

Что это? Опять слѣпая судьба? Опять его величество случай? Но вѣдь человѣкъ сознательно шелъ на гибель, на неизбѣжную и неотразимую смерть. Не о такихъ ли сказаны неизмѣримыя въ своей глубинѣ слова: „Не двѣ ли малыя птицы продаются за ассарій? И ни одна изъ нихъ не упадетъ на землю безъ воли Отца вашего. У васъ же и волосы на головѣ всѣ сочтены. Не бойтесь же: вы лучше многихъ птицъ малыхъ“.

———

КАПИТАНЪ ГАРРОНЪ.

Въ Витри-ле-Франсуа мнѣ сказали:

— Пойдите въ Grand Café de Commerce. Вы найдете тамъ старика Гаррона. Онъ 25 лѣтъ посѣщаетъ это кафе. 25 лѣтъ сидитъ за однимъ и тѣмъ же столомъ. Онъ оставался въ городѣ во время нашествія нѣмцевъ. Онъ знаетъ всѣхъ. Разспросите его.

Когда я вошелъ, капитанъ Гарронъ писалъ склонившись низко къ столу. Я представился. Онъ поднялъ старческіе, голубые глаза и медленно пожевалъ губами.

— Вы русскій?

— Да, русскій.

— Очень радъ. Значитъ, союзникъ и другъ. Съ друзьями я откровененъ. Прочтите вотъ это. Неправда ли, хорошо?

Онъ подалъ мнѣ каллиграфически исписанные листки. Не листки, — цѣлый ворохъ бумаги. Я прочелъ: „Великія мысли великихъ людей“. Слѣдовали цитаты. Изъ Шатобріана, Руссо, Вольтера, Жоржъ Зандъ и... гене-нерала Шерфиса. Но были и анонимныя изреченія. Безъ подписи. Неизвѣстнаго великаго человѣка.

— „Миръ есть счастье и тишина. Людямъ свойственно любить миръ“.

— Это чье же?

Онъ снисходительно улыбнулся.

— Это? Это мое.

— Ваше?..

— Да... Видите ли, я дѣлаю для другихъ сувениры. Рукописныя книги. Для разнообразія я иногда пишу мои мысли: вѣдь, Шатобріанъ и Руссо извѣстны каждому баккалавру. Вотъ тутъ, на 259-й страницѣ, есть еще одна моя мысль.

Онъ порылся въ бумагахъ и пальцемъ показалъ мнѣ страницу. Я прочелъ:

— „Война есть зло. Зло надо искоренятъ".

— Хорошо?

— Превосходно.

— Недаромъ я прожилъ 70 лѣтъ. Глубокій умъ бываетъ только въ старости и еще у дѣтей.

— Запишите.

— Да, конечно, я запишу...

Я читалъ „великія мысли", смотрѣлъ на ветхаго старика въ домашнемъ, вязанномъ колпакѣ, и спрашивалъ себя: какъ это нѣмцы пощадили его?

— Вы видѣли нѣмцевъ, мой капитанъ?

— Видѣлъ ли я Атиллу?.. Мой дорогой союзникъ и другъ, вы не знаете капитана Гаррона. Я — зуавъ, и сражался въ 70-омъ году. Маръ-ла-Туръ. Борни. Сенъ-Прива. Былъ раненъ при Гравелоттѣ. Восемь мѣсяцевъ былъ въ плѣну, въ Карлсруэ. А вы спрашиваете видѣлъ ли я пруссаковъ?

— Ваше мнѣніе о нихъ?

— Свиньи.

Онъ опять порылся въ бумагахъ:

— Вотъ извольте взглянуть. На этотъ разъ я позволилъ себѣ подписать: „Нѣмцы суть свиньи. Они заслуживаютъ презрѣнія. Капитанъ въ отставкѣ Гарронъ“.

— Нѣмцы заслуживаютъ презрѣнія?..

— Разумѣется. И я презираю ихъ.

— Когда нѣмцы пришли, вы остались?

— Я? Конечно, остался.

— Вы слышали, что они жгутъ?

— Конечно.

— Грабятъ?

— Конечно.

— Разстрѣливаютъ?

— Конечно.

— Берутъ въ заложники стариковъ и потомъ убиваютъ, по первому подозрѣнію?

— Конечно.

— Что же вы дѣлали, капитанъ.

— Что я дѣлалъ? Мой дорогой союзникъ и другъ, я вижу, что вы не вдумались въ мою мысль. Развѣ вы боитесь свиней? Развѣ вы нарушите вашу жизнь оттого, что къ вамъ на дворъ забѣжала свинья? Развѣ прилично обращать на свинью вниманіе? Я дѣлалъ то же, что дѣлаю и теперь.

— То-есть?

— Записывалъ великія мысли.

— Здѣсь, въ кафе?

— Да, въ Grand Café de Commerce.

— А нѣмцы?

— Нѣмцы сидѣли кругомъ. Пили. Пѣли. Ругались.

— Они говорили съ вами?

— Не знаю. Я нѣмцевъ не замѣчалъ.

— Не замѣчали?

— Конечно. Я же вамъ говорю: я презираю пруссаковъ.

Я вышелъ на площадь. Торговые ряды были пусты. Въ церкви празднично звонили къ обѣднѣ. На улицахъ—мѣщанки въ розовыхъ платьяхъ, газетчики и отдыхающіе купцы. Все мирно и скучно. Нашъ уѣздный, затерянный въ степи, городишко. Ушелъ „Атилла", и отъ „гунновъ" не осталось слѣда. Ну, а если бы онъ не ушелъ? Можно побѣдить французскихъ солдатъ — маршаловъ Базена и Макъ-Магона. Можно завоевать Лотарингію и Альзасъ. Но возможно ли изъ француза сдѣлать правовѣрнаго нѣмца? Возможно ли заставить его пропѣть „Wacht am Rhein"? Нѣмцы властны грабить, жечь, разстрѣливать стариковъ. Но они не властны надъ „великою мыслью". Я увѣренъ: если бы 70-лѣтній зуавъ, отставной капитанъ Гарронъ, увидѣлъ дуло направленой на него винтовки, онъ бы старчески пожевалъ губами и раздѣльно, громко и внятно сказалъ: „Нѣмцы—свиньи. Я презираю свиней".

САНЛИСЪ.

Санлисъ — уединенный и тиіхій, утопающій въ садахъ, городъ, построенный еще во времена Капетинговъ. Среди парижскихъ окрестностей, — Шантильи, Фонтенбло, Компьеня, Сенъ-Клу, онъ занимаетъ почетное мѣсто. Короли старой Франціи, Карлъ Лысый, Гуго Канетъ и Людовикъ Благочестивый подолгу жили въ Санлисѣ. Кто хочетъ жить спокойной и мирной жизнью, тотъ слѣдуетъ ихъ примѣру и уѣзжаетъ въ Санлисъ.

Объ „уничтоженіи“ Санлиса много писали газеты: Говорили, что онъ разрушенъ до основанія, что его средневѣковый соборъ сожженъ, что именно здѣсь, въ 40 верстахъ отъ Парижа, нѣмцы превзошли себя въ жестокости и насиліи. И, когда яснымъ февральскимъ утромъ я ѣхалъ по Компьеньскому лѣсу, я ждалъ, что передо мною встанетъ та же, незабываемая картина, которую я видѣлъ въ Паньи, Ревиньи, Шатильонѣ, Сермезѣ и въ бомбардированныхъ кварталахъ Реймса. Я ждалъ, что отъ города остались только „пепелъ и дымъ“. Но, къ счастью, газеты преувеличили „sac de Senlis“.

Что же именно произошло въ непокорномъ Санлисѣ?

Почти до послѣдней минуты населеніе не вѣрило, что нѣмцы могутъ придти. Но 2-го сентября француз-

скій арьергардъ — сенегальцы, кирасиры, драгуны и ополченіе,—отсупая, покинулъ Санлисъ. Въ 3 часа нѣмцы открыли огонь изъ пушекъ. Бомбардировка длилась недолго. Пострадили: колокольня собора и нѣсколько домовъ на rue du Châlet, rue S-t Hilaire и на Place Henri IV. Кромѣ того, былъ убитъ одинъ человѣкъ,—каменщикъ Дропситъ. Около 4 часовъ въ городъ вступила нѣмецкая армія. Въ главный штабъ, въ гостиницу „Большого Оленя", былъ потребованъ мэръ Санлиса г. Одэнъ. На вопросъ нѣмецкаго генерала, есть ли въ городѣ французскія войска, мэръ отвѣтилъ, что французскій арьергардъ уже отступилъ. Этотъ отвѣтъ стоилъ жизни г. Одэну.

Въ 5-мъ часу со стороны rue de Faubourg-St.-Martin раздались ружейные выстрѣлы. Немедленно г. Одэнъ былъ арестованъ. Его отвели въ сосѣднюю деревню, Шаманъ, и разстрѣляли въ тотъ же день, вечеромъ. Городъ былъ подожженъ. Загорѣлись улицы de la République и de Faubourg-St.-Martin. Кромѣ того были взяты въ заложники шесть человѣкъ: гг, Риго, Оберъ, Поммье, Коттеро, Барбье и Деверъ. Всѣ они были разстрѣляны. Постановленіе нѣмецкаго военнаго суда гласило:

„По указу высшихъ властей. Если въ городѣ или въ деревнѣ гражданскія лица будутъ стрѣлять по нашимъ войскамъ, то городъ этотъ или деревня должны быть немедленно сожжены (réduit en cendre). За поступки отдѣльныхъ лицъ отвѣчаетъ все населеніе. Въ городѣ

Санлисъ жители стрѣляли въ нѣмецкихъ солдатъ. За это городъ Санлисъ долженъ быть подвергнутъ строжайшему наказанію".

Нѣмецкія власти не искали виновныхъ. Они не производили разслѣдованія. Но, дѣйствительно ли выстрѣлы на rue du Faubourg-St.-Martin были сдѣланы гражданскими лицами? Вотъ что пишетъ баронъ де-Марикуръ въ своей книгѣ „Senlis"·

„Самыя тщательныя и самыя добросовѣстныя разслѣдованія не могли установить виновности частныхъ лицъ. Въ одной изъ маленькихъ улицъ, примыкающихъ къ rue de la République, осталось нѣсколько запоздалыхъ солдатъ арьергарда. Ниже, въ ресторанѣ „Point-du-jour", были еще солдаты. Наконецъ, между больницею St. Lazare и лѣсомъ de la Muette наши войска прикрывали большой транспортъ артиллерійскихъ снарядовъ. При первыхъ же выстрѣлахъ жители разбѣжались. И въ каждомъ жителѣ нѣмцы видѣли виноватаго, точно Санлисъ былъ полонъ „вольныхъ стрѣлковъ".

Итакъ, позволительно думать, что городъ былъ частью сожженъ, и заложники были убиты только потому, что въ нѣмецкихъ солдатъ стрѣляли французскія войска. Но, если бы даже стрѣляли не войска, а частныя лица? По законамъ военнаго времени каждый „вольный стрѣлокъ" наказуется смертною казнью. Но за поступки отдѣльныхъ „вольныхъ стрѣлковъ" не отвѣчаетъ все населеніе. Нуженъ „указъ высшихъ властей", чтобы оправдать позорное разрушеніе Санлиса.

Я ходилъ по кривымъ переулкамъ, по лабиринту улицъ и площадей. На старой башнѣ били часы. Февраль свистѣлъ и плакалъ въ садахъ. Зіяли окна. Кривились крыши. Чернѣли обожженныя стѣны. Кое-гдѣ— слѣды взорвавшихся бомбъ: большія, круглыя, унылыя дыры. Городъ былъ почти пустъ, и звонко, по тротуарамъ, раздавались мои шаги. Мнѣ было грустно. Грустно не за разстрѣлянныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ людей, и не за поруганный безстыдно Санлисъ. Мнѣ было грустно за тѣхъ нѣмецкихъ солдатъ, которые по приказанію своихъ офицеровъ, разрушая французскіе города, разрушали вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣру въ Германію. Въ ея культуру, въ ея безсмертную душу.

НАНТЕЙЛЬ-ЛЕ-ОДУЭНЪ—БЕТЦЪ.

Побѣда на Марнѣ становится легендарной. Чѣмъ дальше уходитъ время, тѣмъ яснѣе вскрывается смыслъ этого рѣшительнаго—не Бородинскаго ли? — сраженія. Въ августѣ Франція была не готова. Нѣмцы вторглись въ нейтральную Бельгію, взяли крѣпости Льежъ и Намюръ и заставили отступить французовъ послѣ битвы подъ Шарлеруа. Это было тяжкое и жуткое отступленіе. Фонъ-Клюкъ двигался на Парижъ со скоростью 40 километровъ въ день, и, казалось, нѣтъ такой силы, которая можетъ остановить его увѣренное движеніе, какъ нѣтъ силы остановить морской шумящій на горизонтѣ приливъ. Правительство уѣхало изъ Парижа. Вслѣдъ за нимъ уѣхали канцеляріи, банки и присутственныя мѣста. Уѣхали и богатые люди. Парижъ погрузился во тьму. Надъ Sacré Coeur и Notre Dame, — предвѣстники неминуемаго несчастья,—летали Taube и Aviatik'и По темнымъ улицамъ бродили черныя тѣни, и робкимъ шопотомъ передавался многозначительный слухъ: нѣмцы вошли въ Санлисъ.

Но французская армія не была разбита. Въ то время какъ генералы Кастельно и Дюбайль удерживали нѣмецкія войска въ Лотарингіи и въ Альзасѣ по линіи Верденъ—Туль—Эпиналь—Бельфоръ, генералъ Жоффръ

11*

отступивъ за Марну, неожиданно отдалъ приказъ наступать. На востокѣ, спиною къ Вердену, расположилась армія генерала Саррайля, подъ прямымъ угломъ къ ней у Витри-ле-Франсуа, армія генерала де-Лангль-де-Кари, западнѣе, у Феръ-Шампенуаза, армія генерала Фоша еще западнѣе, у Монмирайля, армія генерала Франшэ д'Эспрэ, и на лѣвомъ флангѣ въ окрестностяхъ Куломмье, англійская армія генерала Френча. Но противъ праваго крыла нѣмцевъ, повернувшаго изъ Санлиса на югъ, не было достаточныхъ силъ. Наскоро изъ частей 4-го корпуса, изъ африканскихъ войскъ генерала Дрюда и изъ солдатъ парижскаго гарнизона была составлена еще одна, по счету шестая, армія, подъ командою генерала Монури. Эта новая, непредвидѣнная нѣмцами армія, заняла позиціи подъ прямымъ угломъ къ англичанамъ, у Нантейль-ле-Одуэна и Бетца. Ей, въ значительной степени, обязанъ генералъ Жоффръ своимъ великолѣпнымъ успѣхомъ на Марнѣ.

Есть много разсказовъ о сентябрьскомъ сраженіи. Говорятъ, что была минута, когда генералъ Фошъ телефонировалъ генералу Жоффру: „Мое лѣвое крыло отступаетъ, мое правое крыло не въ силахъ больше держаться, я поэтому атакую въ центрѣ“. Можетъ быть, это и анекдотъ, но неоспоримо, что Фошъ дѣйствительно атаковалъ въ центрѣ и разбилъ нѣмецкія войска. Говорятъ еще, что когда одинъ изъ генераловъ увѣдомилъ Жоффра, что въ его арміи остается на орудіе всего 10 снарядовъ и на винтовку всего 20 патроновъ

и что поэтому онъ находитъ, что осторожнѣе отступить, Жоффръ отвѣтилъ по телефону: „Если у васъ осталось 10 снарядовъ на пушку и 20 пуль на винтовку, то есть основаніе думать, что у непріятеля осталось ихъ еще меньше. Приказываю атаковать“. Этотъ отвѣтъ,—конечнечно, апокрифъ. Но въ анекдотахъ и апокрифическихъ приказаніяхъ чувствуется тотъ духъ, который владѣлъ тогда французскими войсками, — духъ мужества, твердости и рѣшимости на всякія жертвы, духъ блистательной и славной побѣды.

О генералѣ Монури нѣтъ разсказовъ и анекдотовъ. Но его парижская армія сыграла видную роль: 7-го сентября фонъ-Клюку грозило полное пораженіе, и, если бы не его многочисленные резервы, побѣда на Марнѣ превратилась бы въ разгромъ нѣмцевъ. 8-го передъ превосходною численностью врага армія Монури внезапно поколебалась, Фошъ выигралъ сраженіе у феръ-Шампенуаъ, а де-Ланлъ-де-Кари у Витри-ле-Франсуа, Франшэ д'Эспере у Монмирайля и Эстернэ. Нѣмецкая армія отступила въ полномъ составѣ. Отступилъ и фонъ-Клюкъ. Французы преслѣдовали нѣмцевъ до Эны. На Энѣ нѣмцы остановились и стоятъ до сихъ поръ.

Я посѣтилъ тѣ поля, на которыхъ армія Монури въ сентябрѣ защищала Парижъ. Я помню: въ день битвы сіяло лѣтнее солнце, было душно, и въ раскаленномъ Парижѣ камни дышали жаромъ. Теперь—туманъ и синяя мгла. Лѣсъ обнаженъ. Дороги размыты. Въ Нантейль-ле-Одуэнѣ слезятся сѣрыя стѣны, кривятся камен-

ныя, на курьихъ ножкахъ, лачуги. Въ Нантейль-ле-Одуэнѣ не было нѣмцевъ. Нѣмцы стояли въ Бетцѣ. И я,—благоговѣйный паломникъ, — медленно иду по пустынной дорогѣ въ Бетцъ.

Справа и слѣва—слѣды нѣмецкихъ солдатъ: голубыя коробки изъ-подъ консервовъ. Справа и слѣва—слѣды сраженія: траншеи. Справа и слѣва — слѣды убійства— могилы. Между не золотыми, а грязно-желтыми, неубранными стогами — деревянные, съ дощечками и надписями, кресты.

Въ Бетцѣ — разрушенныя строенія, еще не стертыя на воротахъ слова: „Gute Leute zu schohnen". Въ Бетцѣ все полно воспоминаній о нѣмцахъ. Я равнодушно прохожу мимо обгорѣлыхъ домовъ. Мой путь—къ Монрольскому лѣсу. Здѣсь, въ Монрольскомъ лѣсу, французы ходили въ атаку. Здѣсь, вотъ въ этихъ оголенныхъ кустахъ, рѣшалась судьба Парижа. Люди дрались, какъ звѣри. Грудь съ грудью и одинъ на одинъ.

Я вхожу въ вечерѣющій лѣсъ. Шумятъ вершины березъ. Пахнетъ мертвымъ листомъ. Я снимаю передъ могилами шляпу. Я не думаю о павшихъ въ бою. Я думаю о Вильгельмѣ, фонъ-Клюкѣ, о прусской гвардіи, объ этой страшной войнѣ и о тѣхъ нѣмецкихъ солдатахъ, которые здѣсь, въ Монрольскомъ лѣсу, сражались не за отечество, не за свои разоренныя семьи, а во имя завоеванія, во имя грубой и необузданной силы. И я шепчу:

„Такъ пали дѣлающіе беззаконіе, низринуты и не могутъ встать".

ШАМБРИ.

Пахнетъ мартомъ,—влажной землей. Набухаютъ зеленыя почки.

Кое-гдѣ на кустикахъ зеленѣютъ первые листья. Какъ странно видѣть этотъ ярко-зеленый цвѣтъ. Глазъ давно привыкъ къ свинцовымъ полямъ и свинцовому небу. И не вѣрится, что близко весна.

Въ Шамбри—память о сраженіи на Марнѣ. Кругомъ—траншеи, за траншеями—кладбищенская стѣна. Въ стѣнѣ пробиты бойницы. Если заглянуть въ такую бойницу, видишь ровное поле и туманный, на горизонтѣ, лѣсъ. Въ этомъ лѣсу защищались нѣмцы. По этому полю они ходили въ атаку. За стѣной укрылись французы, та же армія Монури, которая побѣдила при Бетцѣ. Я вхожу за каменную ограду.

Направо, у самыхъ воротъ—зіяющая дыра, слѣдъ нѣмецкой гранаты. Водосточныя трубы просверлены десятками пуль. Слѣды пуль вездѣ—на крестахъ, деревьяхъ, часовнѣ, на чугунныхъ рѣзныхъ воротахъ. Ихъ такъ много, этихъ мелкихъ слѣдовъ, что останавливаешься въ недоумѣньи. Какъ могли держаться французы? Точно лѣтомъ гроза. Точно пролился майскій дождь. Пролился и застылъ на оштукатуренномъ кирпичѣ.

У бойницы—трехцвѣтные флаги. Могилы. Я читаю: 204, 246, 282, 289-й полки и потомъ зуавы, зуавы, зуавы. Капитанъ Bigoudot, лейтенантъ Schmied, сержантъ Parin, солдаты Lafeuille, Payen, Brossier и еще много другихъ, незнакомыхъ, мнѣ неизвѣстныхъ, никогда невиданныхъ мной, уже умершихъ и все-таки близкихъ родныхъ, какъ братья. Когда бродишь среди этихъ свѣжихъ могилъ, знаешь твердо, безъ колебаній, что эти люди отдали жизнь за меня, за васъ, за насъ всѣхъ, за Францію, за Россію. Чѣмъ вознаградимъ мы ихъ матерей? Гдѣ наше благодарное уваженіе?

На могилахъ—юные, еще робкіе, еще безъ аромата, цвѣты. Я срываю бѣлый цвѣтокъ и медленно отхожу къ траншеямъ. Онѣ такія же, какъ были во время сраженія. За ними—то же ровное поле, тотъ же синѣющій въ утренней мглѣ, еще обнаженный лѣсъ. Надъ траншеями жужжитъ едва замѣтный аэропланъ.

Кто? Французъ или нѣмецъ?

Въ сумеркахъ черезъ Барси и Вареддъ, я возвращаюсь въ мирное Мо. Госпиталь. Просторная, на сорокъ кроватей, палата. Воздухъ душенъ, тяжко дышать. Холодно свѣтитъ газъ. Подъ бѣлою простынею—черные, горящіе лихорадкой глаза. Раненый говоритъ и я слушаю его, и думаю о могилахъ.

— Трудно и страшно заколоть человѣка штыкомъ. Пулей убить не страшно, потому что пулей—не видно. Не знаешь, ты ли убилъ или сосѣдъ или можетъ быть разорвалась шрапнель. И потомъ убить пулей—что это

значитъ? Нажать курокъ у винтовки. Одно движенье, невинное, быстрое... Но подумайте: передъ вами стоитъ человѣкъ, такой же какъ вы, только въ другого цвѣта шинели. Нужно поднять винтовку, размахнуться и ударить безъ сожалѣнія. Во время атаки—я понимаю. Во время атаки люди теряютъ разсудокъ... Но вотъ вамъ случай. Къ нашей траншеѣ, ночью, украдкой, подкрались нѣмцы. Вошли. Надо колоть. Ни наши, ни нѣмцы не колютъ... Винтовки на перевѣсъ, и—ждутъ. Никто не дѣлаетъ перваго шага. Не можетъ сдѣлать. Нѣмецкій капитанъ положилъ руку на плечо къ нашему лейтенанту и говоритъ: „вы мой плѣнникъ", а лейтенантъ отвѣчаетъ: „нѣтъ, не я плѣнникъ, а вы". Стоятъ и смотрятъ другъ другу въ глаза. И солдаты тоже стоятъ и смотрятъ... Такъ вѣдь ничего и не вышло. Нѣмцы ушли, а мы не стрѣляли...

Подходитъ молодая, въ бѣломъ халатѣ, сестра:

— Не волнуйтесь... Не говорите...

Я хочу встать и уйти. Меня давятъ тяжелыя стѣны, тяжелый запахъ, тяжелые, горящіе лихорадкой глаза. Мнѣ стыдно спрашивать, стыдно тревожить, стыдно любопытствовать здѣсь, въ этой мрачной палатѣ, гдѣ я—зритель, праздный и нескромный свидѣтель.

— Нѣтъ. Постойте... Я говорю... Вы знаете, иногда мы по нѣсколько дней не стрѣляемъ другъ въ друга. Точно по соглашенію. Пушки гремятъ, а мы не стрѣляемъ. Знаете, даже ходимъ вмѣстѣ къ колодцу... Видимъ, что несутъ имъ обѣдъ—не стрѣляемъ. Выглянетъ

ихъ солдатъ изъ траншеи—не стрѣляемъ... Вѣдь они такіе же люди, какъ мы... Зачѣмъ убивать?.. Я видѣлъ плѣнныхъ. Увѣряю васъ, имъ такъ же трудно, какъ намъ... Я ненавижу кайзера, всѣхъ этихъ фонъ-Клюковъ, но за что ненавидѣть солдатъ? Имъ приказали, они—и идутъ... Дайте воды, сестра.

На улицѣ вечеръ. Полутемно. У старинныхъ грохочущихъ мельницъ,—бѣлый водоворотъ. Шумитъ Марна,—та самая Марна, которая обагрилась кровью, которая на своихъ берегахъ увидѣла то, о чемъ со страхомъ будутъ разсказывать наши дѣти. Я смотрю въ ея глубокія воды и снова вижу Шамбри—кладбище, кресты и бойницы. Я не знаю зачѣмъ убивать. Но я знаю не разумомъ, а всѣмъ сердцемъ, что нужно, должно и есть за что умереть.

ЛѢСНОЙ СТОРОЖЪ.

Французскіе лѣса не похожи на наши. Когда входишь въ нашъ лѣсъ, чувствуешь, что онъ тянется на десятки неизмѣренныхъ верстъ. Глушь, смола, валежникъ и хвоя. За опушкой: черноземная пашня,—тоже глушь, тоже вольный просторъ. Во Франціи не лѣсъ, а благоустроенный паркъ. Неширокія, расчищенныя дороги. Изгороди. Печатныя объявленія. А когда рѣдѣетъ тонкоствольная заросль,—видишь церкви, огороды, сады и угрюмыя фабричныя трубы. Въ Россіи городъ напоминаетъ деревню: въ Москвѣ Иверская, дровни, рогожи, „Не бѣлы снѣги“ и крестьянская неторопливая рѣчь. Во Франціи деревня отравлена цивилизованной жизнью. Развѣ не отрава разноцвѣтная надпись „Chocolat Menier“ или „Pneu Continental“?

И все-таки просторно въ лѣсу. Не только просторно. На сырой и вязкой землѣ играетъ весело солнце. Шуршатъ опавшіе листья. Деревья тонутъ въ прозрачной мглѣ. Еще февраль, еще по зимнему, на оголенныхъ поляхъ летаютъ стаи воронъ, а уже безъ умолку чирикаютъ воробьи и безшумно вспархиваютъ фазаны. Какъ свѣжъ и крѣпокъ запахъ ранняго утра. Какъ глубоки омытыя дождемъ небеса. Какъ молоды лѣсные, гулкіе

звуки... И на минуту забываешь о нѣмцахъ и о войнѣ,—о траншеяхъ, пулеметахъ и пушкахъ.

Въ лѣсу—закрытая вѣтвями сторожка. Не шалашъ, не русская бревенчатая изба, а долговѣчный, крытый желѣзомъ, домъ. На дверяхъ слѣды винтовочныхъ пуль. На крышѣ знакъ взорвавшейся бомбы: развороченные, погнувшіеся листы и зіяющее, у слухового окна, отверстіе. Рядомъ—обгорѣлый, съ перебитой вершиною, вязъ.

Лѣсной сторожъ, старикъ въ охотничьихъ сапогахъ и бархатныхъ панталонахъ, выходитъ навстрѣчу. У него бѣлые, опущенные книзу усы, мужицкое, бритое, темно-коричневое лицо и голубые, немигающіе глаза. Такими у насъ рисуютъ гетмановъ-украинцевъ.

— Вы оставались въ лѣсу во время сраженія?

— Да, я оставался въ лѣсу.

— Съ какой стороны пришли нѣмцы?

— Со стороны Буйанси. Вотъ здѣсь были каски, черезъ дорогу—красные панталоны. 216-й, 218-й, и 219-й полкъ. Изъ Бретани. Кромѣ бретонскихъ полковъ—тюркосы. Кромѣ тюркосовъ,—стрѣлки.

— Французы ходили въ атаку?

— Да, въ атаку. Вы видите,—тамъ, за рвомъ, кончается лѣсъ. На опушкѣ дрались въ штыки. Послѣ сраженія я похоронилъ троихъ капитановъ. Капитанъ Дюпонъ былъ убитъ штыкомъ во время атаки. Капитанъ Ролланъ—пулей, на дорогѣ, въ лѣсу. Капитанъ Капнеръ—тоже пулей, возлѣ дома...

— А вы были дома?

— Я—сторожъ. Я былъ дома съ моей старухой... Въ воскресенье утромъ я ходилъ въ Буйанси. Нѣмцы говорятъ: въ 10 часовъ будемъ служить обѣдню. Но не служили... Въ одиннадцатомъ часу началась перестрѣлка. Я пошелъ къ себѣ, въ лѣсъ, домой. Подхожу къ лѣсу, вижу: лежатъ два солдата, два нѣмца. Около нихъ стоитъ ящикъ. Я поднялъ ящикъ,—40 кило,—и спряталъ въ пшеницу. Впослѣдствіи оказалось: полевой телеграфъ..

— А потомъ?

— Потомъ старуха спрашиваетъ меня: „гдѣ хлѣбъ“? Я ходилъ въ Буйанси за хлѣбомъ... Я говорю: „хлѣба нѣтъ“... Мы заперлись въ домѣ. Слышимъ: стрѣляютъ. Я открылъ двери, взглянулъ: кругомъ однѣ только каски. Старуха говоритъ: „я пойду за водой, къ колодцу“. Я говорю: „не ходи“... Она пошла. Зачерпнула воды, идетъ назадъ къ дому. Я стою на порогѣ, смотрю. Вдругъ вижу: присѣла старуха и уронила ведро. Я подошелъ. Приподнялъ ее, а она—извините—не дышитъ...

Онъ опускаетъ глаза. Но лицо его, какъ и прежде, спокойно. „Богъ далъ, Богъ и взялъ“... „Изъ земли вышелъ и въ землю уйдешь“... Не эту ли простую и ясную мысль я читаю въ его морщинахъ?

— А потомъ?

— Потомъ еще долго стрѣляли.

— Вы не ушли?

— Нѣтъ, я—сторожъ... Я оставался здѣсь, у колодца.

Онъ оставался „здѣсь, у колодца"... Онъ не испытывалъ и не соблазнялъ, вызывая, судьбу. Не пренебрегалъ стариковской жизнью. Онъ сторожъ. Онъ караулилъ свою, убитую нѣмецкой пулей, старуху. Куда же было ему уйти? Вмѣстѣ жили, вмѣстѣ умремъ. Это такъ очевидно, такъ не требуетъ доказательствъ. Онъ тоже „земля". Онъ тоже „въ землю уйдетъ"... Но онъ не умеръ. Онъ похоронилъ у колодца жену, похоронилъ троихъ капитановъ, похоронилъ въ одной огромной могилѣ, павшихъ въ битвѣ бретонцевъ и поставилъ большой, домодѣльный, изъ обгорѣлаго вяза, крестъ. Онъ похоронилъ также нѣмцевъ. Но надъ ними нѣтъ ни креста, ни придорожнаго камня.

Вечерѣетъ. Надъ вершинами обнаженныхъ липъ встаетъ ущербленный мѣсяцъ. Холодно. По мокрой землѣ туманомъ стелется вечерняя мгла. Не вспархиваютъ фазаны. Скоро ночь, ночное молчаніе... Это—кладбище, это не лѣсъ. Это не сторожъ, это—караулящій могилы могильщикъ.

———

ШАТОРУ.

Въ Шатору, въ департаментѣ Эндръ, находится лагерь нѣмецкихъ плѣнныхъ. Вѣрнѣе, не плѣнныхъ, а тѣхъ австрiйцевъ и нѣмцевъ, которыхъ война застала во Францiи. Въ этомъ лагерѣ нѣтъ солдатъ. Зато есть купцы, ремесленники, рабочiе, профессора, артисты и адвокаты. Многiе изъ нихъ оставили родину еще въ юности. Многiе почти забыли нѣмецкiй языкъ. У многихъ жены француженки. У многихъ дѣти говорятъ исключительно по-французски. И всѣ эти люди, полу-французы и полу-нѣмцы, нѣмцы по крови и французы по жизни, ждутъ недождутся, когда же окончится братоубiйственная война? Они не желаютъ побѣды Вильгельма и не мечтаютъ о пораженiи Жоффра. Они хотятъ мира,—того мира, который вернетъ имъ ихъ домъ, ихъ трудъ и ихъ разсѣянную по всей Европѣ семью. Если есть еще непоколебленные и убѣжденные „пасифисты", то ихъ слѣдуетъ искать въ Шатору.

Въ лагерѣ,—такихъ лагерей во Францiи 56,—содержится 660 человѣкъ. Мужчинъ 287, женщинъ 193, дѣтей 180. Всѣ эти случайные гости помѣщаются въ 10 павильонахъ,—новопостроенномъ зданiи больницы для сумасшедшихъ. Въ одномъ павильонѣ—нѣмцы, въ другомъ—венгерцы, въ третьемъ—чехи, въ четвертомъ—

поляки. Въ каждомъ,—по возможности, люди одного языка. Есть павильоны для холостыхъ, есть для женатыхъ. Во всѣхъ павильонахъ—паровое отопленіе и электрическій свѣтъ. Есть аптека. Есть докторъ. Утромъ—кофе, въ полдень—обѣдъ, вечеромъ—ужинъ. Кромѣ того,—магазинъ, въ которомъ можно за деньги получить, что угодно. Въ житейскомъ, хозяйственномъ смыслѣ сдѣлано все, чтобы плѣннымъ не жилось очень трудно.

Какимъ образомъ управляется лагерь? Кромѣ мѣстныхъ властей, имѣющихъ за нимъ верховное наблюденіе, есть уполномоченные отъ самихъ заключенныхъ. Всѣ неизбѣжныя, мелкія несогласія, всѣ споры, распри и ежедневныя столкновенія рѣшаются ими. Въ каждой комнатѣ свой начальникъ,—староста, „chef de chambrée“. Онъ—единственный—освобожденъ отъ черныхъ работъ, но онъ отвѣтственъ за спокойствіе и порядокъ. Эта мѣра,—тюремное самоуправленіе,—даетъ заключеннымъ maximum возможной въ ихъ положеніи свободы. Она устраняетъ необходимость полицейскаго, отяготительнаго, надзора.

Каково „настроеніе“ или, какъ говорятъ французы, „mentalité“ заключенныхъ? Оно не похоже на настроеніе военноплѣнныхъ. Солдаты, взятые въ плѣнъ, заранѣе знаютъ, что на время войны лишаются своихъ правъ и поневолѣ мирятся съ этимъ. Наоборотъ, гражданскія лица не могутъ освоиться съ новой жизнью. Они не могутъ привыкнуть къ казармѣ. Они не могутъ повѣ-

рить, что они—„непріятель“. Они не могутъ понять, въ чемъ заключается ихъ вина и за что ихъ посадили въ тюрьму. Отсюда,—тревога, боязнь, ощущеніе тягостнаго безсилія. Они чувствуютъ, что безправны, и не видятъ, не понимаютъ причины унизительной перемѣны. Развѣ они хотѣли войны? Развѣ они объявили войну? Развѣ они не желаютъ мира?

Какъ бороться съ такимъ „настроеніемъ“? Быть можетъ, единственный разумный исходъ—отмѣнить тюремный режимъ и позволить жить не въ казармѣ, а въ гостиницахъ и у частныхъ лицъ. Но французскія власти не считаютъ это возможнымъ. Значитъ, остаются палліативы. Одинъ изъ этихъ палліативовъ—работа. Въ лагерѣ есть сапожникъ, есть прачка, есть фельдшеръ, есть акушерка. Но ихъ единицы. Остальные заключенные праздны. Почему не разрѣшить имъ работать въ городѣ, на фабрикѣ, въ полѣ? Почему не устроить мастерскихъ въ самомъ лагерѣ, въ павильонахъ? Мнѣ извѣстно, что объ этомъ уже поднятъ вопросъ.

Представьте себѣ, что васъ, безъ всякой вины, только за то, что вы русскій, арестовали и заперли на замокъ въ тюрьму. Пусть въ этой тюрьмѣ вы сыты, пусть начальство внимательно къ вамъ,—клѣтка все-таки остается клѣткой. Если къ тому же у васъ нѣтъ работы, если дни ваши праздны,—каково должно быть состояніе вашего духа? Какимъ томленіемъ покажется вамъ ваша жизнь?

Отдѣльныя лица, главнымъ образомъ, поляки, аль-

засцы и чехи, имѣютъ право жить въ городѣ,—въ самомъ Шатору. По пыльнымъ улицамъ, мимо чахлыхъ, уже зеленыхъ бульваровъ, я иду на окраины, туда, гдѣ ютятся подслѣповатыя избы,—угрюмыя, сѣрыя, точно придавленныя постройки. На мостовой—разрытый булыжникъ, вмѣсто тротуаровъ,—канавы. Кругомъ жалкіе, величиною съ письменный столъ огороды. Я звоню у рѣшетки. Мнѣ отворяетъ хозяинъ. Онъ—бывшій учитель, старый, прожившій 10 лѣтъ во Франціи, чехъ.

— Вы русскій?

— Да, русскій.

— Я очень радъ... Я люблю Россію.

— Какъ живется вамъ въ Шатору?

— Я не жалуюсь. Французы—хорошій народъ. Въ особенности солдаты. У меня сынъ тоже солдатъ.

— Въ австрійской арміи?

Онъ улыбается.

— Нѣтъ, во французской.

— А вы здѣсь?

— А я, какъ видите, здѣсь... Когда будете въ Петроградѣ или Москвѣ, кланяйтесь отъ меня Россіи.

Я ухожу. Темнѣетъ. Захолустное Шатору погружается въ сонъ. Я радъ вернуться въ Парижъ. Радъ не думать о нѣмцахъ и о казармѣ. Я не забуду „плѣнного“ чеха. Въ Петроградѣ или Москвѣ я и за него поклонюсь Россіи.

———

ВЪ ЛОТАРИНГІИ.

I.

Нанси.

Что такое поле сраженія?

По описаніямъ и военнымъ картинамъ мы знаемъ Іену, Аустерлицъ, Бородино, Севастополь, Седанъ... Мы знаемъ, какъ сражались наши отцы. Мы видимъ развивающіяся знамена, кирасирскія каски, взмыленныхъ казачьихъ коней, горящіе на солнцѣ штыки, султаны и пики. Такъ отпечатлѣлась въ нашемъ воображеніи битва. Такою, вѣроятно, она и была. Но въ этой, невиданной еще доселѣ войнѣ, все измѣнилось, все приняло свой, особый, загадочный ликъ. Вы на полѣ сраженія. Вы видите воздушный на привязи шаръ, дымки взрывающихся снарядовъ, равнину, лѣсъ, обнаженные перелѣски, но не видите ни солдатъ, ни пушекъ. солдаты зарылись въ землю. Пушки спрятаны за стога. Вы слышите громъ орудій, трескъ пулеметовъ, слышите, какъ рвется шрапнель, слышите жужжаніе предательскихъ пуль,—и не знаете, гдѣ же именно непріятель, за какимъ холмомъ его искусно вырытая траншея? Все таинственно. Все неясно. И все просто, какъ проста солдатская смерть.

Вотъ первое, что поражаетъ васъ въ этой странной войнѣ. Есть и второе. Я говорю о большихъ городахъ непосредственно за линіей войскъ. Такихъ городовъ немного. Реймсъ, Амьенъ и Нанси. Непріятель въ нѣсколькихъ километрахъ. Ворчитъ далекая пушка. Цеппелины бросаютъ бомбы. Летаютъ Авіатики. Кажется,— еще одно, рѣшающее усиліе, и нѣмецкія войска войдутъ въ городскія ворота и взовьется нѣмецкій флагъ. Но это только такъ кажется. Городъ живетъ своей обычною жизнью. Нѣтъ тревоги. Нѣтъ страха. Есть увѣренность, что императоръ Вильгельмъ не сможетъ притти, что его усилія напрасны. И когда вы видите такой городъ, когда вы ходите по его площадямъ, когда вы слышите уѣздные разговоры,—разговоры о житейскомъ и мелкомъ,—вы не вѣрите, что рядомъ поле сраженія. То невидимое поле сраженіе, на которомъ невидимые солдаты умираютъ отъ невидимыхъ пулей.

Нанси—столица. Столица герцогства Лотарингскаго. Первый герцогъ Жераръ Альзаскій царствовалъ въ ней въ XI столѣтіи, послѣдній, Станиславъ, король польскій, скончался въ 1766 году. Съ тѣхъ поръ нѣтъ независимой Лотарингіи. Есть Франція. Есть департаментъ Мёртъ и Мозе́ль. Есть пограничная, цвѣтущая и богатая область. Въ 40 километрахъ Метцъ,—вчера французскій и сегодня нѣмецкій. Будетъ-ли онъ нѣмецкимъ завтра?

Въ августѣ, въ началѣ войны, никто не сомнѣвался, что нѣмцы возьмутъ Нанси. Въ Нанси не было и нѣтъ

укрѣпленій. Нанси не крѣпость. Нанси—открытый и незащищенный фортами городъ. Казалось болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ, что нѣмецкія войска безъ труда овладѣютъ имъ. Случилось другое. Быть можетъ, до сихъ поръ люди не отдаютъ себѣ отчета, что сдѣлали генералы Кастельно и Дюбайль для Лотарингіи, для Парижа и для побѣды на Марнѣ.

Въ окрестностяхъ Шампену былъ данъ рѣшительный бой. Съ 25-го августа французы атаковали безъ перерыва. Атаки эти не увѣнчались успѣхомъ, но французы не прекращали ихъ. Они сражались одинъ противъ двухъ,—два корпуса противъ четырехъ. Люди были измучены, некогда было ѣсть, некогда было спать. Но побѣждаетъ тотъ, кто хочетъ побѣды. 12-го сентября, послѣ трехнедѣльнаго боя, нѣмцы начали отступать, и 13-го правительственное сообщеніе гласило, что французскія войска заняли Сенъ-Діе, Люневиль, Баккара, Ремеревиль и Понтъ-а-Мусонъ. Императоръ Вильгельмъ, наблюдавшій съ Сейльскихъ холмовъ за контръ-атаками своихъ войскъ, вынужденъ былъ отложить свой торжественный въѣздъ въ Нанси. Стойкость арміи не только спасла Лотарингію. Она обезпечила правый флангъ французовъ на Марнѣ и даровала побѣду Жоффру. Въ этомъ историческое значеніе боевъ на Гранъ-Куроннэ.

Черезъ паркъ Пепиньеръ, черезъ золоченую, старинную площадь, мимо памятника королю Станиславу, я прохожу въ префектуру. Глухо и тяжко на востокѣ вздыхаетъ пушка. Мирно торгуютъ купцы. Мирно зво-

нятъ трамваи. Шумитъ мирный городъ. Нѣтъ войны. Нѣтъ сожженныхъ Люневиля и Жербевиллэ. Расцвѣтаетъ весна, голубѣетъ весеннее небо. Префектъ, г. Мирманъ, съ улыбкой встрѣчаетъ меня:

— Вы удивляетесь, что я улыбаюсь? Не удивляйтесь. Таковъ французскій характеръ. Нѣмцы на нашей землѣ. Сколько разоренныхъ семействъ, сколько выжженныхъ деревень!.. Мы побѣдимъ. Въ этомъ нѣтъ, конечно, сомнѣнія. Но, чтобы побѣдить, надо работать, надо ни на минуту не забывать, что намъ предстоитъ еще огромный и долгій трудъ. А хорошо работаетъ только тотъ, кто сохраняетъ улыбку. И эту улыбку мы, французы, сохранимъ до конца. И этотъ трудъ мы, французы, выполнимъ до конца.

Улыбка въ Нанси... Какъ это чуждо намъ, русскимъ. Можно-ли улыбаться? Франція сильна своими смѣющимися полями, своимъ солнечнымъ небомъ, своимъ живительнымъ и упорнымъ трудомъ, улыбкой своихъ сыновей,—тѣхъ солдатъ, которые съ пѣніемъ идутъ въ атаку и восторженно умираютъ. Умираютъ за родину и свободу.

II.

Казарма Молиторъ.

Я вхожу въ открытыя настежь ворота. Справа, слѣва и прямо передо мной огромныя, сѣрыя, изъ камня сдѣланныя палаты—казармы. На дворѣ пусто. Женскій голосъ поетъ марсельезу.

До войны здѣсь стоялъ гарнизонъ,—одинъ изъ расположенныхъ въ Нанси пѣхотныхъ полковъ. Теперь здѣсь маленькій городъ. Городъ скорби. Въ немъ живутъ лотарингскіе бѣглецы, тѣ лишенные крова люди, о которыхъ сказано въ Библіи: „Ихъ ярмо—ярмо желѣзное и узы ихъ—узы мѣдныя".

Они видѣли нашествіе нѣмцевъ. По ихъ орошеннымъ потомъ полямъ прошлись вооруженные люди. Эти люди сожгли ихъ дома, растоптали ихъ пашни, вырубили сады, и отъ богатыхъ и радостныхъ деревень остались пепелъ и дымъ. Эти люди распоряжались ихъ жизнью. Они миловали, они казнили. Они требовали безпрекословнаго послушанія. Развѣ это не ярмо изъ желѣза?

Ушли нѣмцы. Изъ Эпли, Номени, изъ Жербевилля, изъ Люневиля, изъ Понтъ-а-Муссона потянулись женщины, старики и дѣти. Караванъ несчастія и нищеты. Позади—могилы отцовъ, своя деревня, свой домъ и свой наслѣдственный трудъ. Впереди—неизвѣстность, голодъ, холодъ и дѣтскія слезы. И тоска по своему очагу. Тоска по винограднику, по дому, и по полямъ. Развѣ это не узы изъ мѣди?

Какъ пріютить 2500 человѣкъ? Какъ накормить всѣхъ голодныхъ? Въ Лотарингіи—непрекращающіеся бои. До бѣглецовъ-ли? До слабыхъ ли? До тѣхъ ли, кто не въ силахъ сражаться, не въ силахъ защитить ни Франціи, ни себя? Но нашлись люди, которые ихъ пожалѣли. Не пожалѣли. Нашлись люди, которымъ чув-

ство справедливости подсказало, что неимущему надо дать. Эти люди—префектъ г. Мирманъ и завѣдующій пріютомъ г. Шмидтъ.

Въ просторныхъ комнатахъ чисто выметенные полы. Стоятъ рядами кровати. Топится печь. У печки дряхлые старики. Одинъ старикъ—нѣмецъ. Онъ оттуда, съ другой стороны границы, изъ окрестностей Метца. Его сынъ—нѣмецкій уланъ. Но старикъ бѣжалъ не въ Страсбургъ, не въ Метцъ, онъ бѣжалъ въ Нанси,—къ тѣмъ, противъ которыхъ сражается его сынъ.

— Вы французъ?

— Да, я французъ.

— Но вашъ сынъ въ нѣмецкихъ войскахъ?

— Что дѣлать? Онъ нѣмецъ, а я французъ.

— Почему же вы до сихъ поръ оставались въ Германіи?

Старикъ трясетъ желтой, выцвѣтшей бородой и моргаетъ глазами:

— Почему я оставался въ Германіи?.. А виноградникъ? А домъ?..

Опять „узы мѣдныя“.

Пойдите по всѣмъ этажамъ. Загляните во всѣ углы. Разпросите матерей и отцовъ. Почти у всѣхъ сыновья солдаты. У многихъ нѣтъ уже сыновей: они убиты въ бою. У многихъ ранены. У многихъ пропали безъ вѣсти. Домъ разрушенъ и сынъ убитъ. На рукахъ малолѣтнія дѣти, и изъ окна—пустынный дворъ и казарма. Казенный ужинъ, казенный обѣдъ. Пусть справедливое,

но все-таки подаяніе. Развѣ не снова—„ярмо желѣзное“?

Дѣти учатся въ школѣ. Сколько ихъ, маленькихъ, быстрыхъ, съ лукавыми и смѣющимися глазами... Бѣлоголовыхъ, черноволосыхъ, румяныхъ въ разноцвѣтныхъ, какъ весеній садъ, платьяхъ. И они сами весеннія, ясныя. Они знаютъ, что случилось несчастіе, но они не понимаютъ его. Они счастливы: въ казармѣ Молиторъ чисто и сытно, кругомъ забота и любящее вниманіе. Дворъ великъ. Можно бѣгать, можно радоваться, можно шумѣть. Въ старшемъ классѣ, у мальчиковъ г. Мирманъ задаетъ вопросъ:

— Ты, шалунъ на первой скамейкѣ, ты знаешь, что такое республика?

Встаетъ угловатый, широкоплечій съ деревенскимъ лицомъ мальчуганъ,—будущій лотарингскій пахарь. Онъ застѣнчиво опускаетъ глаза. Онъ и радъ, что спрашиваютъ его, и боится, что не умѣетъ отвѣтить, и волнуется за товарищей и себя.

— Девизъ республики—братство, равенство и свобода.

— Хорошо. Что такое свобода?

— Свобода есть право каждаго дѣлать все, что ему угодно, если это не вредитъ его ближнему.

— Хорошо. Что такое равенство?

— Всѣ люди равны передъ закономъ.

— Хорошо. Что такое братство?

— Люди должны любить другъ друга, какъ братья.

— Хорошо. Ты, веселый, на послѣдней скамейкѣ, скажи мнѣ, всегда-ли во Франціи была республика?

Подымается маленькій человѣкъ, — другой будущій лотарингскій работникъ. Краснѣетъ и шепчетъ скороговоркой:

— Нѣтъ, не всегда. Республика установлена въ 1870 году.

— А раньше что было?

— Императоръ Наполеонъ III.

— А до него?

— Республика.

— Хорошо. А когда была великая революція?

— Въ 1789 году.

Такіе вопросы задаетъ французскій префектъ. Такъ отвѣчаютъ французскія крестьянскія дѣти.

Въ старшемъ классѣ, у дѣвочекъ, г. Мирманъ говорилъ рѣчь. Онъ говорилъ спокойно и просто, какъ говорятъ убѣжденные въ своихъ словахъ люди. Онъ говорилъ о войнѣ, о нѣмцахъ, о Лотарингіи и Альзасѣ. Онъ говорилъ о французскихъ солдатахъ, которые умираютъ въ траншеяхъ. Онъ говорилъ о Франціи, о ея неугасающемъ духѣ свободы. И онъ говорилъ о грядущей побѣдѣ,—побѣдѣ права надъ силой. Я оглянулся кругомъ. Я увидѣлъ дѣтскія лица, внимательно устремленные на г. Мирмана глаза и крупныя, не дѣтскія слезы. Слезы горя, радости и любви.

Кончились классы, и я вышелъ во дворъ. На дворѣ мальчики учились военнымъ пріемамъ. Молодой, красно-

щекій учитель маршировалъ вмѣстѣ съ ними. Они шли и пѣли. Пѣли, четко выговаривая слова:

„Allons enfants de le patrie
Le jour de gloire est arrivé
Contre nous de la tyrannie
L'Etandart sanglant est levé
Aux armes citoyens!"...

Я смотрѣлъ на этихъ деревенскихъ ребятъ, на ихъ стройныя и увѣренныя движенія. Я слушалъ ихъ веселые голоса. Я вспоминалъ вопросы префекта. Я повторялъ величественный напѣвъ марсельезы. И я говорилъ себѣ: „Въ казармѣ Молиторъ не только пріютили безпріютныхъ и сиротъ, не только напоили жаждущихъ и накормили голодныхъ. Въ казармѣ Молиторъ, въ 20-ти километрахъ отъ нѣмцевъ, на плодоносную лотарингскую землю упало неумирающее зерно—зерно свободы, братства, равенства и любви".

III

Монсель.

Въ грязномъ деревенскомъ кафе, у притолоки, стоитъ старуха. Кирпичнаго цвѣта, сморщенное лицо, сгорбленная отъ непосильной работы спина, сѣдые волосы и жесткія, съ деревянными пальцами, руки. Юбка ситцевая. На головѣ—шерстяной платокъ. Не русская-ли, не польская-ли это крестьянка? Но она говоритъ по-французски, съ пѣвучимъ лотарингскимъ акцентомъ. И пока она говоритъ, я думаю о Лодзи и Скверневицахъ.

Сколько тамъ такихъ несчастныхъ старухъ и такихъ „военныхъ“ разсказовъ?

— Монсель, господинъ,—граница. Здѣсь французы, тамъ—нѣмцы... Послѣ Моранжа мы поняли, что нѣмцы непремѣнно придутъ. Мэръ убѣжалъ. Говоритъ: „Для васъ, что-ли, мнѣ рисковать своей шкурой“? Кюрэ остался. А мы съ мужемъ,—мой мужъ муниципальный совѣтникъ,—надо вамъ сказать, патріоты. Мы подумали и тоже остались... Приходятъ нѣмцы. Вестфальцы. Мужъ вышелъ навстрѣчу. „Мяса! Вина! Шампанскаго. За все заплатитъ Пуанкарэ!..“ Это такъ они говорили. Подумайте: шампанскаго! Имъ! Лейтенантъ Галлюсъ, въ каскѣ, длинноногій, красный, сердитый, приказываетъ:

„Никому на улицу ни въ какомъ случаѣ не выходить“... Ну, я, конечно, дома сижу, а мужъ пошелъ по дѣламъ: надо накормить 12.000 солдатъ, а жителей въ Монселѣ—1.600 человѣкъ... Подумайте только!.. Сижу. Вдругъ слышу: стрѣляютъ. Что такое? Не пришли-ли французы? Выглянула въ окно, вижу: нѣмецъ выстрѣлилъ въ воздухъ. Хорошо. Бѣжитъ лейтенантъ Галлюсъ: „Кто стрѣлялъ? Гдѣ? Почему? На какомъ основаніи?..“ Трясется весь. Я выхожу: „Господинъ лейтенантъ, это стрѣлялъ вашъ солдатъ“.—„Неправда“.—„Я видѣла“.—„Неправда!.. Я знаю: это жители стрѣляютъ изъ оконъ... Sales franzous! Sales espions! Franzous kaputt!..“ Я было снова: „Господинъ лейтенантъ, я видѣла, вашъ, молъ, солдатъ“... И разговаривать не желаетъ. Слышу снова: палятъ... Потомъ узнала: убили

женщину и ребенка... Ну, жду мужа. А надо вамъ сказать, со мною былъ сынъ, восемнадцати лѣтъ. Вдругъ стучатъ въ дверь. Открываю. Входятъ каски, спрашиваютъ: гдѣ мужъ? Я говорю: пошелъ по вашему приказанію купить вамъ вина.—„А это кто?“—„Сынъ“.— „А, сынъ... Sale franzous...“ Схватили сына, поволокли. Я иду сзади, прошу: отпустите его... Онъ ничего вамъ не сдѣлалъ... Куда вы ведете его?..“—„Это васъ не касается...“ Меня, мать, не касается, если сына арестовали? А? Что вы на это скажете? Я говорю: „Отдайте сына...“ А лейтенантъ Галлюсъ смѣется въ глаза: „Sale espion!..“

— А мужъ?

— Погодите... Вернулся мужъ. Приходятъ солдаты. „Вы муниципальный совѣтникъ Сушонъ?“—„Да, я— муниципальный совѣтникъ Сушонъ“.

— Маршъ!.. Господи, что-то будетъ? Взяли еще господина кюрэ, по фамиліи Кленъ, взяли еще одного крестьянина, Марешаля... Я уже и не знаю, куда мнѣ бѣжать: къ мужу ли, къ сыну? Ужъ и не знаю, за кого мнѣ? просить Плачу. Спрашиваю лейтенанта Галлюса, „Въ чемъ провинился мой мужъ?“—„Это васъ не касается“. Опять не касается?.. Прохожу мимо школы.— Монсель не очень разрушенъ, не то, что Ремеренвиль: напримѣръ,—въ школѣ госпиталь для нѣмецкихъ солдатъ. Вижу—телѣга. На землѣ соръ: марля, бинты, бѣлье, склянки. И кровь. Подходитъ солдатъ, суетъ мнѣ въ руки лопату: нагружай, молъ, телѣгу... Я—старуха;

надо повиноваться... Работаю я лопатой. А нѣмцы, здоровые, какъ быки, стоятъ кругомъ и смѣются. Я говорю: „Чего вы, грязные боши, смѣетесь? Взяли бы лопаты, да помогли. Нечего вамъ баклуши бить, да меня заставлять работать... Видите, я старуха“... Сейчасъ одинъ подскочилъ, винтовка на перевѣсъ, и какъ закричитъ на меня: „Franzous kaput!“... Вотъ.

— Что же они сдѣлали съ вашимъ мужемъ?

— Погодите... Сына посадили въ тюрьму. Четверть литра воды и 200 граммовъ чернаго хлѣба. Сидитъ. А мужа, господина кюрэ и господина Марешаля отвели въ Шато-Салонъ. Вырыли яму, поставили передъ ней. Выстроили двѣнадцать солдатъ. Зарядили солдаты ружья, но не стрѣляютъ. Мужъ мой,—онъ, извините, заика,—стоялъ, стоялъ, потомъ разсердился, разстегнулъ пиджакъ, показываетъ себѣ на грудь: „Свинья, трусы, подлые боши, стрѣляйте же, наконецъ!“... А такъ какъ онъ, говорю вамъ, заика, то сказалъ онъ это не сразу, да и волновался, конечно. А нѣмцы смѣются. Онъ опять: „Свиньи... Я умру, но на французской землѣ“... Тутъ подошелъ капитанъ, приказалъ связать руки и отвести въ префектуру. Въ префектурѣ—судъ. Нѣмцы говорятъ: „Вы—шпіонъ“. Мужъ отвѣчаетъ: „Я не шпіонъ, а французъ“. Мы вѣдь,—я объяснила вамъ,—патріоты. Что-то они тамъ говорили между собой, мужъ по нѣмецки не понимаетъ, развѣ только Fleisch или Bier... Черезъ десять минутъ объявили ему приговоръ... Ну, онъ понялъ, что его оправдали..

— А сынъ?..

— Сына тоже освободили... Слава Богу, оба живы, оба здоровы... Только скажите мнѣ, господинъ, кто же намъ заплатитъ за нѣмцевъ? Вѣдь они не платили. Возьмутъ десятъ овецъ, а пишутъ, что взяли десять кастрюль... Какая цѣна кастрюлямъ? А то подпишутся такъ, что ничего нельзя разобрать... Или поддѣлаютъ подпись: Пуанкарэ... Это что же такое? Это—обманъ!.. Вѣдь разорили до-тла Монсель, все выпили и все съѣли... Послѣ войны намъ заплатятъ за наши убытки?.. Ну, а если и не заплатятъ,—прибавляетъ она, помолчавъ,—ничего... Богъ дастъ, наживемъ... А вотъ, кого убили, тѣхъ не вернешь... Жалко. Какъ жалко!.. Но что же дѣлать? Лишь бы была побѣда за нами!.. Знаете, когда мужъ вернулся послѣ суда, первое, что онъ сказалъ: „Да здравствуетъ Франція!"... И сынъ тоже. И я то же самое говорю. Какъ вы думаете, мы побѣдимъ?

Я ничего не отвѣтилъ. Я посмотрѣлъ на ея слезящіеся глаза, на сѣдыя пряди волосъ, на кирпичныя, изможденныя щеки, и я представилъ себѣ ея мужа-заику у вырытой ямы передъ дулами нѣмецкихъ винтовокъ. „Трусы, свиньи, подлые боши, стрѣляйте же, наконецъ!"... И я не вымолвилъ вслухъ, но подумалъ благоговѣйно: „Да здравствуетъ французскій народъ!"...

IV

Жербевиллэ.

Тамъ, гдѣ прошли нѣмецкія войска, повсюду „сдѣлалась кровь". Разрушены Шатильонъ, Шангюйонъ,

Санлисъ, Номени и Лувэнъ. Разрушено и Жербевилэ.

За что?

За что грабить, жечь, разстрѣливать стариковъ? За что убивать дѣтей?

Мнѣ скажутъ: это—война. Таковъ ея печальный законъ: лѣсъ рубятъ, щепки летятъ.

Но, вѣдь, не щепки, а люди. Трехлѣтнія дѣти... Во время балканской войны мы возмущались жестокостью турокъ. Мы говорили: „турецкія звѣрства". Не это ли жуткое слово мы обязаны повторить теперь?

Французы, отступая, оставили въ Жербевиллэ арьергардъ: 75 солдатъ 2-го стрѣлковаго батальона. Эти 75 солдатъ сражались 12 часовъ противъ превосходныхъ непріятельскихъ силъ. Они отступили, потерявъ свыше 25 человѣкъ. Нѣмцы вошли въ деревню. Что они сдѣлали съ ней?

„Я спрятался въ погребъ,—говоритъ очевидецъ.—Я выбралъ минуту, чтобы попытаться бѣжать. Я осторожно вышелъ на улицу. Былъ полдень, но дымъ отъ пожаровъ былъ такъ непроницаемо густъ, что на улицѣ было черно, какъ въ печкѣ. Въ черномъ дыму сверкало красное пламя. Изъ домовъ раздавались крики... Я потерялъ все, что имѣлъ... Вотъ посмотрите: здѣсь находился мой домъ. Теперь здѣсь зола и камни. Нѣмцы говорили „товарищъ" и, говоря это слово, били меня прикладами въ грудь"...

Опять волнующій и неразрѣшимый вопросъ: кто ви-

новенъ въ непрощаемыхъ преступленіяхъ? Солдаты? Офицеры? Система? Я не смѣю никого обвинять, не смѣю дѣлать упрековъ. Я передаю то, что было. Пусть исторія найдетъ виноватыхъ. Но я твердо знаю одно: если нѣмцы хотѣли посѣять не разсуждающій страхъ, если они добивались безмолвнаго послушанія,—они не достигли цѣли. Они разбудили не ужасъ, а гнѣвъ.

Вотъ что гласитъ отчетъ французской правительственной комиссіи:

„Войдя въ Жербевиллэ, нѣмцы начали жечь дома и разстрѣливать или арестовывать всѣхъ прохожихъ, причемъ не щадили ни женщинъ, ни стариковъ. Изъ 475 домовъ осталось не болѣе 20. Около 100 человѣкъ пропало безъ вѣсти, около 50 было убито. Однихъ нѣмцы уводили въ поля и тамъ убивали, другихъ убивали на улицахъ или дома. До сихъ поръ удалось установить 36 фамилій. Убиты: господа Бартелеми, Блоссъ, Робинэ, Кретьенъ, Реми, Бургиньонъ, Перрэнъ, Виллъомъ, Бернаскони, Готье, Меню, Симонъ, Лингельгельды — отецъ и сынъ, Бенуа, Калэ, Адамъ, Кайль, Люлье, Регрэ, Плэдъ, Леруа, Бацціоло, Жэнтиль, трое Делановъ, Бреневальдъ, Парисъ, Йонгъ, Франсуа и госпожи Перро, Куртуа, Готье, Гильомъ, Перрэнъ и Микель.

15 человѣкъ изъ числа этихъ несчастныхъ были погребены жителями Жербевиллэ. Почти у всѣхъ были связаны руки и у нѣкоторыхъ на глаза была надѣта повязка.

16-го октября въ мѣстности, называемой О-де-Вор-

монъ, подъ землей, на глубинѣ 20 сантиметровъ, было обнаружено 10 труповъ, всѣ со слѣдами ружейныхъ пуль. На одномъ изъ нихъ было найдено проходное свидѣтельство на имя Эдуарда Сейфа изъ Бадонвиллэ. Остальные девять остались неустановленными. Есть основаніе предполагать, что всѣ они—жители Бадонвиллэ, приведенные нѣмцами въ Жербевиллэ для разстрѣла.

Во время пребыванія нѣмцевъ въ Жербевиллэ на улицахъ и въ домахъ происходили тяжкія сцены. Такъ, напримѣръ, г-жа Розье слышала крикъ: „Пощадите". Кто-то кричалъ въ одномъ изъ сараевъ, принадлежащихъ гг. Пуансару и Барбы. Человѣкъ, служившій переводчикомъ при нѣмецкихъ войскахъ, разсказалъ г-жѣ Тьебо, что нѣмцы сожгли живьемъ одного крестьянина, отца пятерыхъ дѣтей. Этотъ разсказъ заслуживаетъ большого вниманія, ибо впослѣдствіи въ сараѣ г. Пуансара былъ найденъ обугленный трупъ.

„Сдѣлалась кровь"... Тамъ, гдѣ было Жербевиллэ,—теперь прахъ, пустыня и запустѣніе. И не правъ-ли былъ Клемансо, когда писалъ свои исполненныя негодованія строки: „Пламя пожара, стоны, крики, проклятья, жалобы женщинъ и слезы дѣтей... Шампанское, звонъ стакановъ и пѣсни пьяныхъ солдатъ: „Deutchland. Deutchland über alles!.." И это дѣлаютъ люди, которые считаютъ себя выше всѣхъ остальныхъ людей!..

Завтра окончится братоубійственная война. На раз-

валинахъ разстрѣляннаго Жербенвиллэ заиграетъ съ новой силою жизнь. Заживутъ кровавыя раны. Но забудется-ли, простится-ли смертный грѣхъ? Я не могу, я пытаюсь и не умѣю понять, какимъ образомъ нѣмецкій народъ, зная о неистовыхъ злодѣяніяхъ, примирился съ ними и промолчалъ? Промолчалъ, какъ рабъ, какъ до гроба вѣрный слуга своего безумнаго господина.

ШАЛОНЪ-НА-МАРНѢ.

Въ Шампани, въ окрестностяхъ Мениля и Босежура, идутъ жестокіе и непрекращающіеся бои. На этотъ разъ атакуютъ французы. Это—не сраженіе въ открытомъ полѣ. Это—траншейная, долгая, тяжелая, почти подземная, почти невидимая война. Каждый день приноситъ побѣду французамъ,—побѣду, т. е. выигрышъ нѣсколькихъ метровъ, одной траншеи, одного укрѣпленія. Одинъ день—ничто, едва замѣтное движеніе впередъ. Недѣли—много. Мѣсяцъ—огромно. Будутъ ли нѣмцы черезъ мѣсяцъ хозяевами Шампани,—той Шампани, которая, принадлежитъ имъ „по праву"?

Одна оставленная врагомъ траншея—сотни раненыхъ и убитыхъ. Съ сѣвера тянутся поѣзда. Въ весеннемъ воздухѣ грохочутъ колеса. Черезъ раскрытыя окна я вижу бѣлые халаты врачей и красные кресты на повязкахъ. Какъ много этихъ медленныхъ поѣздовъ... Какъ странно видѣть нарождающуюся весну и знать, что на распаханныхъ, и напоенныхъ влагой поляхъ лежатъ непогребенные трупы. Какъ трудно создается новая жизнь и какъ губителенъ ея безцѣнный посѣвъ...

Шалонъ-на-Марнѣ—военный лагерь. Здѣсь все стройно, твердо и остро. Здѣсь чувствуются напряженіе войны,

ея трудъ, ея нелицемѣрная жертва. Здѣсь не газетный отзвукъ сраженій, не разговорная пыль о войнѣ. Здѣсь гремятъ въ отдаленьи пушки. Здѣсь винтовки, сабли и митральезы, заросшія волосами люди, голубыя, изношенныя шинели и офицерскіе затянутые синимъ сукномъ галуны. На улицахъ—солдаты, только—солдаты. Въ мартѣ разливаются рѣки. Разливается Марна. Она затопляетъ низкіе берега, и за ея береговымъ камышомъ струятся вешнія воды. И когда я смотрю на истомленныхъ траншейной жизнью солдатъ, когда я слышу немолчный грохотъ автомобилей, когда я вижу всю эту сложную и размѣренную въ своемъ единообразіи, военную суету,—мнѣ кажется, что не Марна вышла изъ береговъ. Мнѣ кажется, что изъ Парижа, Марселя› Гренобля, Бордо, изъ Бретани, изъ Оверни и изъ Прованса заструились на сѣверъ голубые, неизсякаемые въ своихъ глубинахъ, ручьи. Эти ручьи сольются въ полноводную рѣку. Эта рѣка, ея извѣчная сила, — сила непреклоннаго въ своемъ желаньи народа,—затопитъ не только Шампань. Ея волны доплещутъ до Рейна. До Рейна-ли? Или до обезсиленной, пересыхающей лѣтомъ Шпрее?

Я хожу по Шалону и слушаю пушку. Я давно не слышалъ ея. Все тотъ же гулкій, звѣриный ревъ. Точно бьется звѣрь въ своей клѣткѣ. Такъ кажется свидѣтелю,—мнѣ. Такъ не кажется траншейнымъ людямъ,—солдатамъ. Для нихъ этотъ гулъ—не символъ, не лишній поводъ для разговора. Для нихъ это—жизнь, смер-

тельная и неотвратимая въ своей простотѣ угроза. Когда они вернутся къ себѣ, въ свои покинутыя деревни, имъ долго будетъ слышаться гулкій ревъ,—ревъ не звѣря, а человѣка.

У воротъ городской тюрьмы — кирасиры, драгуны, жандармы. Рядомъ съ ними—военная, одноцвѣтно-голубая толпа. Я затерялся въ этой толпѣ. Я жду. Во мнѣ рождается мятежное чувство. Это не жуткое любопытство. Не жалость. Не состраданіе. Не дешевая и недостойная месть. Это чувство сложнѣе и глубже. Я знаю: сейчасъ, изъ этихъ воротъ выйдутъ плѣнные нѣмцы. Они—враги. Они—чужіе. Они—незванные гости. Но что-то породнило насъ здѣсь, у рѣшетки этой мрачной тюрьмы. Ихъ несчастіе? Или мое? Несчастіе всѣхъ безъ исключенія людей и всѣхъ враждующихъ на землѣ народовъ? Несчастіе страшной войны?

Плѣнныхъ нѣсколько сотъ человѣкъ. Между ними три офицера. Я видѣлъ нѣмецкихъ солдатъ въ сентябрѣ, потомъ я ихъ видѣлъ зимой, послѣ фландрскихъ сраженій. То были крѣпкіе, высокіе, закаленные въ бояхъ, люди. Тѣ, которыхъ я вижу теперь, или мальчики 19-ти лѣтъ, или согбенные старики. Ихъ лица сѣры. Ихъ руки праздны. Ихъ плечи безнадежно опущены внизъ. Они идутъ, какъ идетъ лишенное пастыря стадо, пугливо озираясь вокругъ, не вѣря ни себѣ, ни тѣмъ, которые окружаютъ ихъ. Толпа на тротуарахъ молчитъ. Ни слова, ни восклицанія. Точно этой почтительной тишиной мы признаемъ ихъ несчастіе и печалимся объ

ихъ жизни. Ибо жизнь ихъ достойна печали. Въ ней нѣтъ утѣшенія: нѣтъ искупающей кровь побѣды.

Я отмѣтилъ среди плѣнныхъ солдатъ одного: маленькій, тонкій, худой, съ зеленовато-блѣднымъ лицомъ, въ зеленовато-сѣрой шинели, онъ растерянно улыбался. Но это не была угодливая улыбка. Въ ней не было ни робости, ни униженія, ни лести. Мнѣ казалось, что онъ улыбается не жандармамъ, а своимъ, какъ птицы вспугнутымъ, мыслямъ. Быть можетъ, онъ радовался тому, что окончилась траншейная жизнь, что не свистятъ жужжащія пули и что не рвется съ визгомъ шрапнель. Быть можетъ, онъ радовался тому, что Господь даровалъ ему жизнь.

И когда я уѣзжалъ изъ Шалона, я уже не думалъ о разлившихся рѣкахъ и о непреклонной силѣ народа. Я думалъ о мирной радости жизни. Я думалъ о томъ, что каждый имѣетъ право на жизнь.

КОМПЬЕНЬ.

Jsle de Erance удивляетъ своей природой. На первый взглядъ въ зеленыхъ рощахъ и цвѣтущихъ садахъ, въ звенящихъ рѣкахъ и глубоко-голубомъ небѣ нѣтъ ничего, что бы привлекало сосредоточенное вниманіе. Вездѣ есть рощи, сады и рѣкѣ. Вездѣ сіяетъ весеннее солнце. На югѣ прекрасно море, въ Савойѣ—горы, въ Шампани—виноградники, въ Нормандіи--воздѣланныя поля. Но Jsle de France прекрасенъ не частями, а цѣлымъ, не подробностями, а всей картиной,—той размѣренностью линій и красокъ, той послѣдней мѣрой въ рисункѣ когда природа граничитъ съ искусствомъ. Не отъ этой ли мѣры въ природѣ зависитъ чувство мѣры французовъ,—драгоцѣнное чувство, почти незнакомое намъ, русскимъ, жителямъ безмѣрныхъ полей и непроходимо-безграничныхъ лѣсовъ? Французскій геній создалъ Place de la Concorde. Не въ каменныхъ ли дворцахъ и не въ прозрачной ли перспективѣ воплотилось это сложное чувство? Place de la Concorde—сердце Парижа, его запечатлѣнная, трудовая и въ трудѣ спокойная жизнь. Jsle de France—сердце Франціи, ея отраженіе, ея зеркало и ея отраженный въ зеркалѣ ликъ. Такъ было до объявленія войны. Такъ есть и теперь. Но теперь, когда видишь изумрудомъ зеленѣющія поля и очерченный

рощами, мягкій и ласковый горизонтъ, не радуешься глубокому небу. Не радуешься, но вспоминаешь безбольно:

„Все та жъ высокая, безоблачная твердь,
„Все такъ же грудь твоя легко и сладко дышитъ.
„Все тотъ же теплый вѣтръ верхи деревъ колышетъ,
„Все тотъ же запахъ розъ.,. и это все—есть смерть“.

Въ Mitry-Cleye—замокъ, который въ сентябрѣ занималъ фонъ-Клюкъ и въ которомъ, какъ говорятъ, онъ отдалъ приказъ къ отступленію. Въ Crépy-en-Valois—уѣздная глушь, далекій тылъ арміи, ея нестроевыя интендантскія части. Въ Langueil-st-Marie — отдаленные вздохи орудій и, наконецъ, въ Компьенѣ, въ компьенскомъ лѣсу,—яростно-близкіе ихъ раскаты. Вотъ я снова цѣлый день слышу пушку. Вотъ я снова различаю ея звѣриные голоса. Короткій звукъ полевыхъ батарей: четыре выстрѣла и обѣщающее молчаніе. Глухой ревъ Римальо. Заглушенный гулъ нѣмецкой мортиры. Гдѣ-то падаетъ разрушенная стѣна: это стрѣляютъ французы. Кто-то властный эхомъ повторяетъ ея паденіе: это нѣмцы гремятъ за лѣсомъ. Синій май расцвѣлъ въ Jsle de France, бѣлымъ цвѣтомъ одѣлись сады и зажелтѣли поля пшеницы...

Развѣ здѣсь, въ Компьенѣ, у компьенскаго, королевскаго, съ рѣзной рѣшеткой, дворца можно, нужно, дозволено слушать пушку?

Грохочутъ пушки, но городъ Компьень спокоенъ. Въ Forêt de Laigue въ Puisaleine, въ Attichy—французы,

въ Tracy-le-Mont и въ Tracy-le-Val—нѣмцы. Въ десяти километрахъ—тѣ незваные и безстыдные гости, которые прошлись по Франціи огнемъ и мечомъ и до сихъ поръ не покидаютъ ее. Ихъ присутствіе, ихъ нависшая грозовою тучей угроза чувствуются на тихихъ улицахъ и на пустыхъ площадяхъ. Она чувствуется въ одеждахъ: въ желтыхъ гетрахъ англійскихъ солдатъ, въ свѣтло-голубыхъ шинеляхъ французовъ, въ ярко-алыхъ бурнусахъ гумье и въ синихъ курткахъ спаги. Она чувствуется въ осѣдланныхъ лошадяхъ, въ военныхъ автомобиляхъ, въ томъ, что въ густолиственномъ паркѣ учатся подъ липами новобранцы и что сѣдой капитанъ говоритъ имъ короткую рѣчь. Она чувствуется въ цеппелинахъ, въ аэропланахъ, въ госпиталяхъ, въ тяжелыхъ повозкахъ и во взорванныхъ калѣкахъ-мостахъ. Но она не чувствуется у жителей, у тѣхъ смиренныхъ людей, которые видѣли, какъ побѣдоносно пришли нѣмецкія войска и какъ поспѣшно они отступили. Жители привыкаютъ... Не только привыкаютъ: они увѣрены, что фонъ-Клюкъ не вернется. Откуда эта твердая вѣра? Что питаетъ ее? На этотъ вопросъ очень трудно отвѣтить. Но весенній воздухъ уже дышетъ французской побѣдой, уже вслухъ говорится о неизбѣжности пораженія нѣмцевъ, объ ихъ истощеніи, о возмездіи и о карѣ.

Что то умерло, и что то родилось: выросло довѣріе къ себѣ и окрыленная успѣхами въ Артуа, надежда. И когда я смотрю, какъ оливковый, скуластый, съ зорко-блестящими глазами, арабъ,—кроваво-алый гумье,—

играетъ на улицѣ съ оборванными дѣтьми, какъ онъ, смѣясь, сажаетъ ихъ на вороного коня, когда я вижу его улыбку, когда я слышу, какъ онъ старается понять полу-дѣтскую, полу-французскую рѣчь,—я не знаю, откуда, изъ какого источника жизни, но и во мнѣ растетъ упрямая вѣра, вѣра въ грядущее, не только наше, русское, но и французское, но и союзное торжество.

Съ этой вѣрой я вхожу въ Hôpital de Rond Royal, во главѣ котораго стоитъ знаменитый Каррель. Въ госпиталѣ почти исключительно алжирцы и марроканцы. Они рядами лежатъ на кроватяхъ.

Въ открытыя окна шумятъ листами зеленыя липы, скрипятъ дорожки желтымъ пескомъ, цвѣтутъ яблони,—май. А раненые арабы не замѣчаютъ ни весны, ни цвѣтовъ, ни синихъ небесъ. О чемъ они думаютъ? О побѣдѣ? Или, не зная Тютчева, не зная русскаго языка, они на своемъ арабскомъ нарѣчьи, вспоминаютъ о томъ же, о чемъ вспоминаю и я,—вспоминаю уже не безбольно:

„Все та-жъ высокая, безоблачная твердь,
„Все такъ же грудь твоя легко и сладко дышитъ.
„Все тотъ же теплый вѣтръ верхи деревъ колышетъ,
„Все тотъ же запахъ розъ... и это все—есть смерть“...

———

ВЪ ГОСПИТАЛѢ.

Утро. Играетъ солнечный лучъ. Въ коридорахъ свѣтло и тихо. Блестятъ инструменты: скальпели, ланцеты и пилы. Блестятъ оконныя стекла. Блеститъ лѣстница. Блеститъ зеркальный паркетъ. Точно это не госпиталь, а военный крейсеръ. Ни пылинки. Все чисто. Все прибрано. Все вымыто мыломъ.

И все-таки пахнетъ больницей. Остро пахнетъ карболкой, іодомъ и человѣческимъ тѣломъ. Я раскрываю нечаянно двери. Просторная, почти пустая палата. На операціонномъ столѣ лежитъ человѣкъ. Я вижу двухъ сосредоточенныхъ, склоненныхъ надъ изголовьемъ, врачей, санитара, сестру и худыя, голыя, прозрачно-блѣдныя ноги. Но лица я не вижу. Раненый терпѣливъ. Онъ не жалуется. Не стонетъ. На полу валяются залитая кровью марля и пропитанные гноемъ бинты.

Въ четвертомъ, пятомъ и шестомъ этажахъ—солдаты. Алыя рубашки гарибальдійцевъ. Синія шинели стрѣлковъ. Голубыя куртки гусаръ. У однихъ повязана голова. Другіе—хромаютъ. У третьихъ жалобно болтается безрукій рукавъ. Но зайдите въ комнаты,—въ „номера“. Тамъ нѣтъ ни рубашекъ, ни шинелей, ни куртокъ. Тамъ все бѣло. Бѣлыя подушки, бѣлыя одѣяла, бѣлыя полотенца и бѣлыя, изможденныя лица. Именно

бѣлыя. Точно кто-то вымазалъ щеки пудрой и зажегъ лихорадкой глаза. Я прохожу мимо. Я не могу, не смѣю разспрашивать ни о чемъ. Развѣ можно любопытствовать въ этихъ бѣлыхъ палатахъ?

Каждый день привозятъ новыхъ больныхъ. Не больныхъ,—молодыхъ и крѣпкихъ людей, у которыхъ пулей разбиты кости, шрапнелью вырвано мясо, осколкомъ бомбы разорвано тѣло. Ихъ везутъ изъ Фландріи, изъ Шампани, изъ Аргоннъ, изъ Лотарингіи, изъ Альзаса. Между ними есть бельгійцы, есть французы, есть итальянцы, есть арабы, есть негры,—люди всѣхъ цвѣтовъ и нарѣчій. Ихъ везутъ изъ холодныхъ траншей, изъ неоттаявшихъ вогезскихъ снѣговъ, съ береговъ разлившихся рѣкъ. Ихъ везутъ,—и нѣтъ конца печальному каравану.

Въ саду, при госпиталѣ, въ соломенномъ креслѣ — высокій, черный, какъ уголь, съ ровными сверкающими зубами, раненый сенегалецъ. Онъ въ красной фескѣ и синихъ, форменныхъ панталонахъ. У него отрѣзаны обѣ ступни. Онъ улыбается и киваетъ мнѣ головой. Я подхожу и жму ему руку. У него холодные, какъ ледъ, пальцы, и слабая, почти ребяческая ладонь. Его сила осталась тамъ,—въ безконечныхъ равнинахъ Шампани. Онъ вернется къ себѣ, на югъ, въ африканскія степи, измѣненнымъ, новымъ, чужимъ,—не воиномъ, а калѣкой. Онъ говоритъ, и я слушаю его почти непонятную французскую рѣчь. Я понимаю не слова, а быстрые жесты, не точный смыслъ, а привѣтливую улыбку.

— Я былъ въ траншеяхъ, въ ямѣ... Въ ямѣ лѣстница изъ семи ступенекъ... Очень холодно... Нѣмцы очень стрѣляютъ... Бумъ-бумъ-бумъ-бумъ...

Онъ смѣется.

— Нѣмцы—дикари... Они убиваютъ дѣтей и женщинъ... Мы, сенегальцы, никогда не убиваемъ дѣтей и женщинъ. Мы убиваемъ мужчинъ.

— Вы рѣжете ихъ?

— Да, да... Конечно... И насъ тоже рѣжутъ.

Онъ съ грустью показываетъ на свои лишенныя ступней ноги. Онѣ забинтованы и укутаны въ теплый платокъ. Мнѣ странно видѣть этого громаднаго, чернаго, вчера цвѣтущаго и сегодня безсильнаго человѣка. Я робко спрашиваю его:

— Гдѣ васъ ранили? Подъ Суассономъ? Подъ Реймсомъ?

— Не знаю... Во Франціи...—онъ неопредѣленно машетъ рукой.—А какъ вы думаете,—вдругъ наклоняется онъ ко мнѣ.—Онѣ выростутъ снова?

— Кто выростетъ?

— Ноги.

Я смотрю на него съ изумленіемъ. Онъ довѣрчиво шепчетъ:

— Я надѣюсь... Вѣдь, я еще молодъ. Почему же имъ не вырасти? А? На правой ногѣ уже немножко выросла кость.. Увѣряю васъ... Вѣдь, я слѣжу каждый день... Поймите: человѣкъ не бываетъ безъ ногъ. Какъ же ходить безъ ногъ?.. У всѣхъ есть ноги, а у меня

нѣтъ? Онѣ вырастутъ... Докторъ нарочно обманываетъ меня... Я знаю!

И онъ улыбается широкой улыбкой.

Я поднимаюсь по лѣстницамъ, въ бѣлые коридоры. Снова блескъ, покой, чистота и молчаливыя сестры. Снова запахъ крови и іода. Съ террасы виденъ Парижъ. Онъ тонетъ въ дымкѣ весенняго дня. Голубѣетъ Mont Valérien. Сверкаетъ Сена. Налѣво—башни Trocadéro, море камня и кирпичей. Вижу—ползущіе муравьи,—спѣшащіе на улицахъ люди. Я смотрю на любимый, близкій, спасенный отъ „дикарей" Парижъ. Я вспоминаю о благословенной побѣдѣ. Но вотъ къ плечу склоняется курчавая голова, трясется алая феска, и гортанный голосъ мнѣ говоритъ:

— Какъ вы думаете, вѣдь, ноги вырастутъ снова?

И я уже не думаю о Парижѣ.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА.

Въ моихъ рукахъ записная книжка французскаго офицера. Я бережно сохраню эту книжку: мнѣ ее подарилъ на память пѣхотный капитанъ N. Въ ней записано слѣдующее:

10 августа. Мы въ арьеръ-гардѣ. Съ фронта приходятъ раненые. Мы не ѣдимъ и не спимъ.

14 августа. Тяжелый маршъ. Бивуакъ.

16 августа. Прибыли въ X. На каждомъ шагу трупы. Городъ X. спокоенъ. Женщины изнасилованы.

20 августа. Отдыхъ. О нѣмцахъ не слышно.

22 августа. Сраженіе. Жаркій день. Потери.

23 августа. Отступаемъ. Моя рота окружена. Большія потери.

24 августа. Я потерялъ 105 человѣкъ. Мы въ осиномъ гнѣздѣ.

25 августа. Съ утра артиллерійскій огонь. Печальное отступленіе.

29 августа. Нѣмцы перешли Маасъ. Отступаемъ. Сильный артиллерійскій огонь.

30 августа. Очень тяжелый день. Моя рота прикрываетъ отступленіе полка. Потери: 60 человѣкъ.

1 сентября. Убитъ командиръ батальона.

3 сентября. Отступаемъ въ Парижъ.

4. сентября. Въ вагонѣ.

5 сентября. Въ вагонѣ.

6 сентября. Все еще въ вагонѣ.

8 сентября. Мы—на аванпостахъ. Ночь среди труповъ и раненыхъ.

9 сентября. Отступаемъ. У меня впечатлѣніе, что все идетъ очень плохо.

11 сентября. Намъ сообщаютъ о побѣдѣ на Марнѣ. Мы преслѣдуемъ непріятеля. Не ошибочно ли было мое впечатлѣніе?

. . . .

12 ноября. Мы—въ траншеяхъ. Холодно. Дождь.

13 ноября. Артиллерійскій огонь. Ночью непріятельская атака.

14 ноября. Перестрѣлка. Убитъ полковникъ и три офицера.

15 ноября. Днемъ артиллерійскій огонь. Ночью дождь.

16 ноября. Холодно.

17 ноября. Дождь.

18 ноября. Артиллерійскій и ружейный огонь. Убитъ офицеръ.

22 ноября. Непріятельская атака. Тяжелый бой. Мы сохраняемъ траншею.

26 ноября. Непріятельская атака. Бой. Очень трудно. Мы сохраняемъ траншею.

27 ноября. Непріятельская атака. Градъ пуль. Артиллерійскій огонь. Адъ. Мы сохраняемъ траншею.

28 ноября. Артиллерійскій огонь, какъ вчера. Ружейный слабѣе. Когда же можно будетъ заснуть?

. . . .

9 марта. Мы—въ траншеяхъ. Артиллерійскій огонь. Ночью тревога. Сплю, стоя.

10 марта. Огонь сильнѣе.

11 марта. Отдыхъ. Я сплю въ кровати.

15 марта. Мы атакуемъ. Я безполезно теряю 60 человѣкъ. Грустно.

16 марта. 3-ій батальонъ атакуетъ, но неудачно.

17 марта. Три дня я не спалъ. Артиллерійскій огонь. 6-ая рота разстрѣляна. Хочется спать.

18 марта. Убитъ капитанъ 6-ой роты. Мы атакуемъ. Потери—70 человѣкъ.

19 марта. Ночью тревога. Артиллерійскій огонь. Мы атакуемъ.

20 марта. Артиллерійскій огонь. Мы атакуемъ.

21 марта. Насъ смѣнили. Отдыхъ. Я думаю, что война окончится очень не скоро.

25 марта. Шрапнель разорвалась среди 7-й роты. Убитъ офицеръ и 7 человѣкъ. 8 человѣкъ тяжело ранены. 2-ой батальонъ атакуетъ. Ночью сильный ружейный огонь. Мы атакуемъ. Потери 35 человѣкъ.

. . . .

Здѣсь обрывается записная книжка. Какъ я желаю, чтобы она была исписана до конца, до той, послѣдней, страницы, на которой будетъ коротко отмѣчено: „Миръ“. Всѣ мои помыслы съ нимъ, съ этимъ незамѣтнымъ, за-

теряннымъ въ глубинахъ арміи капитаномъ, который спитъ „стоя“, ходитъ въ атаку, подъ градомъ пуль „удерживаетъ траншею“, и не жалуется, и не ищетъ виновныхъ. Я знаю: именно такіе, какъ онъ, одерживаютъ побѣды. Именно такіе, какъ онъ „полагаютъ душу свою“.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ САНИТАРА.

„Май. 1915 г. Ночь свѣтла, но вьется легкій туманъ. Мы идемъ свекловичнымъ полемъ. Часовой винтовкой указываетъ намъ на кусты. Мы раздвигаемъ ихъ и находимъ раненаго солдата. Рядомъ съ нимъ лежитъ другой—убитый—солдатъ. Я давно привыкъ къ трупамъ. Но мнѣ трудно смотрѣть на него,—на его тяжелыя, уже похолодѣвшія, ноги. Я трогаю его пальцы, его лицо, его грудь, и мнѣ кажется, что я прикасаюсь къ свинцу. У раненаго раздроблено осколкомъ гранаты бедро. Мы поднимаемъ его и относимъ на перевязочный пунктъ. Потомъ мы возвращаемся той же дорогой. Между кустарникомъ, у шоссе, почти невидимый входъ въ подземелье,—въ траншейную галлерею. Галлерея эта слишкомъ узка для носилокъ и мы не входимъ въ нее, а идемъ съ краю,—по свекловицѣ. Замѣтятъ насъ или нѣтъ? Но вотъ мы въ окопѣ. Окопъ глубиною въ два метра и мы съ головою скрываемся въ немъ. Нѣмцы въ 100 метрахъ.

Въ ротѣ два раненыхъ, а мы можемъ съ трудомъ унести одного. Мы кладемъ его на носилки, поднимаемъ на вытянутыхъ рукахъ за траншею, вылѣзаемъ и идемъ обратно по полю. Мнѣ становится жутко. Я затаиваю дыханіе: я жду выстрѣловъ; я почти удивленъ, что никто

не стрѣляетъ. Черезъ четверть часа мы—на перевязочномъ пунктѣ. У раненаго лицо и шея въ крови. Носъ и ротъ разорваны пулей. Но онъ не теряетъ сознанія. Онъ не стонетъ, — онъ робко проситъ, чтобы докторъ сдѣлалъ ему перевязку.

Докторъ работаетъ быстро: нельзя терять ни минуты. Отъ этихъ минутъ зависитъ жизнь человѣка: надо какъ можно быстрѣе эвакуировать раненыхъ въ тылъ, — въ госпиталь пѣхотной дивизіи. Тамъ имъ дѣлаютъ операціи. Черезъ часъ на перевязочномъ пунктѣ остается только одинъ, принесенный съ поля сраженія, солдатъ. Онъ раненъ восемью пулями въ ногу и у него огромная, величиною съ кулакъ, дыра въ животѣ: это пулеметная рана. Онъ молчитъ и только изрѣдка произноситъ „воды"... Завтра мы похоронимъ его...

... Я заснулъ, на разсвѣтѣ меня разбудили. Надо вставать и снова идти за ранеными, на линію огня. Я удивился, узнавъ, что уже много часовъ не прекращаются канонада и ружейная перестрѣлка, что нѣмцы ночью атаковали и что въ окрестностяхъ происходитъ большое сраженіе. Я спалъ и не слышалъ... Только что я вышелъ за дверь, какъ со всѣхъ сторонъ зажужжали пули. Звукъ пуль непріятенъ. Бояться, конечно, глупо: когда слышишь свистъ пули, то это значитъ, что она уже далеко. И все-таки я былъ очень взволнованъ, —я не могъ удержаться, чтобы не нагибать головы. Я наблюдалъ за собой и говорилъ себѣ въ утѣшеніе: „Если мнѣ суждено умереть, я не избѣгну смерти, кланяясь

пулямъ“. Но утѣшеніе не помогало. Я замѣтилъ, что огромное большинство раздѣляетъ со мной эту непреодолѣваемую боязнь. Я шелъ по обычной моей дорогѣ, къ знакомому сосновому лѣсу. У лѣса огонь сталъ еще сильнѣе. Пули начали летать отовсюду: спереди, слѣва и справа,—я былъ въ центрѣ трехъ ружейныхъ обстрѣловъ. Я легъ на землю. Впечатлѣніе было такое, что огромная и острая бритва рѣжетъ со свистомъ воздухъ и что только чудомъ можно спастись. Черезъ 10 минутъ перестрѣлка затихла и я воспользовался этимъ затишьемъ, чтобы пробраться немного впередъ. У траншеи часовой мнѣ сказаль, что есть раненый на передовой линіи, въ лѣсу. Я и еще одинъ санитаръ входимъ въ лѣсъ. Мы не говоримъ ни одного слова. Мы полземъ по очень длинной соединительной галлереѣ, которая выводитъ насъ на опушку, на другомъ концѣ лѣса. Цѣпляясь за вѣтви, мы спускаемся въ ровъ. Еще темно. Чуть свѣтаетъ. Я вглядываюсь: нѣтъ ни души. Вдругъ: „Qui vive?..“ Это шепчутъ деревья... — „France... brancardiers...—“—„Сюда...“ На передовомъ посту шесть человѣкъ, изъ которыхъ раненъ одинъ.

— „Можешь ты самъ идти?..“—„Попробую...“—„Куда ты раненъ?“—„Въ плечо“.

Мы приподнимаемъ раненаго солдата. Онъ, къ счастью, можетъ стоять на ногахъ. Это человѣкъ лѣтъ 40, волонтеръ. Я спрашиваю себя, что бы мы сдѣлали, если бы онъ былъ раненъ въ ноги или въ животъ? Мы медленно двигаемся въ дорогу. Одной рукой я раздвигаю

колючій кустарникъ, другой держу раненаго за здоровую руку. Мой товарищъ, второй санитаръ, сзади поддерживаетъ его. Нашъ путь тяжелъ, опасенъ и дологъ. Передъ зарею мы приходимъ на перевязочный пунктъ. На перевязочномъ пунктѣ мы узнаемъ, что надо снова идти: въ эту ночь многихъ ранило и убило.

... Сегодня продолжается бой. На лѣвомъ флангѣ нѣмцы большими силами атаковали одну изъ нашихъ дивизій. Надо облегчить ея положеніе. Съ этою цѣлью мы наступаемъ. Непріятельскія траншеи будутъ обстрѣляны ураганомъ снарядовъ, а потомъ мы попробуемъ взять ихъ штыковою атакой... Въ 2 часа началась канонада. Она длилась безъ перерыва до $5^1/_2$ часовъ. Со всѣхъ сторонъ—орудійные залпы. Вся наша артиллерія стрѣляетъ. Въ ея гулѣ тонетъ и трескъ солдатскихъ винтовокъ и частый стукъ пулеметовъ. Непріятель отвѣчаетъ изъ тяжелыхъ орудій. Вскорѣ становится ясно, что нашъ огонь сильнѣе и мѣтче: нѣмецкія батареи замолкаютъ одна за другой. Въ $5^1/_2$ часовъ—атака.

Изъ штаба намъ сообщаютъ, что на лѣвомъ флангѣ одна изъ бригадъ сумѣла продвинуться за первую линію нѣмецкихъ траншей и что, значитъ, мы не напрасно атаковали.

... Приказъ продолжать наступленіе. Какъ и вчера безъ умолку гремятъ пушки"...

На этомъ кончается записная книжка. Ея хозяинъ убитъ въ Артуа, ночью, въ то время, когда онъ подбиралъ раненыхъ во время атаки зуавовъ.

РУССКІЕ СОЛДАТЫ ВЪ ПАРИЖѢ.

Парижская уличная толпа — какъ океанскія волны. Къ ней невозможно привыкнуть. Среди пестрыхъ нарядовъ, женскихъ шляпъ, приказчичьихъ котелковъ и военныхъ кепи мелькаютъ тюрбаны индусовъ, желтыя гетры англійскихъ солдатъ, черныя шинели бельгійцевъ, плащи гумье и иногда, очень рѣдко, итальянская, расшитая золотомъ шапка. Въ послѣдніе дни въ этой толпѣ, въ мятущемся океанѣ, замелькали новая лица — разсыпались новыя, непривычныя глазу брызги. Сѣрая, защитнаго цвѣта, рубаха, малиновые погоны, круглая, набекрень, фуражка, походка въ развалку и высокіе сапоги. Это — русскіе. Русскіе, бѣжавшіе изъ нѣмецкаго плѣна солдаты. Ихъ девять человѣкъ и у каждаго свое приключеніе. Французы удивляются имъ: они молоды, крѣпки, дышатъ здоровьемъ и имъ удалось пройти черезъ нѣмецкія войска во французскія траншеи въ Вогезахъ.

„Находившись въ плѣну, въ Германіи, было очень плохо. И записали меня на работу насилкомъ. И вотъ поѣхалъ я на работу. Оттудова я убѣжалъ. Насъ убѣжало 4 человѣка, бѣжали мы 5 ночей и 5 дней, не-

ѣвши. Переходили 4 позиціи и 3 проволочныхъ загражденія. Пришлось ползти версты $2^1/_2$ ползкомъ. Въ насъ стрѣляли и французы и нѣмцы. Я рѣшилъ убѣжать, не щадя своей жизни, чтобы пробраться къ своимъ союзникамъ французамъ и стать въ ряды своихъ братьевъ и защищать свою родину отъ злодѣя. Очень это было трудное путешествіе".

Такъ они пишутъ. А вотъ что они говорятъ:

— Въ началѣ декабря взяли насъ въ плѣнъ. Было это подъ Ченстоховомъ. Заѣхали впередъ насъ уланы и, — здравствуйте, будьте добры... Взяли насъ и отправили въ какую-то, Богъ ихъ знаетъ, Баровну. Отобрали все: сапоги, перчатки, деньги у кого были, часы и другую прочую мелочь. Одинъ было нашъ, — Заикинъ ему фамилія,—ни за что не хотѣлъ отдавать. Ну, избили его, конечно. Держали насъ въ Баровнѣ, въ карантинѣ, пятеро сутокъ. Изъ Баровны отправили въ Ламсдорфъ, верстъ 120 отъ Ченстохова. Заставили строить бараки для плѣнныхъ. Строимъ, работаемъ цѣлый день. А ѣсть почти не даютъ: утромъ кофе, въ полдень супъ, вечеромъ кофе и $^3/_4$ фунта хлѣба. Да и хлѣбъ-то съ картошкой. Табаку нѣтъ. Спать ложишься, а хочется ѣсть. Французы плѣнные были,—я по-французски научился немного,—смѣются: „bón appetit dormire." Не выдержалъ я, заболѣлъ. Прихожу въ околодокъ, а тамъ такихъ, какъ я, около сотни. Пришелъ офицеръ, посмотрѣлъ на насъ и командуетъ: „Смирно... Лѣвое плечо впередъ, бѣгомъ маршъ!.." Побѣжали мы. Которые

падаютъ, а я все бѣгу. Обѣжали кругомъ бараковъ, офицеръ говоритъ: „какіе же вы больные?... Маршъ обратно въ казарму!...“ Прожили мы этакъ съ мѣсяцъ, посадили насъ въ бычій поѣздъ, снова везутъ. На станціяхъ—вольные. Ругаются, камни бросаютъ кричатъ: „Варшава kaputt.“ Пріѣхали мы, наконецъ,—ужъ и не знаю куда. Велятъ намъ окопы рыть. Роемъ. Ѣсть опять почти не даютъ. Приходитъ комендантъ,—по-русски хорошо говорилъ. Мы ему говоримъ: „Дозвольте намъ хлѣба.“ Онъ подумалъ и говоритъ: „Хлѣба нѣтъ и не будетъ, а супа и картошки прибавлю. Ступайте работать...“ Хорошо. Работаемъ мы. Роемъ окопы. Только, конечно, никакой прибавки не вышло. Съ недѣлю лучше кормили, а потомъ опять тѣ же кофе и супъ... Потомъ отправили насъ въ Майянцъ. Здѣсь полегче жилось: испанскій посланникъ ревизію дѣлалъ. Изъ Майянца потащили насъ въ Дармштадтъ, изъ Дармштадта—въ Саарбрюкенъ. Въ Саарбрюкенѣ записали на желѣзный заводъ таскать рельсы. Хорошо. Таскаемъ мы для хозяина, господина Бамберга, рельсы... Тутъ я и задумалъ бѣжать. Очень ужъ плохо въ плѣну и работаешь на кого? На проклятаго нѣмца. Да и надоѣло въ Германіи: „ja, ja, ja, ja,“... и чего лопочутъ, понять невозможно. Вотъ однажды ночью перелѣзли мы черезъ заборъ,—я и еще одинъ унтеръ-офицеръ,—и—въ поле. Съ завода уйти не хитро, а чего дальше намъ дѣлать? Куда идти? Ни карты, ни компаса, и денегъ нѣтъ ни копейки. Ну, однако, перекре-

стились,—идемъ... Направленіе беремъ по солнцу, а если дождь,—по деревьямъ: на деревьяхъ мохъ всегда на сѣверъ растетъ. Шли мы такъ трое сутокъ, не ѣвши, конечно. Главное, по ночамъ старались идти, и то съ оглядкой: какъ бы на нѣмецкихъ жандармовъ не выйти... На четвертый день слышимъ: стрѣляютъ изъ пушекъ. Слава Богу, значитъ близко французы. Идемъ, видимъ деревня, въ которой былъ бой. На пятыя сутки уже не только изъ пушекъ, а и изъ пулеметовъ стрѣляютъ... Подались мы немного правѣе,—прямо въ проволочныя загражденія попали: отъ земли четверти на двѣ, какъ паутина. Начали мы ихъ осторожно перелѣзать. Вдругъ часовой кричитъ по-нѣмецки: „Кто ты тутъ? Отвѣчай!..“ Мы, конечно, молчимъ. Сталъ онъ винтовкой грозить. Однако вечеръ, темно. Перелѣзли мы и полземъ. Тихо полземъ, неслышно. Часовой пострѣлялъ, пострѣлялъ и бросилъ. Доползли до окопа. Видимъ,—окопъ пустой. Притаились мы, просидѣли въ окопѣ всю ночь. Утромъ выглянули, глядимъ: стоитъ на горкѣ французскій солдатъ. Такъ обрадовались ему, какъ отцу родному. А онъ тоже замѣтилъ насъ и сейчасъ же открылъ огонь. Вышли мы изъ окопа, подняли руки вверхъ, говоримъ: „Мы—не нѣмцы. Мы—Русь...“ Онъ не вѣритъ. Мы опять: „Мы—Русь. Мы изъ нѣмецкаго плѣна ушли“... Окружили тутъ насъ французы, увели во французскій окопъ.

Накормили, дали вина. Ѣсть такъ хотѣлось, что даже во рту болѣло... Потомъ завязали платкомъ глаза и

отправили на вторую линію. Тамъ капитанъ по-русски насъ допросилъ. Ну мы все ему разсказали: что у нѣмцевъ видѣли, гдѣ и какъ... А потомъ на автомобилѣ — въ Верденъ. Изъ Вердена по желѣзной дорогѣ—сюда. Теперь ждемъ, когда отправятъ обратно въ Россію... Богъ насъ спасъ и въ Парижѣ жить хорошо, — чего лучше? А только хочется намъ домой... Нельзя: надо еще послужить...“

Ихъ „Богъ спасъ“, — они „главное, по ночамъ старались идти, чтобы на нѣмецкихъ жандармовъ не выйти“. Но были и такіе, которые смѣло стучались въ чужія двери: „Шли мы, шли, а на четвертый день такъ захотѣлось намъ ѣсть, что хоть ложись и вой волкомъ. Видимъ, въ лѣсу мальчишка, вродѣ какъ пастушенокъ. Поманили мы его пальцемъ, говоримъ: слышь, паренекъ, бѣги, принеси намъ хлѣба, видишь — съ голоду помираемъ“. Мальчишка смышленый, закивалъ головой: хорошо, молъ, ждите здѣсь, принесу... И побѣжалъ на деревню. А мы на дерево взлѣзли, глядимъ, какъ онъ бѣжитъ по дорогѣ, ждемъ, принесетъ, либо не принесетъ? Прошло времени съ часъ, глядимъ, возвращается нашъ мальчишка, только вовсе безъ хлѣба, а съ нимъ два жандарма. Значить, продалъ бѣсенокъ... Ну, мы, конечно, давай Богъ ноги... Ужъ и бѣжали же мы тогда... А къ вечеру я говорю: слышь, не могу я больше, постучимся, куда попало... все равно помирать... а можетъ выручатъ добрые люди... Видимъ, въ сторонѣ отъ дороги—домъ, хорошій домъ, каменный, въ два

этажа. Постучались въ окно. Отворяетъ старуха. Увидила насъ, говоритъ: „Кто вы будете? Что вамъ нужно?..“ Мы говоримъ: „Мы — русскіе. Мы — солдаты“. — „Русскіе?“ — говоритъ, а сама со страху трясется. — „Да ужъ русскіе, будьте спокойны... Дозвольте войти“... Оглянулась она,—въ полѣ нѣтъ никого, да и поздно, вечеръ упалъ. Заперла она двери, ставни закрыла, засвѣтила огонекъ, напоила насъ, накормила, а какъ стали мы собираться,—денегъ дала, и гляжу, подаетъ икону. Серебряная иконка, а на ней французская Божья Матерь „Вотъ, — говоритъ, — возьмите, — благословеніе мое, дай вамъ Господи, желаю русскимъ людямъ удачи“.. Такъ, вѣрите ли, чуть не заплакалъ я... Вотъ какая нашлась старуха. Безъ нея мы бы погибли, какъ мухи...“

„Очень это было трудное путешествіе...“ „Я рѣшилъ убѣжать, чтобы стать въ ряды своихъ братьевъ и защищать свою родину отъ злодѣя...“ „Хочется намъ домой: надо еще послужить...“ Я передаю слова русскихъ, сѣрыхъ и незамѣтныхъ солдатъ,—владимірскихъ и нижегородскихъ крестьянъ. Мнѣ нечего прибавить къ этимъ словамъ. Здѣсь, въ чужомъ и далекомъ Парижѣ, мнѣ остается только повторить несмѣлое пожеланіе: „Дай вамъ Господи... Желаю русскимъ людямъ удачи“...

СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Вечеромъ, сидя въ Café de Commerce за рюмкой стараго Мара, ветеринаръ Лемуанъ любилъ поговорить о себѣ—о своей благоустроенной жизни.

— Не хвалясь, я могу сказать, что я самый счастливый человѣкъ въ мірѣ. Чего мнѣ недостаетъ? У меня есть домъ, садъ, коровы, лошади, свиньи, куры, утки, индѣйки, своя капуста, свой картофель, свои бобы, свои яблоки, свои груши, все свое, непокупное, хозяйское. Есть и книжка сберегательной кассы... Какъ птица неустаннымъ трудомъ свиваетъ свое гнѣздо, такъ и честный трудолюбивый работникъ мало-по-малу устраиваетъ себѣ спокойную жизнь... Вы думаете, почему я до сихъ поръ не женился? Мнѣ 42 года, а я не женатъ. И не женюсь никогда. Почему? Потому что съ женою много хлопотъ, а съ дѣтьми еще больше. Пеленки, плачъ, доктора, учителя, непріятности и болѣзнь... Что хорошаго? Одно безпокойство... А жена? Жена навѣрное рано или поздно измѣнитъ мужу. Онѣ всѣ такія... Такъ ужъ лучше пусть измѣнитъ со мной, чѣмъ мнѣ...

Онъ блаженно, улыбающимися глазами, смотрѣлъ

на своихъ пріятелей по кафэ—на судью и на прокурора,—и заливался счастливымъ смѣхомъ. Судья былъ женатъ, имѣлъ четырехъ дочерей и безуспѣшно искалъ для нихъ жениховъ, а прокуроръ былъ разведенный супругъ. И прокуроръ и судья слышали его „философію“ множество разъ, но никогда не возражали ему. На то и кафэ, чтобы либо въ карты играть, либо вести безобидные разговоры.

— Да, я самый счастливый человѣкъ въ мірѣ. Что за мать у меня! Какія варенья! Какіе сыры! Какой сидръ! Какіе ликеры!.. Вернешься въ полдень домой,—столъ накрытъ, скатерть бѣлая, чистая, вилки, ложки, тарелки; все блеститъ, все сверкаетъ, и на столѣ—готовый обѣдъ... Господа, одинъ изъ признаковъ высокой культуры—умѣніе обѣдать. Готтентоты ѣдятъ что попало, нѣмцы ѣдятъ колбасу, англичане—кровавый ростбифъ, и только мы, одни мы умѣемъ, какъ слѣдуетъ, ѣсть. Ѣшь — и чувствуешь себя цивилизованнымъ человѣкомъ... А послѣ обѣда? Выпилъ рюмочку Мара и легъ на диванъ... А мать уже хлопочетъ объ ужинѣ... Все у меня есть. Всѣмъ я доволенъ. Чего мнѣ недостаетъ?..

И онъ снова смѣялся счастливымъ смѣхомъ.

— А крестьяне? Добрые люди. Великолѣпные люди. Выѣдешь утромъ, заѣдешь въ Гондрекуръ, Финьеръ, Давенескуръ, Этельфэ,—у кого лошадь, у кого корова, у кого свинья. Поглядишь, осмотришь, пропишешь рецептъ и скажешь: ну, а теперь, отецъ Перно или отецъ Клоарекъ, раскошеливайтесь: деньги счетъ любятъ.

Вздыхаютъ разбойники, а даютъ. Къ полдню, какъ вернешься домой, во всѣхъ карманахъ звенитъ: два франка, пять франковъ, маленькій золотой, большой золотой. Честное слово! Разставишь ихъ кучками на столѣ, и считаешь... А мать зоветъ: обѣдать пора...

— Да, конечно, не всѣ такъ счастливы, какъ вы...— говорилъ судья мрачно.

— А почему? Потому что либо женились, либо занимаются не своимъ дѣломъ. Къ чему политика? Я не люблю политики. Не все ли равно — Бріанъ или Клемансо? Что вы думаете, депутаты заботятся о насъ, простыхъ смертныхъ? Получаютъ свой гонораръ, а на остальное имъ наплевать. А если бы даже заботились? Развѣ мнѣ нужна ихъ забота? Я и такъ всѣмъ доволенъ. Мнѣ хорошо. Я самый счастливый человѣкъ въ мірѣ.

— А вдругъ война? — говорилъ прокуроръ.

— Война?.. Развѣ люди такъ глупы, чтобы ни съ того ни съ сего убивать другъ друга?.. Вѣрьте мнѣ: не будетъ войны...

— Ну, а все-таки... Агадиръ... — настаивалъ прокуроръ.

— Что-жъ Агадиръ? Это такъ, демонстрація... Вы всегда—пессимистъ. А по-моему, лучше быть оптимистомъ. Оптимизмъ помогаетъ пищеваренію.

Онъ допивалъ свою рюмку и, улыбаясь и слегка покачиваясь на короткихъ ногахъ, уходилъ къ себѣ, въ

свой благоустроенный домъ, чтобы утромъ начать новый счастливый день.

. . . .

Объявили войну. Нѣмецкія войска взяли Льежъ и Намюръ и черезъ Лилль приближались къ Парижу. Ветеринаръ Лемуанъ не утратилъ своего благодушія. Нѣмцы были въ двадцати километрахъ, на востокѣ ворчала пушка, а онъ попрежнему ѣздилъ въ Гондрекуръ, Давенескуръ, Финьеръ, Этельфэ, лѣчилъ свиней, коровъ, лошадей, собиралъ гонораръ и смѣялся:

— Не пустятъ ихъ. Вотъ увидите, что не пустятъ... Какъ это такъ? Придутъ къ намъ чужіе люди? Не вѣрьте. Не можетъ этого быть. Не занимайтесь политикой, а дѣлайте свое дѣло.

Даже когда, отступая, по шоссе прошли зуавы и сенегальцы и прогромыхала запыленная артиллерія, онъ не повѣрилъ въ опасность. Изъ города давно уѣхали и судья, и прокуроръ, и нотаріусъ, и су-префектъ, и кюрэ, а онъ все еще посѣщалъ „кліентовъ". Зачѣмъ уѣзжать? Лучше быть оптимистомъ. Оптимизмъ помогаетъ пищеваренію.

Однажды утромъ онъ ѣхалъ въ новомъ, недавно купленномъ шарабанѣ. Пушки не было слышно. Въ поляхъ пахло мятой, ковылемъ и росой. Невысокая вороная лошадь бѣжала бодрою рысью. Ветеринаръ Лемуанъ былъ счастливъ. Онъ былъ счастливъ и оттого, что сіяетъ синее небо, и оттого, что пахнетъ роса, и оттого, что золотится пшеница, и, главное, оттого,

что въ Финьерѣ, у крестьянина Клоарека, заболѣла корова и что, значитъ, гонораръ будетъ хорошій. О нѣмцахъ онъ не думалъ совсѣмъ.

Проѣхавъ Этельфе и выѣхавъ на большую дорогу, онъ замѣтилъ военный автомобиль. Онъ хотѣлъ свернуть вправо, но автомобиль внезапно остановился, и онъ услышалъ голосъ съ твердымъ акцентомъ:

— Эй вы!.. Подите сюда.

Еще не понимая, въ чемъ дѣло, онъ вылѣзъ изъ шарабана и, покачиваясь на своихъ короткихъ ногахъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ автомобилю. Онъ увидѣлъ четырехъ людей въ каскахъ и сказалъ себѣ: „это—нѣмцы“.

— Это—дорога въ Давенескуръ? Есть въ Давенескурѣ французскія войска?..

Ветеринаръ Лемуанъ покраснѣлъ. Онъ не понялъ вопроса. Онъ понялъ только, что нѣмцы требуютъ отъ него какихъ-то нужныхъ имъ указаній и, не размышляя, рѣшилъ, что нельзя и не слѣдуетъ отвѣчать.

— Есть въ Давенескурѣ французскія войска?..

Онъ не отвѣтилъ. И вдругъ почувствовалъ себя очень несчастнымъ—несчастнымъ въ первый разъ въ жизни. Чего они хотятъ отъ него? Что имъ надо? Какое право они имѣютъ останавливать его на дорогѣ?

— Я васъ спрашиваю: есть въ Давенескурѣ французскія войска?

Ветеринаръ Лемуанъ понялъ, что сейчасъ произойдетъ что-то страшное, что-то такое, чего онъ никогда

не могъ представить себѣ. Онъ покраснѣлъ еще больше, но стиснулъ зубы и ничего не сказалъ.

Потомъ онъ увидѣлъ, какъ задрожали щеки у нѣмца, какъ блеснулъ на солнцѣ револьверъ и какъ вспыхнулъ огромный, жаркій, желто-красный огонь. Больше онъ ничего не увидѣлъ. Автомобиль засвистѣлъ и скрылся. На шоссе, у канавы, осталось лежать короткое толстое тѣло. Коричневый котелокъ свалился и изъ кармановъ сѣраго длиннополаго сюртука выпали серебряныя монеты. Кругомъ было тихо. День былъ солнечный, и попрежнему пахло мятой и ковылемъ. Нетерпѣливо фыркала запряженная въ шарабанъ лошадь. Гдѣ-то, за каштановой рощей, гулко гудѣлъ автомобильный гудокъ.

ГОЛІАФЪ.

— Господинъ кюрэ, вы арестованы...

Кюрэ, г. Марешаль, покраснѣлъ, но ничего не отвѣтилъ. Онъ былъ высокаго роста, грузенъ и необычайно широкъ въ плечахъ. Въ деревнѣ „свободомыслящіе“, которые не ходятъ „по принципу“ въ церковь, называли его „Голіаѳомъ“. Онъ зналъ объ этомъ и очень сердился: вѣдь Голіаѳъ былъ филистимлянинъ, то есть язычникъ, а онъ, кюрэ Мерешаль, славился приверженностью къ молитвѣ. Когда онъ сердился, онъ краснѣлъ, опускалъ сѣдую голову внизъ и, сжавъ кулаки, шепталъ угрюмой скороговоркой: „Pater noster, qui est in coelum“. Онъ шепталъ „Отче нашъ“, чтобы побѣдить искушеніе и не оскорбить оскорбляющаго его. И теперь, взглянувъ исподлобья на нѣмецкаго офицера, онъ по привычкѣ мысленно прочелъ „Отче нашъ“ до конца.

— Вы — нашъ заложникъ. Въ случаѣ какихъ бы то ни было безпорядковъ, вы будете разстрѣляны. Вы поняли, господинъ кюрэ?

Румяный, съ круглымъ лицомъ, гусарскій Herr Leutenant повернулся и, звякнувъ шпорами, вышелъ изъ церкви. Въ церковь, стуча сапогами, вошли въ сѣрыхъ

курткахъ гусары. Они окружили кюрэ, и унтеръ-офицеръ скомандовалъ:

— Маршъ!

Кюрэ еще разъ мысленно прочиталъ молитву.

Его заперли на чердакъ, въ мэріи. Въ нижнемъ этажѣ расположились господа офицера, и каждый вечеръ внизу, за ужиномъ, хлопали пробки и раздавались пѣсни и смѣхъ. По двору гуляли солдаты, утромъ рано трубилъ горнистъ, и по ночамъ было слышно, какъ на конюшнѣ кони жевали овесъ. На четвертый день, въ воскресенье, кюрэ попросилъ къ себѣ офицера.

— Господинъ лейтенантъ, вы вѣрующій?

— Да, я вѣрующій.

— Вы католикъ?

— Да, я католикъ.

— Богъ видитъ насъ, господинъ лейтенантъ.

— Ну-съ?

— Я бы хотѣлъ отслужить обѣдню.

— Невозможно.

— Вѣдь вы вѣрующій католикъ, господинъ лейтенантъ.

Офицеръ задумался.

— Хорошо. Но я вамъ дамъ четырехъ солдатъ. Они будутъ васъ караулить. И я совѣтую слушаться ихъ, господинъ кюрэ.

Въ 10 часовъ раскрылись церковныя двери. Кюрэ позвонилъ въ колокольчикъ. Хоръ пропѣлъ „amen“. Неподвижно, съ мушкетонами на-плечо, стояли часовые-

гусары. Въ церкви было такъ людно, какъ не бываетъ даже на Троицу. Пришла вся деревня. Пришли даже ветеринаръ и учитель,—„свободомыслящіе“, тѣ, которые называли кюрэ: „Голіаѳъ“. Никогда еще свѣчи не горѣли такъ ярко. Никогда еще пѣніе не звучало такъ стройно. Никогда еще позолоченная Мадонна не казалась такой прекрасной. Когда кюрэ въ послѣдній разъ благословилъ свою паству, во всѣхъ углахъ послышались несдержанныя рыданія. Одинъ изъ часовыхъ, огромный, рыжій баварецъ, засопѣлъ и стукнулъ ружьемъ о каменный полъ.

Черезъ четверо сутокъ нѣмецкія войска отступали. Ритмейстеръ, пожилой пруссакъ изъ Берлина, приказалъ привязать кюрэ къ сѣдлу своего денщика. Гусары тронулись рысью. Рысью на длинной веревкѣ, бѣжалъ за ними заложникъ кюрэ. Крестьяне видѣли, что онъ задыхался, былъ красенъ и, сжимая волосатые кулаки, шевелилъ по привычкѣ губами: „Pater noster, qui est in coelum“...

Вечеромъ эскадронъ остановился въ Витри. Кюрэ отвязали и заперли въ хлѣвъ. У хлѣва всталъ съ мушкетономъ гусаръ.

Кюрэ молился всю ночь. Онъ стоялъ на колѣняхъ и всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ—тѣломъ деревенскаго Голіаѳа—клалъ земные поклоны. Онъ молился о Франціи, о поруганной церкви и о томъ, чтобы Господь укрѣпилъ его и даровалъ ему силу. Подъутро, когда забрезжилъ туманный разсвѣтъ и пропѣли

первые пѣтухи, онъ осторожно подошелъ къ двери. Онъ прислушался и тронулъ рукой замокъ. Замокъ зашатался. Тогда онъ дернулъ его къ себѣ. И сейчасъ же услышалъ:

— Was ist den da?

Не отвѣчая, онъ еще разъ дернулъ замокъ. Отскочила защелка, и кюрэ едва не упалъ. Въ голубоватомъ туманѣ онъ увидѣлъ передъ собою часового. Отъ росы намокла его шинель, и безусое лицо казалось изсиня-блѣднымъ. Кюрэ протянулъ руки и схватилъ его изо всей силы за горло.

Мускетонъ, лязгнувъ, упалъ на землю. Часовой захрипѣлъ и ударилъ кюрэ по лицу, но кюрэ-Голіаѳъ уже подмялъ его подъ себя. Его рука сжималась все тверже и все глуше слышался хрипъ.

А черезъ десять минутъ запылало Витри. Пылалъ хлѣвъ, пылали амбары, пылала пріютившая нѣмцевъ мэрія. Въ дыму смѣшались кони и люди. Ритмейстеръ въ одной рубашкѣ торопливо выкрикивалъ испуганныя слова

. . . .

. . . .

Когда встало сентябрьское солнце, и розовымъ свѣтомъ озарились верхушки липъ, въ сторонѣ отъ большой дороги, между кустами, по распаханнымъ пшеничнымъ полямъ, бѣжалъ высокій, широкоплечій, съ обнаженной головой, человѣкъ. Онъ бѣжалъ и путался въ длинной одеждѣ. Его лицо было красно и руки дрожали. Но онъ былъ радостенъ и шопотомъ повторялъ молитву: „Pater noster, qui est in coelum.“

СЛУЧАЙ.

Когда въ сентябрѣ нѣмецкія войка были въ десяти километрахъ отъ города N и на базарѣ люди шептались, что нѣмцы взяли Мобёжъ, муниципальный совѣтникъ г. Антуанъ вывѣсилъ объявленіе:

„Виновные въ распространеніи завѣдомо ложныхъ слуховъ о приближеніи непріятельскаго войска будутъ наказаны по закону.“

Г. Антуанъ не повѣрилъ, что нѣмцы побѣдили подъ Шарлеруа. Онъ не повѣрилъ въ отступленіе французовъ. Не повѣрилъ, что уланы въ Монрольскомъ лѣсу. Развѣ могъ онъ повѣрить, что фонъ-Клюкъ войдетъ въ его городъ, разставитъ на улицахъ часовыхъ и подыметъ надъ мэріей нѣмецкое знамя? Такъ могло быть въ 1870-омъ году. Такъ не можетъ быть черезъ 43 года: вѣдь 43 года Франція ожидала этой войны.

Вывѣсивъ объявленіе, г. Антуанъ, веселый, вернулся домой. Онъ говорилъ своей дочери:

— Знаешь, Ивонна, есть такіе трусы,— froujsards,— которые вѣрятъ, что нѣмцы пожалуютъ къ намъ. Не пожалуютъ... Ну, а если бы даже и пожаловали,— вѣдь они культурные люди... Я увѣренъ: они не тронутъ никого пальцемъ. Это не турки, не дикіе сенегальцы... Я

посажу въ тюрьму всякаго, кто будетъ на базарѣ болтать языкомъ. Мы—французы. Мы никого не боимся.

На другой день г. Антуанъ услышалъ на площади шумъ. Два офицера въ сѣрыхъ плащахъ рысью подъѣзжали къ мэріи. За ними бѣжала толпа:

— Да здравствуетъ Англія! Да здравствуютъ англичане!

Г. Антуанъ вышелъ навстрѣчу:

— Вы англичане?

Офицеры усмѣхнулись въ усы.

— Я такъ и зналъ. Я всегда говорилъ, что нѣмцы не посмѣютъ придти.

Одинъ изъ офицеровъ, длинный, бритый, съ моноклемъ въ глазу, посмотрѣлъ на г. Антуана въ упоръ:

— Вы думаете?

— Я увѣренъ.

— Такъ... Вы мэръ?

— Да, я исполняю его обязанности.

— Вотъ что, господинъ мэръ. За нами идутъ войска. Вы поняли?

— Да здравствуетъ Англія!

— Нѣмецкія войска, г. мэръ.

Г. Антуанъ поблѣднѣлъ.

— Вы шутите?

— Нисколько. Армія генерала фонъ-Клюка. Вы приготовите мяса, вина, бензина и хлѣба. Вы слышите?

— Но, г. лейтенантъ...

— Никакихъ „но"... Вечеромъ мы придемъ къ вамъ

обѣдать... И вы отвѣчаете за спокойствіе города.

Другой офицеръ, красивый мальчикъ съ розовыми щеками, улыбаясь и поигрывая хлыстомъ, подтвердилъ:

— Да. Вы отвѣчаете за спокойствіе города, господинъ мэръ.

А въ это время по Avenue de la Rèpublique уже тяжело шагала пѣхота: сѣрые мундиры и каски.

Если каски, значитъ нѣтъ никакого сомнѣнія: да, это нѣмцы, настоящіе, какъ въ 1870 году, нѣмцы—„les boches“.

Жители разбѣжались. Хлопали двери. Стучали ставни, Черезъ минуту на улицахъ не было никого. Только каски, ранцы, винтовки и запыленные солдатскіе сапоги.

Г. Антуанъ, сгорбившись, вернулся въ мэрію.

Вечеромъ оба офицера пришли къ г. Антуану обѣдать. Вечеръ былъ теплый, сентябрьскій. Сіяли звѣзды, журчала Уаза. Душно пахло цвѣтами. Пока накрывали на столъ, лейтенантъ сѣлъ за рояль и сыгралъ вальсъ Шопена. Окончивъ играть, лейтенантъ прошелся по комнатѣ:

— Господинъ мэръ, вы живете одни.

— Нѣтъ. Я живу съ моей дочерью.

— Съ дочерью?.. Очень радъ... Мы имѣемъ честь просить васъ и mademoiselle вашу дочь отобѣдать сегодня съ нами.

— Но, господинъ лейтенантъ...

— Никакихъ „но“, господинъ мэръ.

За столомъ офицеры много пили, много ѣли, много смѣялись. Чокались между собой и кричали:

— Hoch за Германію!

— Hoch за Императора!

— Hoch за нѣмецкій Парижъ!

И, поглядывая на mademoiselle Ivonne, прибавляли:

— И за хорошенькихъ женщинъ!

Г. Антуанъ молчалъ. Краснѣя, молчала Ивонна. Теперь въ комнатѣ пахло не только цвѣтами, но и сигарами и виномъ. Въ раскрытыя окна долетало пѣніе вечерней молитвы: барабаны играли зарю. Оба лейтенанта развалились въ бархатныхъ креслахъ, курили и ухаживали за mademoiselle Ivonne:

— Почему вы такая строгая? Неужели всѣ француженки строгія?.. Отвѣчайте, когда съ вами говоритъ офицеръ!.. Почему вы не желаете отвѣчать?..

И снова смѣялись. Смѣялись такъ, что черезъ улицу было слышно, что у г. Антуана сегодня вечеромъ гости.

Въ одиннадцатомъ часу бритый лейтенантъ всталъ и, пошатываясь, подошелъ къ двери. Всталъ и второй офицеръ, еще юноша, почти мальчикъ. Въ комнатѣ воцарилось молчаніе. И вдругъ г. Антуанъ почувствовалъ, что кто-то сзади крѣпко схватилъ его руки. Онъ обернулся. Лейтенантъ наклонился надъ нимъ.

— Sale franzous!

— Пустите!

— Молчать!

Оба офицера подняли браунинги. Ивонна вскрикнула и закрыла руками глаза.

— Mademoiselle Ivonne, не кричите.

Г. Антуана связали. Потомъ захлопнулись окна и щелкнулъ дверной замокъ.

Mademoiselle Ivonne живетъ теперь въ овернской деревнѣ, въ глубинѣ Франціи, далеко отъ города N. Она живетъ одна, избѣгая людей. Только кюрэ навѣщаетъ ее. Онъ говоритъ, покачивая сѣдѣющей головой:

— Это будетъ маленькій бошъ, но вѣдь и бошъ человѣкъ. Надо его пожалѣть, неправда ли, дочь моя?

И въ отвѣтъ mademoiselle Jvonne опускаетъ заплаканные глаза.

ВЪ ОТКРЫТОМЪ ПОЛѢ.

Поля вездѣ одинаковы,—въ Россіи, во Франціи, въ Англіи. Такъ можетъ показаться тому, кто видитъ ихъ изъ окна вагона или читаетъ книжныя описанія. Вездѣ весенній воздухъ прозраченъ и чистъ, вездѣ небо ясно, вездѣ звенитъ жаворонокъ и вездѣ „волнуется желтѣющая нива". Но въ каждой странѣ есть свое, сокрытое отъ иноплеменнаго взора, отличіе. Во французскихъ поляхъ это отличіе—отсутствіе горизонта. Въ Россіи—раздолье, во Франціи—тѣснота. Тѣснота среди широкихъ полей. Они ограничены лѣсомъ, даже не лѣсомъ, а каштановой рощей. И роща ограничена невысокимъ холмомъ,—темнозеленой виноградной лозой. И все-таки, вездѣ въ пшеничныхъ поляхъ есть нѣчто общее,—для всей Европы родное:

Поютъ деревья, блещутъ воды;
Любовью воздухъ растворенъ,
И міръ, цвѣтущій міръ природы
Избыткомъ жизни упоенъ.

Я повторяю эти стихи и слушаю пушку. Твердо, въ точные промежутки, слышенъ гулъ взрывающихся снарядовъ. Я догадываюсь по звуку: вотъ гремитъ „семьдесятъ пять", грустнѣе и глуше отзывается „девяносто", еще тверже, еще ворчливѣе вздыхаетъ „сто двадцать".

Какіе долгіе, какіе печальные голоса .. Это-ли весенній „избытокъ жизни“?

У полуразрушенной фермы—винтовки и свѣтло-синіе панталоны. „Секція“ пѣхотныхъ солдатъ. Я подхожу. Меня разспрашиваютъ о послѣднихъ событіяхъ:

— Битва на Санѣ? Дарденеллы? Италія?.. Сколько у русскихъ войска? Что такое казаки?.. Долго-ли будетъ продолжаться война?..

Что могу я отвѣтить? Развѣ мнѣ или вамъ, или кому-либо на свѣтѣ извѣстно, когда Германія попроситъ мира.

— Правда-ли, что въ іюлѣ будетъ подписанъ миръ?

— Не знаю.

— Говорятъ, что не позже осени?

— Не знаю.

— Неужели придется воевать еще зиму?

— А если бъ пришлось?

Молодыя, заросшія волосами лица становятся строже. Глаза темнѣютъ. Съ минуту длится сосредоточенное молчаніе. Наконецъ, одинъ изъ солдатъ, съ красной нашивкой на рукавѣ, задумчиво говоритъ:

— Для своихъ штабовъ англичане нанимаютъ дома на три года. Три года—огромный срокъ... Но если придется сражаться не одну, а еще двѣ или три зимы,—что же дѣлать?—мы будемъ сражаться...

И другой солдатъ, румяный мальчикъ лѣтъ 20-ти, прибавляетъ:

— Мы будемъ сражаться, пока окончательно не раздавимъ нѣмцевъ...

Онъ улыбается. Улыбаюсь и я. Но мнѣ жутко. Жутко и стыдно. Я вижу зимнія, замерзшія, размытыя дождями траншеи и декабрьскія, ненастныя ночи. Я слышу свистъ холоднаго вѣтра и скрипъ лишенныхъ листьевъ каштановъ. Я спрашиваю себя: есть ли невозможное для рѣшившагося умереть человѣка? Въ то мгновеніе, когда человѣкъ рѣшается умереть, онъ находитъ въ себѣ сокровенныя, неизвѣстныя раньше силы. То, что казалось недостижимымъ, становится простымъ и нетруднымъ. Тяжко рѣшиться, тяжко отвѣтить: „да", но послѣ принятаго рѣшенія наступаетъ душевный покой.

За фермой, въ полѣ, немного выше дороги,—батарея 90 миллиметровыхъ пушекъ. Ихъ шесть. Онѣ стрѣляютъ на восемь верстъ и ихъ снаряды начинены мелинитомъ. Офицеръ, командующій стрѣльбой, находится впереди, на линіи огня. Онъ отдаетъ приказанія по телефону. Румяный солдатъ указываетъ рукой на пушки:

— Вы видите ихъ? Вчера онѣ заставили замолчать нѣмецкую батарею. Наша артиллерія стрѣляетъ мѣтко и точно. Нѣмцы боятся ее. Съ такой артиллеріей мы не можемъ не побѣдить...

Въ синемъ небѣ раздражающее жужжаніе. Аэроплана еще не видно, но уже слышенъ его звенящій полетъ. И сейчасъ же артиллеристы бросаются закрывать орудія. Они закрываютъ ихъ заготовленными заранѣе вѣтвями и, закрывъ, торопливо прячутъ ихъ. Мы входимъ въ ферму. Съ ея порога я слѣжу за аэропланомъ.

Онъ пролетаетъ высоко, такъ высоко, что я не могу распознать, нѣмецъ это или французъ.

— Это—Aviatik,—говоритъ одинъ изъ солдатъ.—Вы видите его хвостъ? По хвосту легко различить нѣмецкій аэропланъ.

Я покидаю ферму, и вотъ я—снова на поляхъ. Ухо привыкло къ орудійному гулу. Я уже не слышу его. Поля такъ пустынны, такъ мирны, такъ горько пахнетъ полынь, такъ радостно зеленѣетъ овесъ, что я забываю о войнѣ и траншеяхъ. Въ небесахъ сіяетъ майское солнце. Вѣтеръ слабо шумитъ листами и опьяняетъ ароматомъ акацій. Это не поле сраженія. Это не пыльное, измятое и изъезженное шоссе, по которому грохочутъ автомобили, гремитъ и лязгаетъ артиллерія и тянутся нескончаемые обозы. Это—„цвѣтущій міръ природы". Такъ говорю я себѣ и слушаю не гулкій зовъ пушекъ, а многоголосое ликованіе весны.

Далеко впереди, въ поляхъ,—остроконечная колокольня и въ знойной дымкѣ башни мэріи. Полдневная мгла закрываетъ отъ меня городъ. И отъ мутной и легкой мглы, этотъ городъ перестаетъ быть скучнымъ городомъ N, а становится незнакомымъ, почти сказочнымъ,—богатымъ и сильнымъ. Но я знаю старую сказку. Я найду больницы въ церквахъ, на вокзалѣ перевязочный пунктъ и на кладбищѣ еще свѣжіе и уже увядающіе вѣнки. И тогда я очнусь, и услышу говоръ орудій, и мнѣ будетъ непонятно и странно, какъ можно говорить о „любви" и объ „избыткѣ цвѣтущей жизни".

НА СОЕДИНИТЕЛЬНОМЪ ПУНКТѢ.

I.

Вечеръ. Десять часовъ. Я иду по лѣсной тропинкѣ. Гдѣ-то за деревьями, впереди, трещатъ немолчно винтовки. Онѣ трещатъ уже полчаса,—часто, мелко, упорно, точно кто-то съ трескомъ рветъ полотно. Имъ вторятъ пушки,—очень сухо, очень остро, со свистомъ Это свистятъ и разрѣзаютъ воздухъ снаряды. Въ переплетѣ черныхъ вѣтвей, на черномъ небѣ, вспыхиваютъ зарницы. И высоко надъ потрясенной землей мерцаютъ равнодушныя звѣзды.

Но вотъ выстрѣлы стали рѣже. Замираетъ дальнее эхо. Чернѣе небо. Тверже шаги. И потомъ—взволнованное молчаніе. Оно пугаетъ меня въ лѣсу: поздній вечеръ тяжелъ и душенъ, и предчувствуется гроза,—военная непогода.

Въ полдень шелъ дождь, и поэтому скользко итти. Задѣнешь плечомъ,—съ деревьевъ струятся капли. Въ лѣсу пахнетъ мохомъ, влажной травой,—опьяняющимъ запахомъ ночи. Я почти не вижу тропинки. Я оступаюсь: подъ ногами выбоины и ямы,—слѣды нѣмецкихъ гранатъ. Такъ я иду въ темнотѣ, и мнѣ кажется, что дороги не будетъ конца, что не встанетъ майское солн-

це, что вѣтви въ кровь исхлещутъ лицо, и что лѣсъ истомитъ молчаніемъ. Но мой спутникъ, артиллерійскій maréchal de logis, мнѣ шепчетъ:

— Пришли.

Мы на опушкѣ. Темно. Я различаю очертанія холма и подъ холмомъ кирпичную, крытую желѣзомъ избу. Въ окнѣ горитъ неяркій огонь. На порогѣ—солдаты. Ихъ негромкіе голоса тонутъ въ сумрачной тишинѣ. Въ кустахъ жуетъ и фыркаетъ лошадь. Я раскрываю дверь и вхожу.

Въ большой комнатѣ—некрашеный столъ. На столѣ телефонъ и лампа. Телефонъ соединяетъ съ дивизіей съ бригадой, съ наблюдательнымъ пунктомъ, съ траншеями и съ полевой батареей. У аппарата трое телефонистовъ. Всѣ трое мальчики, почти дѣти. Кругомъ на гвоздяхъ развѣшена амуниція: ранцы, сумки и блестящія, съ привинченными штыками, винтовки. Съ другой стороны, у стола,—гусарскій полковникъ, пѣхотный капитанъ изъ Марокко, докторъ, и нѣсколько санитаровъ. Въ комнатѣ такъ же тихо, какъ и въ лѣсу. Поетъ сверчокъ. Тусклымъ пламенемъ разгорается лампа. У окна молодой санитаръ, склонясь къ столу, читаетъ газету. Но вотъ опять за холмомъ, раздраженно затрещали винтовки. Ихъ трескъ все громче, все настойчивѣе, все чаще. И вдругъ о ставни застучала мелкая дробь, разсыпалась по мокрымъ деревьямъ и забарабанила надъ нами по крышѣ. Я слушаю эти странные, отрывисто четкіе звуки,—звуки нечаянныхъ пуль,—и,

не вѣря, спрашиваю себя: такъ вотъ это и есть сраженіе? Такъ вотъ это и есть солдатская жизнь?.. Сѣдой полковникъ хмурится и ворчитъ:

— Опять? И чего они тамъ стрѣляютъ?.. Только даромъ тратятъ патроны...

На утро я выхожу изъ избы. Все измѣнилось. Все стало новымъ. Въ лѣсу нѣтъ молчанія. По весеннему поютъ птицы, на травѣ сверкаетъ роса. Направо—говорливый ручей. Налѣво—лѣсъ; поверженныя деревья: не срубленный, а израненный, точно вырванный, точно взорванный и уже увядающій дубъ, перебитая у подножія липа и растерзанный гранатой орѣшникъ. Небо ясное, голубое. Радостенъ майскій день. Радостно горячее солнце. И не вѣрится, что ночью стрѣляли. Не вѣрится, что сегодня будутъ снова стрѣлять.

На порогъ выходитъ капитанъ изъ Марокко. У него оливковое лицо и большіе черные, улыбающіеся глаза:

— Здравствуйте.

— Съ добрымъ утромъ.

— Вы спали?.. Сегодня была хорошая ночь...

— А бываетъ и хуже?

Онъ смѣется:

— Очень часто. Напримѣръ, когда атакуютъ нѣмцы.

Въ синемъ воздухѣ—размѣренное жужжаніе. Я прищуриваю глаза—и не вижу.

Капитанъ показываетъ рукой.

— Да вотъ же онъ, надъ холмомъ... Вы не видите?

— Taube?

— Да, Taube.

Я опять напрягаю зрѣніе и, наконецъ, въ глубинѣ океана замѣчаю черную точку. Она движется быстро, точно легкокрылая стрекоза. И странно думать, что это вражескій,—нѣмецкій,—аэропланъ.

Я спускаюсь къ ручью. У ручья—кладбище, ряды солдатскихъ могилъ. Я читаю: „Здѣсь покоится погибшій на полѣ чести сержантъ Paul Guichon". „Здѣсь лежатъ рядовые Lecocq, Drouet, Grasier, Tessier, Feaurau, Lehaie, Libault, Préodeau" и такъ далѣе, безъ конца и безъ счета. На могилахъ выросли полевые цвѣты: завилась павилика, и зажелтѣла львиная пасть. Я срываю эти цвѣты. Мнѣ хочется взять ихъ на память,—на память о тѣхъ, которые умерли здѣсь, умерли не только за Францію, но и за союзниковъ,—за Россію.

Утро тихое. Ни звука. Ни выстрѣла. Только въ небесахъ звенитъ крылами аэропланъ, да въ лѣсу поютъ птицы. Я стою и слушаю тишину. Теперь не жутко, какъ было вчера. Я пью воздухъ густой и влажный и вспоминаю Парижъ. Какъ онъ далекъ, какъ онъ не вѣренъ и чуждъ. Въ Парижѣ нѣтъ тишины. Въ Парижѣ грохочутъ автомобили, звонятъ конки, снуютъ и торопятся люди, а здѣсь, почти на полѣ сраженія,—благословенный покой. Но я знаю: эта благословенная тишина угрожаетъ и лжетъ. Вотъ опять затрещатъ въ траншеяхъ винтовки, загремятъ съ сухимъ свистомъ орудія, и сѣдой полковникъ нахмуритъ пренебрежительно брови:

— Опять?.. И чего они тамъ стрѣляютъ? Только даромъ тратятъ патроны...

II.

Телефонистъ, улыбаясь, передаетъ мнѣ телефонную трубку. Я слушаю. Чей-то увѣренный голосъ громко отдаетъ приказанія:

— Алло! Батарея! Приготовься къ огню! Направо отъ лѣса, ближе къ фермѣ... Первое орудіе! Разстояніе 2900... Огонь!..

Четыре раза подрядъ содрогаются стѣны нашей избы. Дрожитъ земля. Дрожитъ воздухъ. Дрожитъ желѣзная крыша. Удаляясь, посвистываетъ снарядъ.

— Направо... 2900... Корректоръ 16... Огонь! Налѣво... 2950... Корректоръ 11... Огонь!

Снова содрогаются стѣны. Снова дрожитъ земля. Потомъ—молчаніе. И черезъ минуту—тотъ же,—теперь взволнованный,—голосъ:

— Хорошо! 2950!.. Залпомъ изо всѣхъ орудій... Огонь!.. Превосходно!.. Скажите людямъ, что превосходно... Хорошо!.. Очень хорошо!.. Торопитесь: они увозятъ одну изъ пушекъ... Залпами по 10 выстрѣловъ сразу... Корректоръ 20... 3025... Скорѣе! Да торопитесь же!... Великолѣпно!.. Почему четвертое орудіе не стрѣляетъ?.. Такъ... Такъ... Очень хорошо!.. Ни одинъ изъ нихъ не уйдетъ... Превосходно!.. 3050!..

Двадцать минутъ волнуется телефонъ. Съ нимъ вол-

нуется вся изба. Толстый докторъ считаетъ выстрѣлы съ часами въ рукахъ:

— Восемьдесятъ... Восемьдесятъ четыре... Девяносто... Девяносто пять... Сто... Сто десять... Сто двадцать...

Гусарскій полковникъ крутитъ сѣдые усы. Санитары перешептываются:

— Это по батареѣ. Въ наказаніе за вчерашнее утро.

Я спрашиваю:

— А что же было утромъ вчера?

Но точно всѣ сговорились,—ни слова. Замолкъ телефонъ. Замолкли и пушки. Въ избѣ тихо, какъ было и ночью. Я снова слушаю тишину.

На порогѣ — шаги. Входитъ артиллерійскій, очень пожилой, капитанъ. Его усталые, сѣрые, съ сѣдѣющими бровями, глаза смѣются. Онъ доволенъ: это онъ по телефону отдавалъ приказанія. Изъ передовой, отдаленной траншеи онъ распоряжался орудійнымъ огнемъ. Онъ весело говоритъ:

— Я заставилъ ихъ повернуть обратно... Превосходно!.. Какая работа!.. Я видѣлъ, какъ они взлетали на воздухъ... Сто тридцать выстрѣловъ и конецъ!..

И онъ разсказываетъ послѣднюю новость: на зарѣ къ траншеямъ подошла лошадь. Солдаты поймали ее. Къ ея хвосту была привязана жестяная коробка. Въ коробкѣ были газеты и написанное по-французски письмо: „Товарищи! Вы и мы сражались цѣлую зиму. Вы и мы

цѣлую зиму убивали другъ друга. Не сопротивляйтесь: теперь ясно, что мы, нѣмцы, все равно побѣдимъ. Мы совѣтуемъ вамъ сдаваться: въ плѣну лучше, чѣмъ въ грязныхъ ямахъ. Русскіе—ваши друзья—разбиты. Варшава пала. Рига тоже. Мы скоро возьмемъ Москву".

Всѣ смѣются. Хохочетъ докторъ, хохочутъ санитары, хохочетъ сообщившій новость артиллеристъ. Даже гусарскій полковникъ улыбается въ серебряные усы:

— Какая наглость! Sales boches!..

Но вотъ опять звонитъ телефонъ. У полковника хмурится озабоченное лицо. Изъ бригады сообщаютъ, что десять человѣкъ 19-ой роты заблудились въ лѣсу и не пришли на утреннюю повѣрку. Всѣ молчатъ. Артиллерійскій капитанъ молча кланяется намъ и уходитъ.

До полдня тихо. Въ полдень начинаютъ грохотать пушки. Надъ холмомъ, надъ нашими головами, слышится пронзительный скрипъ. Онъ все ближе и ближе, все острѣе, все тоньше,—и потомъ гдѣ-то сзади, среди разбитыхъ деревьевъ, оглушающій и звонкій ударъ. Встаетъ смерчь, взвивается облако дыма. Оно еще не растаяло въ небесахъ, какъ уже снова что-то скрипитъ, снова что-то пронзаетъ воздухъ и опять—оглушительный гулъ. Снова облако. Снова дымъ. И такъ,—часъ, два, четыре часа, въ опредѣленные промежутки, въ сосчитанныя заранѣе минуты. Это не страшно. Ухо привыкаетъ къ звонкому скрипу и не вѣрится, что это скрипитъ снарядъ. Пули страшнѣе. Онѣ лукавѣе, назойливѣе и жестче. Но сегодня ихъ нѣтъ. Когда къ вечеру

умолкаютъ орудія, и изъ лѣса тянетъ прохладой, а надъ ручьемъ клубится легкій туманъ, я осторожно поднимаюсь на холмъ. Съ его вершины видно ровное поле. Я знаю, что на этомъ полѣ—траншеи, что именно здѣсь, среди зеленой травы, происходитъ то, что мы называемъ войной, и что именно здѣсь, вонъ за тѣмъ перелѣскомъ,—нѣмецкія пушки. Но я не вижу ихъ, какъ не вижу солдатъ. Я смотрю на эту погруженную въ безмолвіе пустыню и опять вспоминаю Парижъ. Я вспоминаю туманно-блѣдное утро, темный вокзалъ и надоѣдливсмелкій дождь. У товарнаго, раскрытаго настежь вагона стоитъ мой пріятель, зуавъ Rigaudie. На немъ „chechia"—турецкая феска, турецкіе шаровары и въ рукахъ еще незаряженное ружье. На боку—холщевая сумка. Я прощаюсь съ нимъ: онъ идетъ на востокъ. Не здѣсь ли онъ? Не въ этихъ ли траншеяхъ? Не онъ ли заблудился ночью въ лѣсу? Я вижу его загорѣлое, твердое, съ блестящими глазами лицо, его синюю феску и слышу его слова:

— За Францію! За свободу!

Я вернусь въ суетливый и праздословный Парижъ. Я не буду слышать жесткаго скрипа. Я не буду бояться пуль. А онъ,—парижскій зуавъ,—и завтра, и послѣ завтра, и черезъ мѣсяцъ, и, можетъ быть, черезъ годъ будетъ рисковать своей жизнью. Я не скорблю за него. Я повторяю за нимъ:

— За Францію! За свободу!

III.

Я заснулъ, положивъ голову на заваленный бумагами столъ. Я спалъ недолго—можетъ быть двадцать минутъ. Майскій день утомляетъ. Утомляетъ запахъ вечерній росы, ароматъ смолистыхъ деревьевъ, лѣтній зной и небесная, бездонная глубина. Но утомляетъ и скрипъ снарядовъ, и грохотъ пушекъ, и трескъ винтовокъ—безпокойный военный шумъ. Я проснулся,—точно кто-то меня толкнулъ. Въ полусвѣтѣ мигающей лампы я различаю чужого мнѣ человѣка. На немъ сѣро-зеленая шапка и сѣрая, съ землистымъ оттѣнкомъ, шинель. Онъ молодъ и у него взволнованное лицо. Выше локтя, изъ лѣвой руки по шинели сочится кровь,—темно-бурыя, неровныя пятна. Это—нѣмецъ, военнопленный. Онъ обнажаетъ мускулистую руку, и толстый докторъ, пыхтя, перевязываетъ ее. Полковникъ хмурится:

— Вы дезертиръ?

— Нѣтъ... Нѣтъ... Я не дезертиръ... Я былъ въ патрулѣ... Я защищался... Я раненъ... Я былъ одинъ противъ четырехъ...

Онъ свободно и почти безъ акцента говоритъ по-французски. Одинъ изъ конвойныхъ, — „территоріальный" капралъ,—подтверждаетъ его слова:

— Насъ было четверо, 12-й роты. Когда мы вышли въ Moulins, слышимъ, что-то зашевелилось въ лѣсу. Я спрашиваю: qui vive?.. Раздвинулъ кусты и вижу: нѣ-

мецъ съ винтовкой, безъ ранца. Онъ поднялъ винтовку, а я ударилъ его штыкомъ.

По угламъ избы—полумракъ. Бродятъ черныя тѣни. Но безусое лицо нѣмца видно четко и ясно. Въ испуганныхъ, стального цвѣта глазахъ горитъ недобрый, то замирающій, то разгорающійся огонь. Онъ напоминаетъ затравленнаго борзыми волка. Мнѣ почему-то стыдно смотрѣть на него, и я отворачиваюсь къ окну.

— Вы какого полка?

— Пѣхотнаго, 128-го.

— Вы—унтеръ офицеръ?

— Да, я—фельдфебель,

— Гдѣ вы научились говорить по-французски?

Плѣнный не отвѣчаетъ.

— Что вы дѣлали до войны?

Молчаніе.

Сѣдой полковникъ нетерпѣливо барабанитъ пальцами по столу:

— Вы не желаете отвѣчать?

— Не желаю..

— А это что за бумаги?

— Это—письма.

— Къ кому?

— Къ моей матери, господинъ полковникъ.

Звякаютъ ружья, тяжело стучатъ солдатскіе сапоги: конвой уводитъ плѣннаго въ штабъ. На столѣ, у телефоннаго аппарата, валяются его забытыя вещи: папи-

росы, патроны, фонарь, связка писемъ и документы.
Толстый докторъ читаетъ вслухъ:

— „Фельдфебель Францъ Раугутъ, 22-хъ лѣтъ, изъ Берлина".

Мутнѣетъ лампа, кружатся стѣны, голоса становятся глуше. Я засыпаю. Но опять не надолго. Звонитъ телефонъ. Онъ звонитъ пронзительно и тревожно. Я слушаю: пѣхотный патруль наткнулся на нѣмцевъ; ихъ 160 человѣкъ; они роютъ траншею въ лѣсу, недалеко отъ Moulins, они плохо охранены и ихъ можно застать врасплохъ; седьмая рота ждетъ приказаній. И сейчасъ же проволока передаетъ короткій отвѣтъ: батальону итти къ траншеѣ, окружить нѣмцевъ и истребить... Сонъ проходитъ. Растетъ суевѣрное чувство, то чувство, которое рождается на охотѣ. Всѣ насторожились въ избѣ. Всѣ напряглись, какъ струна. Мы ждемъ. Медлительно тянется время. Оно не тянется. Оно внезапно остановилось. Дверь раскрыта и въ комнатѣ дышитъ ночь. На огонь влетаетъ заблудившійся жукъ и бьется объ оконныя стекла. Гдѣ-то за холмами, направо, сонно вздыхаетъ пушка. Вздохнетъ, какъ ворчливый громъ, и замолкнетъ. И тогда снова жужжатъ и бьются опаленныя крылья. Телефонъ не звонитъ. Полковникъ, молча, куритъ папиросу за папиросой. Мы тоже молчимъ. Такъ проходятъ часы. Не часы, а долгіе годы.

Но вотъ деревья подернулись мглой, посвѣтлѣло ночное небо. Гаснутъ звѣзды. Встаетъ волнистый туманъ. И въ ту же минуту пробуждается лѣсъ. Трещатъ вин-

товки. Все яростнѣе. Все громче. Передъ зарей ихъ голосъ слышнѣе, точно лаютъ разъяренные псы. И вдругъ, въ этотъ лай, въ этотъ оглушающій и пронзающій трескъ врываются другіе, твердые звуки. Кто-то шьетъ на швейной машинѣ. Стучитъ игла, ходитъ звонкое колесо. Оно ходитъ безъ перерыва, быстро, тише, спокойно. Я знаю: это „работаютъ" пулеметы.

Я выхожу изъ избы. Холодно. Веселѣютъ вершины сосенъ. Я уже не думаю о побѣдѣ. Во мнѣ нѣтъ жестокаго чувства. Я не знаю, окружены ли въ траншеѣ нѣмцы, удалось ли французамъ ихъ истребить. Мнѣ все равно. Ночью я ждалъ и надѣялся, я почти молился. Утромъ на ранней зарѣ. Я не хочу ничьей смерти. Я не хочу винтовокъ и пулеметовъ. Я не хочу этой ожесточенной войны. И мнѣ приходитъ на память:

„Третья часть умретъ отъ язвы и погибнетъ отъ голода. Третья часть падетъ отъ меча. А третью часть развѣю по всѣмъ вѣтрамъ и обнажу мечъ вслѣдъ за ними. И совершится гнѣвъ Мой"...

IV.

Встало солнце, заигралъ майскій день, и по тропинкѣ изъ-за холма потянулись раненые солдаты. Они идутъ, спотыкаясь, поддерживая другъ друга, запыленные, сѣрые,—не люди, а привидѣнія. Впереди—высокій капралъ. Онъ подходитъ ко мнѣ и не говоритъ, а кричитъ, размахивая винтовкой.

— Что же это такое?.. Ахъ, негодяи!.. Двадцать пять снарядовъ въ траншею!.. Прямо въ насъ, въ нашу роту... Я командовалъ отдѣленіемъ... Я держался до послѣдней минуты... Но развѣ можно выдержать этотъ огонь. Это—не огонь. Это—адъ!..

Вотъ все, что онъ знаетъ. Его рота не ходила въ атаку. Онъ не можетъ намъ разсказать, чѣмъ окончилось ночное сраженіе. Толстый докторъ осматриваетъ его. Странно видѣтъ голое, заросшее волосами, блѣдно-желтое, почти зеленоватое тѣло. Онъ раненъ осколкомъ гранаты въ плечо. Его рука виситъ безпомощно и безсильно. Онъ отстраняетъ доктора здоровой рукой и продолжаетъ кричать:

— Ахъ, негодяи!.. Они пришли къ намъ въ наши деревни и убиваютъ!.. Подите въ траншею, посмотрите, сколько убитыхъ!.. Я говорю вамъ: я сдѣлалъ все, что я могъ... Я ушелъ, когда меня ранили. Развѣ могъ я остаться?

Надъ холмомъ, въ двухстахъ метрахъ отъ насъ, раздается ударъ. Что-то падаетъ, что-то скрипитъ. Точно грузно опрокидывается телѣга, точно разсыпается сыпучій песокъ. Я не понимаю, въ чемъ дѣло. Но я чувствую, что я внезапно сталъ меньше ростомъ и что голова моя ушла въ плечи. Въ воздухѣ стоитъ острый свистъ, опадаютъ съ деревьевъ листья и какъ будто гудитъ оса. Это длится секунду. Даже меньше—четверть секунды. Но только позже, когда окончится все, понимаешь, что разорвалась шрапнель.

Раненый капралъ кричитъ въ изступленіи:

— Ахъ, разбойники!.. Ахъ, негодяи!..

По дорогѣ идутъ санитары. Они, покачиваясь, несутъ носилки. На носилкахъ -—раненый въ грудь капитанъ. Онъ лежитъ на спинѣ, закинувъ голову, закрывшись синей шинелью. У него немолодое, въ морщинахъ, загорѣлое на солнцѣ лицо. Онъ дышитъ хрипло, съ усиліемъ. Когда къ нему подходитъ полковникъ, онъ поднимаетъ глаза и шепчетъ:

— Полковникъ, я исполнилъ свой долгъ...

Теперь изба наполнена израненными людьми. Толстый докторъ пыхтитъ, не выпускаетъ изо рта папиросы и безъ перерыва дѣлаетъ перевязки. Дверь открыта, но сильно пахнетъ больницей—іодоформомъ и кровью. На полу куски бѣлой марли и скомканные, въ коричневыхъ пятнахъ, бинты. Одинъ стрѣлокъ съ перебитой ногой жалуется и проситъ;

— Только не надо рѣзать... Я прошу... Я не хочу, я не могу, чтобы меня рѣзали... Докторъ, вѣдь вы не будете рѣзать?..

Къ полдню раненыхъ унесли или увели въ городъ N., гдѣ въ церкви устроенъ госпиталь Жанны Д'Аркъ. Санитары подметаютъ избу и собираютъ разбросанный соръ. Въ лѣсу тихо. Не рвется шрапнель. Не трещатъ за холмомъ винтовки.

Вечеромъ я ухожу въ городъ N. Я прощаюсь. Я прощаюсь со всѣми, кого я видѣлъ на „соединительномъ пунктѣ", въ лѣсу. Я всѣмъ желаю удачи,—пол-

ковнику, марокксскому капитану, телефонистамъ, доктору и самоотверженнымъ „brancardiers“. Я желаю имъ счастья. Я желаю, чтобъ надъ избой не разорвалась случайно шрапнель, чтобы граната, упавъ, не разбила желѣзной крыши, чтобы залетная пуля не просверлила отверстія въ стѣнѣ. Я желаю, чтобы всѣ эти люди благополучно вернулись домой. И еще желаю побѣды,—желаю, чтобы каждый изъ нихъ испыталъ не только горе и страданіе войны, но и ея великолѣпную радость: чувство своей побѣждающей силы, своего душевнаго превосходства надъ надменнымъ и дерзкимъ врагомъ. Но я ухожу отъ нихъ съ тяжкимъ сердцемъ. На „соединительномъ пунктѣ“, укрытый отъ нѣмецкихъ снарядовъ холмомъ, я увидѣлъ кровавыя закулисы войны. Мнѣ страшно думать о нихъ. Мнѣ страшно о нихъ писать.

ПРЕДМЕТЫ ДЛЯ РАЗГОВОРА.

Я помню: я пріѣхалъ на Марну. Стоялъ сентябрь холодный и ясный. Летала тонкая паутина. На виноградныхъ поляхъ стыдливо прятались темно-лиловыя гроздья. Я шелъ по мокрой травѣ, вдоль оставленной нѣмецкой траншеи. Было стданно видѣть эту траншею. Въ этотъ четкій сентябрьскій день она казалась ненужной. Не вѣрилось, что именно здѣсь разрывалась со свистомъ шрапнель, и трещали неугомонные пулеметы. Въ сторонѣ, за шоссейной дорогой, мирно пахалъ крестьянинъ. Онъ пахалъ, какъ пашутъ всѣ крестьяне отъ вѣка: медлительно и спокойно, въ потѣ лица добывая свой хлѣбъ.

И вдругъ я почувствовалъ, что подо мною нѣтъ твердой земли. Моя нога уходила во что-то мягкое, зыбкое, все глубже и глубже, все незамѣтнѣе и быстрѣе. Я не понялъ. Я оглянулся. Подъ ногами былъ желтый песокъ. Не пескѣ валялась фуражка.

Я поднялъ эту фуражку—истертую, грязную, съ краснымъ кантомъ, безъ козырька. И сейчасъ же услышалъ запахъ. Запахъ тлѣнія,—тяжкій запахъ войны. Нечѣмъ было дышать. Нечѣмъ жить. Я кощунственно истопталъ могилу.

Я вернулся въ Парижъ. И теперь, на чистыхъ улицахъ и праздничныхъ площадяхъ, на Etoile, Concorde, на Champe Elisées у Sacré Couer и въ Troecadéro, мнѣ всюду чудится этотъ запахъ. Я снова вижу оставленную траншею. Снова тонетъ въ мокромъ пескѣ нога. Снова липнетъ къ рукамъ фуражка.

Вчера я взялъ газету и прочиталъ:

„Война очищаетъ, обновляетъ, оздоровляетъ. Безъ войны человѣчество бы погибло. Война — призваніе. Война пробуждаетъ высокія чувства,—героизмъ, самоотверженіе, самоотреченіе, жажду подвига, вѣру. Въ исторіи міра нѣтъ ничего прекраснѣе, чѣмъ война. Война—наивысшая добродѣтель“.

Я перевертываю страницу:

„Нѣмцы лживы, грубы, жестоки. На войнѣ они прибѣгаютъ къ недостойнымъ уловкамъ. У нихъ нѣтъ ни разума, ни совѣсти, ни уваженія къ искусству. Они бомбардируютъ Реймскій соборъ. Это—сумасшедшіе дикари. Война разбудила ихъ варварскіе инстинкты. Нѣмцевъ надо безжалостно истреблять, какъ истребляютъ волковъ“.

Я беру другую газету:

„Что такое культура? Есть двѣ культуры—французская и нѣмецкая. Есть двѣ науки. Есть два искусства. Нѣмецкая культура смѣшна, нелѣпа, вырощена подъ барабанъ. Нѣмецкое искусство бездарно. Нѣмецкая наука ничтожна. Нѣмецкій языкъ—языкъ казармъ и пивныхъ. Все нѣмецкое заслуживаетъ презрѣнія“.

Такъ пишутъ. Такъ говорятъ: „Война очищаетъ, обновляетъ, оздоровляетъ“—вотъ одна тема для разговора. „Нѣмцы лживы, грубы, жестоки“—вотъ другая „Что такое культура?“—вотъ третья. „Дѣйствіе генеральнаго штаба“—четвертая. „Раздѣлъ Австріи и Германіи“—пятая. „Война и соціализмъ“—шестая. Сколько темъ и сколько занимательныхъ разговоровъ... За 100 километровъ отъ Лассиньи люди не знаютъ, что такое поле сраженія, что такое шрапнель, что такое огонь пулеметовъ, что такое выжженыя деревни, разгромленные дома, растоптанныя могилы. Они не чувствуютъ запаха смерти. Они не могутъ понять, что то, что происходитъ на нашихъ глазахъ, такъ значительно и огромно, что неумѣстны праздныя разсужденія. „И увидѣлъ я звѣря и царей земныхъ, и воинства ихъ. И сражались они съ сидящимъ на конѣ и съ воинствомъ его“.

Я слушаю, какъ разговариваютъ на улицахъ, въ вагонахъ, въ кафэ, на собраніяхъ, въ редакціяхъ, въ ресторанахъ. И я спрашиваю себя: почему одни сражаются, стрѣляютъ шрапнелью, умираютъ, ходятъ ночью въ атаку, дрожатъ отъ холода, мокнутъ подъ осеннимъ дождемъ, а другіе легкоязычно говорятъ о войнѣ? Гдѣ совѣсть? Гдѣ справедливость? И неужели люди не догадаются, не знаютъ, что настали времена, когда достойно молчать? И кто не молчитъ, тотъ, поистинѣ, отвѣчаетъ за каждое свое слово. Отвѣчаетъ передъ тѣми, кого уже нѣтъ.

Меня преслѣдуетъ запахъ смерти. Я брожу по Tro-

cadéro и по Champs Elisées. Я слушаю слово о войнѣ,—и не слышу. Мнѣ чудится, что это тлѣютъ не трупы,— тамъ, на Марнѣ, въ усыпанной желтымъ пескомъ, траншеѣ. Мнѣ чудится, что тлѣютъ здѣсь, вокругъ меня живые, но зараженные тлѣніемъ люди. На Марнѣ, на Изерѣ, на Энѣ смерть невидимо попираетъ смерть. Тамъ—изъ напоенной кровью земли, всколосится полновѣсный посѣвъ. Здѣсь,—не выраститъ никакое зерно. Тамъ—смерть тѣла. Здѣсь—духа.

Когда Іисусъ сказалъ: „Отнимите камень", сестра Лазаря, Мареа, отвѣтила ему: „Господи, уже смердитъ, ибо четыре дня, какъ онъ во гробѣ". Но четырехдневный Лазарь воскресъ. Воскреснетъ Бельгія, воскреснутъ выжженные французскіе города, воскреснетъ духъ живой тѣхъ, кто за родину положилъ свою жизнь. Но послѣднею смертью умеръ рабъ нерадивый, умеръ тотъ, кто во время этой страшной войны легкомысленно умылъ руки, не трудился, не горевалъ, а только всуе разговаривалъ о войнѣ. Это—смерть вѣчная.

ВЪ ПЛѢНУ.

Онъ въ небесно-голубомъ, солдатскомъ кепи, въ небесно-голубой курткѣ, и въ новыхъ, желтыхъ,—зашнурованныхъ башмакахъ. На груди—medaille militaire. Если бы не славянскія, широкія скулы и не каріе, глубокосидящіе и слегка насмѣшливые глаза, никто бы не сказалъ, что онъ русскій,—не русскій, во французской арміи, доброволецъ, а старшій унтеръ-офицеръ одного изъ нашихъ полковъ, сражавшихся въ Пруссіи. На его отпускномъ билетѣ коротко отмѣчено: „Sergent russe".

Онъ разсказываетъ, какъ бѣжалъ изъ нѣмецкаго плѣна. Разсказываетъ онъ спокойно, почти добродушно, какъ умѣютъ разсказывать только русскіе люди. У Глѣба Успенскаго есть старый солдатъ Кудинычъ. Онъ сражался и съ „черкесомъ", и съ „венгромъ", и кончаетъ жизнь въ караулкѣ, на чужихъ огородахъ, жуя печеный картофель. Когда онъ говоритъ о войнѣ, онъ говоритъ безъ всякаго озлобленія, даже какъ будто жалѣя врага: „Тамъ, братъ, не разговариваютъ"... „Охъ, грѣхи, грѣхи"... „Много мы ихъ тогда перебили... народъ все чистый, ладный народъ, ничего"... Не кажется ли вамъ, что Кудинычъ еще не умеръ? Не кажется ли вамъ, что въ русскомъ человѣкѣ меньше ненависти и больше

любви, чѣмъ въ англичанинѣ, французѣ или бельгійцѣ? И не оттого ли это, что русскій человѣкъ въ глубинѣ души увѣренъ въ своей несокрушимой силѣ, въ томъ, что „гдѣ же нѣмцу насъ побѣдить, если мы всей Россіей встанемъ?“... Не въ нѣмцахъ опасность. Опасность въ томъ, станетъ ли, захочетъ ли и сможетъ ли встать вся, до послѣдняго человѣка, Россія?..

— Взяли насъ у Гольдапа, въ началѣ войны... Перешли мы границу, опрокинули нѣмцевъ и идемъ, значитъ, прямо на Кенигсбергъ. Ну, однако, у Гольдапа большое сраженіе вышло. Нашъ батальонъ, чуть стало свѣтать, получилъ приказъ къ наступленію. Ну, хорошо... Поле открытое, ровное, гдѣ ужъ тутъ въ атаку итти?.. Нѣмецъ, правду сказать, людьми не очень силенъ, но зато пулеметами хоть куда... Сталъ онъ насъ. какъ траву, косить. И—и, Боже мой .. Падаютъ люди... Какъ увидѣлъ онъ, что насъ немного осталось, выбѣжалъ изъ окоповъ, окружилъ и кричитъ: „Русскіе, въ плѣнъ сдавайтесь“... Что подѣлаешь? Сдались въ плѣнъ... Тутъ такое въ плѣну началось, что не дай Богъ злому врагу: хуже каторги... Да развѣ возможно сравнить? Я на каторгѣ не бывалъ, а все-таки знаю: первое, терпишь тамъ наказаніе за свой, значитъ, грѣхъ; второе — какъ-ни-какъ, сытъ; третье—спишь каждую ночь въ сухомъ... А въ плѣну? Господи, Боже мой!.. Бьютъ, это—разъ. Ѣсть не даютъ, это—два. Спишь Богъ знаетъ гдѣ, это—три. Страдаешь невинно, это—четыре... Отвезли насъ въ бычьихъ вагонахъ въ какой-то тамъ Шней-

демюль, размѣстили въ баракахъ. Англичане тутъ были съ нами... Ну, англичане народъ очень стойкій, въ обиду не дастся. Шелъ одинъ вотъ такой, англичанинъ, а часовой нѣмецъ его такъ, зря, ни съ того ни съ сего—прикладомъ по шеѣ!.. Англичанинъ какъ размахнется,—нѣмецъ-то съ ногъ долой... Ну, конечно, набѣжали тутъ часовые, стали англичанина бить... Ужъ и били!.. Смертнымъ боемъ, Господи, били!.. А потомъ, разумѣется, судъ. На судѣ англичанинъ все-таки оправдался, доказалъ, что нѣмецъ его зря ударилъ, но только въ скорости померъ,—отъ побоевъ, конечно. Ну, хорошо... Живемъ мы въ этомъ—какъ его? Шнейдемюлѣ, годъ прожили, то-есть не жизнь, а голодная смерть, ей Богу!.. Въ Шнейдемюлѣ отобрали насъ человѣкъ пятьсотъ, повезли на французскій фронтъ, черезъ Бельгію, шоссе поправлять, окопы противъ французовъ копать. Что жъ?.. Привезли. Рѣка... Энъ, называется. Верстахъ этакъ въ 15-ти отъ французскаго фронта. Слышимъ: пушки, не переставая, гремятъ. Значитъ, отъ французовъ имъ хорошо достается. Видимъ ѣда-то ихняя не очень какъ будто бы хороша,—не то, что намъ, имъ самимъ не хватаетъ. Лошадь бомбой убьетъ, сейчасъ изъ лошади щи варятъ. Ей Богу... Чисто татары... Ну, починяемъ шоссе... Вотъ я и рѣшилъ: все равно съ голоду пропадать... Не могу больше.. Дай убѣгу... Еще двое товарищей тоже рѣшились... Деньги у насъ кое-какія были, марокъ двѣнадцать изъ дому намъ прислали, а дорогу мы знаемъ: чего тутъ? на выстрѣлъ прямо иди, оши-

биться развѣ возможно?.. Вечеромъ ходили мы хлѣбъ получать, по унтеръ-офицеру отъ каждаго взвода. Идемъ. Сзади конвойный, спереди тоже конвойный. Какъ подошли мы къ казармѣ, уже темнѣть стало: повѣрку нѣмцы играли. Мы втроемъ—шасть въ кусты... Отбѣжали шаговъ полтораста. Лежимъ и не дышимъ. Сыграли нѣмцы повѣрку и сейчасъ же у казармъ ругань и крики: значитъ, насъ, наконецъ, хватились... Мы—ничего, лежимъ. Полежали малое время, пошли. Еще рано, солдаты ходятъ, а форма у насъ почти-что ихняя, цвѣтъ одинъ. Только фуражки задомъ на передъ повернули, чтобы козырька спереди не было видно... Господи благослови, маршъ!.. Видимъ: мостъ черезъ рѣку. Ладно... Стоитъ часовой. Посмотрѣлъ онъ на насъ, тихо такъ говоритъ: halt! А мы и въ усъ не дуемъ, идемъ. Онъ снова: halt! А мы—ни гу-гу... Онъ покачалъ головой и говоритъ по-нѣмецки: „Нехорошо, молъ, солдаты... Когда часовой говоритъ halt, остановиться бы нужно“... Ну однако не пошелъ вслѣдъ за нами. Шли мы, шли, разсвѣтать уже стало... Значитъ, пора намъ мѣсто выбрать, чтобы спрятаться днемъ. Нашли такое мѣсто въ лѣсу. Лѣсъ-то вырубленъ—нѣмцы всѣ лѣса вырубаютъ. Легли. А разсвѣло—Господи, что такое?.. Въ полсотни шаговъ—казармы и солдаты за дровами ходятъ. Ну, вотъ прямо рядомъ съ нами прошли, не замѣтили: Богъ насъ спасъ... День пролежали, не двигаясь вовсе, а какъ вечеръ упалъ—снова въ дорогу... Дошли до шоссе. Обозъ. То-есть сколько этихъ лаза-

ретныхъ линеекъ, автомобилей, повозокъ,—куда тутъ пройти... Верстъ десять мы вдоль шоссе отмахали, а обозу все нѣтъ конца. Кончился, наконецъ, обозъ... Въ небѣ ракеты играютъ и слышимъ—французы палятъ. Проползли мы тутъ версты четыре ползкомъ, остановились и стали разсвѣта ждать. На разсвѣтѣ уснули, гдѣ были, и проспали до ночи. Ночью снова ползкомъ. Тутъ ужъ, дѣло ясно—поле сраженія. Окопы. Тухлые нѣмцы лежатъ. Духъ такой, что дыханія нѣтъ вовсе.. Доползли мы до проволоки нѣмецкой. Полземъ. И вдругъ, какъ зазвенятъ на проволокѣ колокольцы... Ну, конечно, нѣмцы стрѣлять... Да какъ!.. Залпами, Боже мой... Лежимъ—не дышимъ, а какъ перестали стрѣлять, мы снова—впередъ. Снова проволока звонитъ. Снова нѣмцы стрѣляютъ. Ночь. Темно. А то вдругъ видно, какъ днемъ,—ракета взовьется... Снялъ я шинель, на руку намоталъ, ткнулъ шинель-то впередъ, чтобы загражденіе прорвать... Опять зазвенѣло... Ну, что дѣлать?.. А, была—не была!.. Вскочили мы, давай напроломъ продираться... Тутъ ужъ насъ изъ пулеметовъ стали пугать. Меня Господь миновалъ, а одному товарищу руку насквозь прострѣлило. Однако,—вѣрите ли?—прорвались. Полземъ по чистому полю. Видимъ: яма, отъ бомбы осталась, а у края ямы мертвый французъ. Ну, мы въ яму и схоронились. Въ ямѣ вода... Пролежали до свѣту. А со свѣтомъ французы по ямѣ стали стрѣлять. Имъ не видно, ихній ли мертвый лежитъ или нѣмецъ въ окопахъ ползетъ. Выглянулъ я, взглянулъ, смотрю:

что такое? Каски... Ну, думаю, вотъ тебѣ разъ, ошиблись мы, не французы это вовсе, а нѣмцы... Только все-таки разобралъ, что нѣтъ на каскахъ шпинька. Поднялъ руку съ платкомъ, помахалъ и жду, что будетъ въ отвѣтъ. А въ отвѣтъ ничего. Я опять... А они: „франсэ, франсэ“... Я кричу: „мы—русскіе, камарадъ, рюссъ“.. Тогда они рукой стали показывать: бѣгите, молъ, къ намъ, сюда... Мы выскочили, спаси Царица Небесная, бѣгомъ, прямо къ нимъ... Добѣжали. Ужъ поистинѣ Богъ насъ спасъ. Былъ тутъ русскій докторъ при нихъ, допросилъ насъ, что мы видѣли, гдѣ и какъ вообще у нѣмцевъ? Разсказали мы, разумѣется, все... Повезли насъ потомъ въ Парижъ... Ничего, городъ хорошій, чистый и люди чистые и хорошіе. Только, ей Богу, чудно: живемъ мы во французской казармѣ и одѣты во французскую форму, точно мы не русскіе, а французы. Однако надѣемся, что вернемся домой. Не здѣсь же намъ воевать? Ужъ умереть, такъ у себя дома, среди своихъ, на нашей землѣ... Вотъ и весь нашъ побѣгъ. И военной медалью насъ наградили, а за что?.. Вѣдь съ голодухи бѣжали... Какъ же, подумайте, не бѣжать?.. Что жъ, въ плѣну конца войнѣ дожидаться?.. Да и не дождешься,—съ голодухи раньше помрешь“...

Кудинычъ не только воюетъ—ходитъ въ атаку и отсиживается въ окопахъ. Кудинычъ еще и бѣжитъ изъ плѣна, ползетъ по ночамъ ползкомъ, „прорывается“ черезъ проволочныя загражденія, и, прорвавшись, искренно недоумѣваетъ, за что его наградили военной

медалью? Въ плѣну онъ голодаетъ, его бьютъ и возятъ въ „бычьихъ“ вагонахъ. Но, разсказывая о плѣнѣ, онъ ни словомъ не упрекаетъ врага. „Вѣдь съ голодухи бѣжали... Что жъ, въ плѣну конца войны дожидаться?“... Этимъ исчерпывается его житейская мудрость. Что это? Въ самомъ ли дѣлѣ мудрость, Христово смиреніе или то покорное равнодушіе, которое заставляло караульщика чужихъ огородовъ Кудиныча разсказывать не про черкеса и венгра, а про „гацъ“ и „фитиль“? „И горитъ, братецъ ты мой, этотъ самый гацъ безъ фитиля и лучины... А изъ варки выфыркиваетъ полымемъ, значитъ, этотъ духъ, напримѣръ“... Но покорность ли это или Христова любовь, въ обоихъ случаяхъ это— сила, та русская, спокойная и твердая сила, которая одолѣла и черкеса, и венгра, и француза, и турка и которая завтра одолѣетъ и непобѣдимаго нѣмца.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Того же автора:

То, чего не было. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Изд. II-е.

Цѣна 2 р. 25 к.

„ВОЙНА и МИРЪ“.

Сборникъ оригинальныхъ статей, посвященный памяти Л. Н. Толстого. Подъ редакц. **В. П. Обнинскао и Т. И. Полнера.** Съ иллюстраціями. Цѣна 3 р. 50 к.

Содержаніе; 1) **Т. И. Полнеръ.** „Война и миръ“ Л. Н. Толстого. 2) **К. В. Покровскій.** Исторія работы Толстого надъ романомъ „Война и миръ“. 3) **В. К. Покровскій.** Источники „Войны и мира“. 4) **В. Н. Перцевъ.** Философія исторіи Л. Н. Толстого. 5) **А. К. Дживелеговъ.** Александръ и Наполеонъ 6) **С. П. Мельгуновъ.** На войнѣ 1812 года. 7) **К. В. Сивковъ.** Вліяніе войны 1812 г. на духовную жизнь Россіи. 8) **В. И. Пичета.** Война 1812 г. и народное хозяйство. 9) **В. Е. Степанова.** Война 1812 года въ живописи. 10) **В. П. Обнинскій.** Война сто лѣтъ назадъ и теперь. 11) **Л. С. Козловскій.** Война и миръ въ ученіи Л. Н. Толстого.

Первая половина изящно изданной и со вкусомъ иллюстрированной книги посвящена ближайшимъ образомъ самому произведенію, вторая —широко поставленному историческому освѣщенію эпохи. Всѣ 150 страницъ, занятыя перечисленными статьями, даютъ цѣнный вкладъ въ историко-литературное пониманіе великой эпопеи Толстого. Статья В. П. Обнинскаго, такъ же, какъ послѣдняя статья Л. С. Козловскаго „Война и миръ въ ученіи Толстого“,—прекрасно заключаетъ собою сборникъ, одной изъ цѣлей котораго было содѣйствовать установленію здраваго, человѣческаго взгляда на войну. Весь сборникъ, интересно задуманъ, прекрасно выполненъ и производитъ оченъ пріятное впечатлѣніе. (*А. Грузинскій. „Утро Россіи“*).

Цѣлью сборника, какъ видно изъ короткаго предисловія, было „дать комментаріи къ великому творенію Толстого“. Но, развиваясь и исполняясь, цѣль расширилась, и сборникъ производитъ сейчасъ впечатлѣніе не только комментарія къ „Войнѣ и миру“, но отрицательнаго комментарія къ войнѣ... Весь сборникъ производитъ впечатлѣніе цѣльной интересной и краснорѣчивой аргументаціи противъ войны (Изъ рец. *И. Игнатова „Русск. Вѣд“*. 1913—14).

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Н. Морозовъ Повѣсти моей жизни Въ 4-хъ частяхъ.

И. Кущевскій. Николай Негоревъ или благополучный россіянинъ. Съ предисл. А. Горнфельдъ.

И. Бѣлоконскій. Воспоминанія.

А. Кизеветтеръ. М. С. Щепкинъ.

Цѣна: 1 р. 75 к.

Складъ изданія:
Т-во „ЗАДРУГА"
Москва, М. Никитская, 29.